Раймон КЕНО

Les fleurs bleues

Raymond Queneau

Голубые цветочки

Голубые цветочки
Раймон Кено

Аннотация
Раймон Кено. Голубые цветочки
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX
XX

XXI

Аннотация

Раймон Кено (1903–1976) — выдающийся французский писатель, поэт, эссеист, переводчик, сценарист, лауреат нескольких престижных литературных премий, в том числе премии Черного юмора, участник сюрреалистического движения, один из создателей УЛИПО, Трансцендентальный Сатрап Патафизического Колледжа, и вместе с тем, член Гонкуровской академии, основатель и директор «Энциклопедии Плеяды», известный эрудит, а также художник и математик.

С одним из главных героев романа «Голубые цветочки», герцогом д'Ож, мы встречаемся… каждые 175 лет. Все остальное в этом произведении столь же необычно — начиная от полуфантастического сюжета и кончая языком, ибо, как всегда у Кено, слова здесь с легкостью переиначивают свой смысл и начинают играть совершенно неожиданными гранями и красками. Парадоксально, занимательно и остроумно.

Раймон Кено
Голубые цветочки

Известная китайская притча гласит: Чжуан-цзы снится, что он мотылек, но, может быть, это, наоборот, мотыльку снится, что он Чжуан-цзы[1]? То же самое происходит и в этом романе: герцогу д'Ож снится, что он Сидролен, но не Сидролену ли снится, что он герцог д'Ож? Мы встречаемся с герцогом д'Ож, путешествующим во времени, каждые 175 лет. В 1264 году он едет ко двору Людовика Святого, в 1439 покупает пушки для своего замка, в 1614 привозит к себе алхимика, в 1789 увлекается одним любопытнейшим занятием в пещерах Перигора. И, наконец, в 1964 году он знакомится с Сидроленом, который — в его снах — живет на своей барже, стоящей на приколе у набережной, живет, пребывая в приятном ничегонеделании. Сидролен,

---

[1] Примечания: 1

Чжуан-цзы — древнекитайский философ (369–286 до н. э.). *(Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, прим. переводчика.)*

в свою очередь, тоже видит сны… А наяву единственное его занятие состоит в том, что он непрерывно закрашивает оскорбительные надписи, которыми неизвестный злопыхатель оскверняет загородку перед его баржей.
И, как в настоящем детективном романе, читатель лишь под конец узнает, кто этот неизвестный. Что же касается голубых цветочков…
Οναρ ανττί όνεϊρά́τοζ[2]

[2] Примечания: 2
Сон за сон (Платон, Тээтет, 201e) *(греч.) (прим. автора).*

I

Двадцать пятого сентября одна тыща двести шестьдесят четвертого года нашей эры, с утра пораньше, герцог д'Ож взобрался на самую верхушку своего д'ожнона[3], дабы прояснить для себя, хоть самую малость, историческую обстановку. Обстановка была, прямо сказать, черт знает какая. Там и сям виднелись остатки исторического прошлого, все вперемешку. На берегах ближайшей речушки разбили вдребезги лагерь двое гуннов; неподалеку от них какой-то галл, вернее всего эдуец[4], бесстрашно вымачивал ноги в холодной проточной воде. На горизонте смутно маячили силуэты старообразных римлян, старозаветных сарацинов, старорежимных аланов и старых франков. Было и несколько нормандцев — те попивали кальвадос.

Герцог д'Ож вздохнул, но вздох не помешал ему все так же внимательно изучать эти отжившие

---

[3] Примечания: 3

Игра слов: донжон — сторожевая башня.

[4] Примечания: 4

Эдуи (а не эдуйцы!) — кельтское племя на территории древней Галлии.

свое феномены.

Гунны готовили гуляш под соусом «тартарары»; галл, за отсутствием галлок, считал ворон; римляне ваяли греческие статуи; сарацины разучивали сарабанду; франки искали отложения солей; аланы же уподоблялись осетинам[5]. Нормандцы попивали кальвадос.

— Столько истории! — сказал герцог д'Ож герцогу д'Ож. — История на истории — и все ради нескольких жалких каламбуров, ради пары анахронизмов! Какое убожество! Будет этому когда-нибудь конец или нет, хотел бы я знать!

Увлекшись, он еще несколько часов кряду наблюдал эти ошметки прошлого, сопротивлявшиеся распаду, потом, без всякого явного внешнего повода, покинул свой наблюдательный пост и спустился на нижний этаж замка, впадая по дороге в настроение, которое можно назвать убийственным.

Он не убил свою супругу, поскольку та сама уже усопла, но зато побил своих дочерей числом

---

[5] Примечания: 5

Начало романа пародирует школьные сочинения на исторические темы. Фраза «сарацины разучивали сарабанду» намекает на завоевание арабами Пиренейского полуострова. Франки искали отложения солей: здесь игра слов; соль — старинная французская золотая монета. Аланы (ираноязычные племена сарматского происхождения), считаются предками осетин.

три, сбил спесь со служанок, выбил пыль из ковров и дух из конюших, перебил посуду и отбил чечетку. Вслед за чем незамедлительно принял решение совершить краткосрочное путешествие и наведаться в столичный город Париж с небольшой помпой и небольшой свитой в лице одного только пажа Пострадаля.

Среди своих скакунов он выбрал самого любимого — першерона, носящего имя Демосфен, ибо тот умел говорить человеческим голосом, даже и с уздечкою в зубах.

— Эх, славный мой Демо! — уныло сказал герцог д'Ож. — Ты видишь, как я печален и меланкалечен.

— Опять эта древняя история? — осведомился Демо, он же Сфен.

— Увы! Она убивает во мне всякий вкус к жизни, — отвечал герцог.

— Выше голову, мессир, выше голову! Садитесь-ка лучше в седло, и поедем прогуляться.

— Именно таково и было мое намерение, и даже более…

— Чего же вам еще?

— Я решил уехать на несколько дней.

— О, ваше решение меня радует, мессир. Куда прикажете доставить вас?

— Далеко! Как можно дальше отсюда! Здесь даже грязь и та усеяна нашими цветочками…

— Да-да, знаю, «цветами голубыми риторики высокой». Так куда же?

— Выбирай сам.

И герцог д'Ож уселся на своего любимого конька Демо, который внес следующее предложение:

— А не проехаться ли нам в столичный город Париж, взглянуть, насколько продвинулось строительство собора ихней богоматери?

— Как! — вскричал герцог, — разве оно еще не завершено?

— Вот в этом-то нам и предстоит удостовериться.

— Если они будут так валандаться, то в конце концов вместо этого замечательного собора возведут замечетельную мечеть.

— Или забуддутся до того, что воздвигнут буддуар. А то и вовсе оконфузятся, соорудив какую-нибудь конфуциальню. Но не будемте гадать на кофейной гуще, которой все равно пока нет, мессир. В путь! А заодно воспользуемся нашим путешествием, чтобы воздать феодальные почести Людовику Святому, девятому королю, носящему это имя.

И, не дожидаясь ответа хозяина, Сфен затрю-

хал к подъемному мосту, который опустился им навстречу с большим подъемом. Пострадаль, не проронивший ни словечка из опасения схлопотать зуботычину латной-перелатаной рукавицей господина, следовал за ним верхом на Стефане, названном так за свою неразговорчивость. Поскольку герцог все еще упивался душевной горечью, а Пострадаль, верный своей выжидательной политике, упорно помалкивал, Демосфен весело разглаголльствовал в одиночку; попутно он бросал ободряющие шуточки всем встречным — галлам галлюцинирующего вида, римлянам кесарева вида, сарацинам сарабандитского вида, гуннам гулящего вида, аланам осетинского вида и франкам солирующего вида. Нормандцы попивали кальвадос.

Низко-пренизко кланяясь своему горячо любимому сюзерену, вилланы[6] одновременно бурчали страшные-престрашные угрозы, не переходящие, однако, в действия и не выходящие за пределы усов, буде они таковые носили.

Выбравшись на большую дорогу, Сфен перешел на галоп и наконец замолк, так и не найдя себе достойного собеседника, ибо дорожное движение

---

[6] Примечания: 6

Вилланы — крестьяне в феодальной Франции, лично свободные, но не имевшие собственной земли.

как таковое отсутствовало; он не хотел беспокоить своего всадника, чувствуя, что тот задремал; поскольку Сфен и Пострадаль разделяли эту предосторожность, герцог д'Ож кончил тем, что крепко заснул.

Он жил на барже, стоявшей на приколе у набережной в большом городе, и звали его Сидролен. Ему подали омара сомнительной свежести под майонезом сомнительного цвета. Выламывая ракообразному клешни с помощью щелкушки для орехов, Сидролен пожаловался Сидролену:

— Не фонтан, совсем не фонтан. Ламелия никогда не научится прилично готовить.

И добавил, по-прежнему обращаясь к самому себе:

— Однако куда ж это я ехал верхом на коняге? Никак не вспомню, хоть убей. Вот они — сны-то! Ведь в жизни своей не садился на лошадь. На велосипед я, правда, тоже никогда не садился, и вот поди ж ты, во сне на велосипеде не езжу, а на лошади почему-то езжу. Тут наверняка что-то кроется. Нет, этот омар явно не фонтан, о майонезе я уж и не говорю, а что, если научиться ездить верхом? В Булонском, например? Или лучше на велосипеде?

— И тогда водительские права не нужны, — за-

мечают ему.

— Ладно, ладно.

После омара ему приносят сыр.

Твердый, как гипс!

Потом яблоко.

Червивое, как гриб!

Сидролен вытирает губы и шепчет:

— Опять фиаско!

— Ничего, это не помешает тебе, как всегда, задрыхнуть после обеда, — замечают ему.

Сидролену нечего возразить: шезлонг уже ждет его на палубе. Он накрывает лицо носовым платком и… не успевает сосчитать до трех, как оказывается под крепостными стенами столичного города Парижа.

— Чудненько! — воскликнул Сфен. — С прибытием вас!

Герцог д'Ож пробудился от сна со смутным ощущением чего-то несвежего в желудке. В этот момент Стеф, скакавший молчком с самой провинции, почувствовал желание высказаться и высказался в следующих словах:

— О город альмаматеринский и достославный!

— Тише ты! — прервал его Сфен. — Если нас с тобой услышат, то нашего доброго господина обвинят в колдовстве.

— Б-р-р! — сказал герцог.

— И его пажа itu[7].

— Б-р-р! — сказал Пострадаль.

И Сфен, желая напомнить Стефу, как следует выржаться приличному коню, заржал.

Герцог д'Ож остановился в «Кривобокой сирене», которую однажды порекомендовал ему прохожий трубадур.

— Фамилия, имя, степень знатности? — спросил хозяин заведения Мартен.

— Герцог д'Ож, — ответил герцог д'Ож, — имя мое Жоакен, и сопровождает меня преданный мне паж Пострадаль, сын графа де Прикарманъ. Конь мой зовется Сфен, второй же зовется Стеф.

— Место жительства?

— Замок Ковш-Эг[8], недалече от моста.

— Ну, с анкетой у вас вроде бы все в ажуре, — заключил Мартен.

— Надеюсь! — отозвался герцог. — Ибо ты уже начал раздражать меня своими идиотскими расспросами.

— Нижайше прошу простить меня, мессир, но

---

[7] Примечания: 7

Также *(вульг. лат.)*.

[8] Примечания: 8

Ковш-Эг — искаженное название «Ковчег». Одновременно напоминает названия французских городов Эг-Вив и Эг-Морт.

таков приказ короля.

— Уж не собираешься ли ты еще выведывать у меня, с какой целью прибыл я в столичный город Париж?

— А чего тут выведывать?! Мессир прибыл, дабы спознаться с нашими шлюхами, самыми красивыми во всем христианском мире. Наш святой король ненавидит их от всей души, но они так пылко участвуют в финансировании предстоящего крестового похода…

— Много болтаешь, дурак! Я прибыл, дабы проверить, как обстоят дела со строительством собора вашей богоматери.

— Южная башня сильно продвинулась, скоро начнут возводить северную и галерею, которая их соединит. А еще там перебирают кровлю, чтобы она давала побольше света.

— Заткнись! — взревел герцог. — Если ты все выболтаешь, мне ничего не останется, как вернуться домой, к чему я отнюдь не расположен.

— Так же, как и я, мессир, а потому спешу подать вам ужин.

Герцог крепко поужинал, затем отправился на боковую и с большим аппетитом поспал.

Он еще и не думал кончать спать, как вдруг его разбудила громким окликом с берега парочка ко-

чевников. Сидролен ответил им знаками, но они явно ничего не уразумели, ибо спустились с откоса, прошли по мосткам и взобрались на баржу.

Одна из особей была мужского пола, другая, наоборот, женского.

— Эскьюз ми, — сказала особь мужского пола, — но ми есть заблудшие.

— Нашел с чего начать! — заметил Сидролен.

— Начхать? Пуркуа? Ми есть заблудяги… или, как это… забулдиги.

— Очень печально!

— Кемпинг, пожалюста! Битте… кемпинг пасаран? Но пасаран[9]?

— Эх, хорошо говорит! — прошептал Сидролен, — только вот понять бы, на каком наречии: староевропейском или нововавилонском?

— А! О! — вскричала мужская особь, выказывая живейшее удовлетворение, — ви ферштеять европейски?

— Йес, натюрлих, — отвечал Сидролен. — Но снимите же свою поклажу, благородные чужестранцы, и выпейте по стаканчику перед тем как уйти.

— А! О! Стаканшик! Брависсимо!

---

[9] Примечания: 9

«No pasarán» (враг не пройдет) — призыв испанских республиканцев во время гражданской войны.

Просияв, благородный чужестранец скинул свой рюкзак, затем, с полнейшим пренебрежением к мебели, предназначенной для сиденья, сложился втрое и опустился на пол, весьма ловко подсунув под себя ноги. Сопровождавшая его юная особа сделала то же самое.

— Может, они японцы? — спросил себя вполголоса Сидролен. — Да нет, волосы-то у них белокурые. Финны, наверное.

И он обратился к мужчине:

— Вы не финн, случайно?

— Чайна? Ноу Чайна! Моя есть маленьки друг на весь мир.

— Ясно. Космополит, значит?

— Йяволь. Где есть ваша стаканшик?

— Ишь ты, космополит, а про стаканчик не забыл.

Сидролен хлопнул в ладоши и позвал:

— Ламелия! Ламелия!

Приход последовал незамедлительно.

— Ламелия, налей-ка по стаканчику этим благородным чужестранцам.

— Чего им?

— Укропной настойки с минералкой, чего же еще!

Уход последовал незамедлительно.

Сидролен наклонился к кочевникам.

— Итак, птенчики мои, вы, значит, заблудяги?

— Да, мы блудим, — ответила девушка, — очень много блудим.

— Да вы, милая моя, никак француженка?

— Не очень: канадка.

— А ваша стаканшик? — спросил скрюченный кочевник. — Надо шнель чин-чин.

— Вот зануда! — сказал Сидролен.

— Ну, нет, он славный парень.

— И вы, конечно, направляетесь на туристическую турбазу для туристов?

— Мы ее ищем.

— Вы почти у цели. Надо пройти вверх по реке еще каких-нибудь пятьсот метров.

— А! Финиш? Прибивати? — воскликнул парень, резво вскочив на ноги. — Только пятьсот километр! Алле, шнель!

Он взвалил себе на спину рюкзак, который, судя по внешнему виду, весил не меньше тонны.

— Мы ждем укропную настойку с минералкой, — заметила девушка, не двинувшись с места.

— Уэлл, си!

Он сбросил со спины свою тонну и вновь уселся на пол в непринужденной позе «глотос».

Сидролен улыбнулся девушке и одобрительно заметил:

— Ну и дрессировочка!

— Дрессировочка? Я не понимает.

— Я хочу сказать: слушается с полуслова.

Девушка пожала плечами.

— Вы что, слабы на голову? Он остался, потому что он свободен, а вовсе не потому, что дрессирован. Если бы он был дрессирован, он тут же отправился бы на туристическую турбазу для туристов. Но он остался, потому что он свободен.

— А в этой юной головке кое-что есть, — прошептал Сидролен, с новым интересом вглядываясь в канадку, особенно в светлый пушок на ее ногах и в подметки ботинок. — Ей-богу, кое-что есть!

Тут как раз принесли укропную настойку с минералкой. Все выпили.

— А каким манером вы кочуете? — спросил Сидролен. — На повозке, на велосипеде, на машине, на вертолете? Пешком, верхом, вплавь?

— Стопами, — ответила девушка.

— Автостопами?

— Конечно, автостопами.

— Я-то сам иногда кочую на автотакси. Правда, это менее экономично.

— Мне плевать на деньги.

— Понятно. А как вам моя укропная настойка?

— Неплохая. Но чистая вода лучше.

— Здесь она никогда не бывает чистой. Речная пахнет помойкой, а водопроводная — хлоркой.

— Вы не хотите, чтобы он спел?

— Это еще зачем?

— Чтобы отблагодарить.

— За укропную настойку?

— За гостеприёмство.

— Очень мило с вашей стороны. Спасибо.

Девушка повернулась к своему спутнику и скомандовала:

— Спой!

Парень порылся в своем имуществе и извлек на свет божий крошечное банджо. Попробовав струны и взяв несколько вступительных аккордов, он открыл рот, и они услышали следующие слова:

— «Люблю Пемполь, люблю его утесы, и колоколен звон многоголосый...»[10]

— Где он это выучил? — спросил Сидролен, когда песенка была спета.

— В Пемполе, конечно, — ответила канадка.

— Ну и глуп же я! — сказал Сидролен, хлопнув

---

[10] Примечания: 10

Песня Теодора Ботреля «Пемполез». Город Пемполь находится на Атлантическом побережье Франции.

себя по лбу, — мог бы и сам сообразить.

Минибанджо вернулось в рюкзак. Парень опять принял вертикальное положение и протянул Сидролену руку.

— Сэнкью, — сказал он, — и орибуар[11]!

Затем он обращается к девушке:

— Шнель! Ти идьот или не идьот?

Девушка грациозно встает и в темпе засупонивается.

— Ну и дрессировочка! — заметил Сидролен.

Юный кочевник тут же запротестовал:

— Найн! Найн! Нет трессировотшка: швобода! Либертад! Марширен нах кемпинг бикоуз иметь швобода марширен нах кемпинг!

— Ясно, ясно.

— Прощайте! — сказала девушка, в свою очередь протягивая руку Сидролену. — Еще раз спасибо, мы к вам зайдет как-нибудь, если будет время.

— Милости просим, — ответил Сидролен.

Он посмотрел, как они карабкаются вверх по косогору со всем своим снаряжением.

— Для силачей работка, — прошептал он.

— Они вернутся? — спросила Ламелия.

---

[11] Примечания: 11

Искаженное «au revoir» (до свидания). Буар *(boire)* — пить *(фр.)*.

— Не думаю. Нет, они никогда не вернутся. Да и что они мне? Они едва ушли, а я уже почти забыл о них. А ведь они существуют, они, без сомнения, заслуживают права на существование. Но они никогда больше не вернутся в лабиринты моей памяти. То было мимолетное знакомство. Бывают такие сны, похожие на мимолетное знакомство, — наяву они наверняка прошли бы мимо сознания, и однако, эти сны волнуют, когда припоминаешь их утром, пока тычешься без толку в сомкнутые ставни век. Может, я и сейчас спал?

Ламелия не ответила ни утвердительно, ни отрицательно — по той простой причине, что она не дослушала его монолог до конца.

Сидролен взглянул на часы в кубрике и не без удовольствия констатировал, что встреча с кочевниками пробила весьма несущественную брешь в том отрезке времени, который он отводил своей сиесте, и что эта последняя вполне может быть продолжена еще на несколько минут. Вот почему он разлегся в своем шезлонге, и ему опять удалось заснуть.

II

— Что я вижу! — воскликнул король, сидящий под своим заветным дубом, — уж не препожаловал ли к нам наш горячо любимый герцог д'Ож!

— Он самый, сир, — отвечал герцог, склоняясь долу перед королем, и добавил: — Мое вам нижайшее!

— Счастлив тебя видеть в добром и цветущем здравии, — сказал король. — Как там твоя семейка?

— Моя супруга усопла, сир.

— Надеюсь, это не ты ее укокошил? С тебя ведь станется!

Тут король изволил милостиво улыбнуться собственной шутке, и тотчас окружающая свита прямо-таки зашлась от восхищения.

— Стало быть, с наследником по-прежнему дело швах? — осведомился король.

— Увы! — вздохнул герцог. — У меня только мои тройняшки, и это для меня тяжкий крест, государь, тяжкий крест!

— Кстати, о кресте! — воскликнул король. — Я очень рад твоему приезду. Мы тут снаряжаемся

в новый крестовый поход и очень рассчитываем, что ты составишь нам компанию.

— Не очень-то мне это по вкусу, государь.

— Ну-ну-ну! Не спеши с отказом, ты ведь еще не знаешь подробностей. Во-первых, на сей раз мы отправляемся не в Египет (вот тебе на, сэр!). Нынче мы берем курс на Карфаген.

— А это мне совсем уж не по вкусу.

— Карфаген-то? Да нет, ты сперва вникни, мой добрый д'Ож, одни только исторические воспоминания чего стоят!.. Блаженный Августин… Югурта… Сципион… Ганнибал… Саламбо… Неужто тебе это ни о чем не говорит?!

— Совсем ни о чем, сир. Моя читай книжки мало-мало.

— Ах, д'Ож, мой добрый д'Ож, и все-таки тебе необходимо сопровождать меня, дабы выпотормошить этих поганых нечестивцев.

— И не уговаривайте, сир, на сей раз я с вами не в деле и не в доле.

— Стало быть, у тебя нет желания разделаться с приверженцами Магомета?

— Судите сами, сир: я живу отшельником в моем скромном загородном замишке с д'ожноном, я воспитываю там дочерей, коими Господу угодно было удручить мою старость, я лечусь там

от неизлечимой болотной лихорадки, которую подцепил в Дамьетте[12] и прочих отдаленных колониях нашей метрополии, там же некий святой человек, он же капеллан, он же аббат Онезифор Биротон заботливо ведет меня по пути истинному к очищению души, — так какого же чёрта, сир, скажите сами, какого же чёрта мне срываться из моей мирной провинции?! Неужто для того, чтобы год спустя меня доставили туда же засоленной тушей в бочонке?!

Святой король испустил тяжкий вздох.

— Короче говоря, — заключил он, — против Эль Мостансер Биллаха[13] ты бы не пошел?

— Да пошел он сам куда подальше, сир, вот вам мое последнее слово!

— Ох-хо-хо! Вижу я, трудненько мне будет провести этот восьмой крестовый поход.

И добрый святой король совсем было впал в уныние.

— Ну-ну, не горюйте, сир, — утешил его герцог д'Ож. — Вы уж как-нибудь собьете себе команду из всяких коммандос, они охотно составят вам

---

[12] Примечания: 12

Дамьетта — портовый город в Египте.

[13] Примечания: 13

Эль Мостансер Биллах — тунисский халиф, против которого Людовик выступил в поход в 1270 г.

компанию в кампании на тех далеких берегах.

— Надеюсь, надеюсь, — печально молвил король.

— Могу ли я просить Ваше Величество отпустить меня?

Король дал ему свое отпущение.

Герцог совсем было собрался удалиться, как вдруг ему в лицо, не в бровь, а в глаз, градом посыпались протухшие яйца и прокисшие помидоры: окружающие, услыхав речи короля под заветным дубом, сочли, что названный святой король выказал непростительную слабость перед этим трусливым вассалом, который предпочел комфортную жизнь в своем уютном загородном замишке с д'ожноном тяжким превратностям христианнейшей экспедиции в сторону Бизерты; тем более что им самим — биржуа, мастеровым и вилланам — ни с какого боку не светил поход к некогда карфагенским берегам, где всегда есть шанс схлопотать удар ятаганом или подцепить какую ни на есть неизлечимую хворь.

— Ату, ату его! — вопили они. — Ах ты, продажная тварь, ах ты, мерин недохолощеный, жирный трус, свинячье рыло, дрейфусар порхатый, патриот брюхатый, хряк поганый, стервец окаянный, подлец беспардонный, болтун пу-

стозвонный, хиляк убогий, урод кривоногий, притворщик двуликий, предатель великий, как ты смеешь оставлять гробницу Господа нашего Иисуса Христа язычникам на поругание, да притом еще перечить нашему святому королю! Да здравствует Людовик из Пуасси! Ату его, ату! Ах ты, продажная тварь!

И они продолжали закидывать герцога еще тепленькими коровьими лепешками и пахучими конскими яблоками, так что он, наконец, даже занервничал. Выхватив меч из ножен, он широкими взмахами расчистил себе путь, обратив в бегство вилланов, мастеровых и биржуа, которые опрометью кинулись врассыпную, не без того чтобы потоптать друг друга, отчего сколько-то дюжин из них отдали богу души, за каковые души наш святой король впоследствии помолился столь усердно, что результат, конечно, не замедлил сказаться.

Герцог с омерзением в душе направился в купальню, дабы очиститься от последствий публичной к нему неприязни.

— Вот сволочье! — бурчал он. — Какие уж тут свобода, равенство и братство, коли эта мразь во все сует поганый нос. Он-то, мой Людовик-богословик, небось не позабыл, как верно я служил

ему и в Дамьетте, и в Мансурахе. Колониальные войны… уж мы-то с ним знаем, что это за штука. Он-то, мой Людовик-богословик, задумал туда вернуться… ну уж это его проблемы. Он-то, мой Людовик-богословик, не то что я, — он человек святой; кончится тем, что его пропечатают во всех календарях, а вот какого черта нужно этим мерзавцам, что улюлюкают мне вслед? Святые мощи отвоевать? Да плевать они на них хотели! А нужно им вот что: увидеть своими глазами, как эти паршивые карфагенские боши повыпускают кишки благородным сеньорам вроде меня, чтобы потом экспроприировать наши замки, дуть кларет из наших погребов и невозбранно — а почему бы и нет?! — брюхатить наших матерей, наших жен, наших дочерей, наших служанок и наших овец.

— И наших кобыл, — добавил Сфен.

Какой-то прохожий даже подпрыгнул от изумления.

— И наших кобыл! — громогласно подхватил герцог.

И нагнулся к незнакомцу:

— Это я сам сказал «и наших кобыл». Я и никто иной, понял, мерзавец?

Герцог так угрожающе вращал глазами, что

прохожий весьма учтиво и торопливо согласился:

— Не смею спорить с вами, мессир.

Вслед за чем скрылся из виду, не очень-то убежденный.

— Давно пора нам покинуть этот город, — решил герцог. — Мы уже поглядели, как идут работы в соборе Парижской богоматери, полюбовались часовней Сент-Шапель, этой жемчужиной готического искусства, засвидетельствовали должное почтение нашему святому королю. Это все, конечно, прекрасно, только, сдается мне, здешний народец сильно поплошал, так что после купанья мы завернем пообедать в какую-нибудь таверну пошикарнее, дабы утешиться вполне, а после сразу же прочь отсюда, домой!

Пока герцогу отчищали одежду, а сам он упревал в горячей воде, его сморил сон.

Прикрыв за собой дверцу, Сидролен первым делом поглядел, по-прежнему ли хулиганские надписи оскверняют загородку, отделяющую бульвар от косогора рядом с баржой. Но надписей не было. Закончив осмотр, он решил перейти бульвар и взглянуть, как идут работы напротив: там готовились возводить жилой дом, пока же на этом месте зиял котлован.

Приняв все необходимые предосторожности, Сидролен, живой и невредимый, очутился по ту сторону шоссе. Он опасливо приблизился к забору, на коем было начертано: «Опасная зона! Берегись грузовиков!» В глубине стройки экскаватор сгребал в кучу обломки былых строений, чтобы наполнить ими один из тех самых грузовиков, чей выезд объявлялся столь опасным для окружающих. Повсюду сновали люди в белых касках. В углу что-то разгружалось. Для профессионального строителя картина стройки не должна была представлять загадки.

К Сидролену присоединился какой-то прохожий, и они принялись любоваться на пару, как загружают кузов. Когда грузовик был набит доверху, он выбрался по крутому склону из котлована. Сидролен благоразумно посторонился. Выехав на ровное место, грузовик рванул по бульвару; прохожий отпрыгнул назад под визг уаттомобильных тормозов.

— Видали? — воззвал к Сидролену побледневший прохожий. — Этот сукин сын чуть не задавил меня.

— Но ведь не задавил же, — ответил Сидролен, стараясь быть объективным.

— Как же! Он сделал все, что мог!

— Так вас же предупреждали. Видите, написано: «Опасная зона! Берегись грузовиков!» Когда я ходил в школу, я часто думал, зачем нас учат читать; теперь-то я понял: чтобы спасаться от грузовиков.

— Может быть. Представьте себе, я тоже выучился читать в школе, правда, на другом языке, не на вашем. Так что ж теперь, меня за это давить надо?!

Мимо ехал на мопеде какой-то господин; резко тормознув, он соскочил с седла и, таща свою машину за один рог, подошел к беседующим. Господин был одет в длинную черную сутану и того же цвета сомбреро с отогнутыми вверх полями.

— Ad majorem Dei gloriam![14] — возгласил он, простерев вперед руку.

— Этот господин не понимает по-французски, — сказал Сидролен.

— Sed tu?[15]

— А я понимаю, но неважно.

— Ладно, ладно.

Он снова уселся на мопед, проехался по тротуару в нарушение дорожных правил и чуть

---

[14] Примечания: 14
К вящей славе Господней! *(лат.).*

[15] Примечания: 15
А ты понимаешь? *(лат.).*

дальше вырулил на шоссе, влившись в поток уаттомобилей.

— Ишь, мироносец, несется что твой миноносец! — заметил прохожий.

Сидролен зевнул.

— Спать хотите? — осведомился прохожий.

— Нет, хочу есть. Обедать пора. Прошу прощения, но я желал бы продолжить свой дотрапезный променад, дабы завершить обычный маршрут.

— Я вас уже информировал о том, что я иностранец, — ответил прохожий несколько раздраженным тоном. — Вы еще не забыли тот грузовик?

— Так вы что, из этих, из кочевников? — вежливо поинтересовался Сидролен.

— Я? Отнюдь! Я живу в гостинице…

— А я вон на той барже…

— И даже в роскошной гостинице…

— Пришвартованной…

— С унитазом в ванной…

— У набережной…

— Где есть Лифт…

— И я мог бы даже иметь телефон…

— И телефон прямо в номере…

— И синий номер с цифрами, как на настоящем доме…

— И автомат для международных звонков. Вы

набираете номер…

— Номер двадцать первый…

— Первый этаж, где есть бар…

— И я мог бы удить прямо из окна…

— Прямо как в Америке…

— Да, я мог бы удить, если бы я удил, но я не люблю удить.

— И вы абсолютно правы, — согласился прохожий, внезапно вняв речам своего собеседника. — Рыбная ловля — такое же жестокое занятие, как бой быков.

— Мне и в голову не приходило такое сравнение, — скромно заметил Сидролен.

— А вы поразмыслите хотя бы минут пять. Ведь эти удильщики с их удочками — настоящие садисты и маньяки. Они совершенно незаслуженно пользуются репутацией добрых философов. Ну скажите откровенно, разве вы не считаете рыболовный крючок оружием еще более коварным, порочным и варварским, чем бандурилья?

— Бандурилья?

— Ну, знаете, такая штука, которую втыкают в шею быку.

— А вы уверены, что это называется именно так?

— В данный момент я называю это именно так,

значит, это именно так и называется, а поскольку вы в данный момент беседуете именно со мной, вам придется принять мои слова на веру.

— Я должен признать, что верю вам безраздельно.

— Вот видите! Ну ладно, покончим с этой темой и будем считать, что мы добились начатков взаимопонимания, которое во время ООНо сулило народам всеобщий мир. С вашего позволения, я продолжу свою прогулку. Рад был с вами познакомиться.

И прохожий удалился под трели мастера, свистевшего на обеденный перерыв. Сидролен совершил обратный переход шоссе с удвоенной осторожностью, ибо наступил тот вечерний час, когда уаттомобили едут утолять жажду. Выбравшись живым и невредимым на противоположный тротуар, он вновь констатировал, что загородка и дверца в ней девственно чисты от всякой мазни.

Укропная настойка с минералкой, литровка с красным и баночка с горчицей уже поджидают Сидролена к обеду. На сей раз ему подают паштет из анчоусов, деревенскую кровяную колбасу под картофельной шубой, рокфор и три ромовых бабы. Анчоусы серы и слякотны, как осенний день,

кровяная колбаса малокровна, картофельная шуба вся в прорехах, рокфор скрипит под ножом, а ром в дряблых бабах может претендовать разве лишь на звание воды.

Сидролен вздыхает и шепчет:

— Опять фиаско!

— Ну и что же подают в вашей люкс-таверне? — осведомился герцог д'Ож.

Хозяин ответил:

— На первое — боршч, это такой шлавянский швекольный шуп, на второе — рубцы «Украшение воина», и все это идет под вино с виноградников Сюрена.

— Господи боже, и еды-то на один коренной зуб! — презрительно фыркнул герцог.

— А мессир когда-нибудь пробовал боршч? — возразил трактирщик, оскорбленный в своих трактирщицких чувствах до такой степени, что стал наглым.

— Черт подери! — воскликнул герцог, обращаясь к Пострадалю. — За какого сосунка он меня принимает? Да я знаю про боршч еще со времен королевы Анны!

Потрясенный трактирщик тут же отвесил герцогу низкий поклон.

— Судя по твоей роже, — продолжал герцог, —

ты и слыхом не слыхал, кто такая королева Анна.

— Я, право, мессир…

И в самом деле, похоже было, что трактирщику ровно ничего не известно об этой даме.

— Ах, Пострадаль! — посетовал герцог. — Смотри, как быстро народ забывает о своих добрых королях и прекрасных королевах! Каких-нибудь несчастных двести лет прошло, и вот этот презренный трактирщик уже знать не знает, кто такая Анна Владимировишня[16], что, впрочем, не мешает ему подавать своим постояльцам боршч. Ладно, Бог с ним совсем!

И, пользуясь достигнутым моральным перевесом над хозяином, герцог продолжал в таких словах:

— Для начала, трактирщик, я выпью перед боршчом штаканчик какого-нибудь экштракта, к примеру, укропной наштойки. Можешь ты подать мне укропной наштойки?

— Ах, мессир! — вскричал трактирщик, чуть не плача, — нижайше прошу вас, не извольте позорить герб моего трехзвездного заведения!

И он опять принялся отвешивать поклон за

---

[16] Примечания: 16

Анна (не Владимировна, а Ярославна) (1049–1060) — дочь Киевского князя и жена французского короля Генриха I.

поклоном.

— Ну и кривляка, — заметил герцог, — изгиляется что твой маг или магометанин.

— Могу ли я подать вам укропной настойки?! — продолжал трактирщик душераздирающим голосом. — Мессир, я держу укропные настойки не одной, а десятков марок!

— Ишь ты! Ну так неси мне самую лучшую. И пускай моим лошадям зададут самого лучшего овса, самого лучшего сена и подстелят самой лучшей соломы.

Слуги засуетились вовсю. Герцог раздавил великое множество стаканчиков укропной настойки. Двое дюжих мускулистых молодцов внесли громадный котел с боршчом, но тут в таверну с ужасными воплями ужаса ворвался странный тип. Он трясся как осиновый лист, и его желто-багровая физиономия с зелеными прожилками постепенно белела как мел.

— Ой-ой-ой! — запричитал он, подпрыгивая на месте. — Ой-ой-ой!

— Эктор! — вскричал трактирщик, — не стыдно ли тебе, не позорно ли тебе нарушать своим воем покой моего питейно-трапезного заведения?! Да я тебя сейчас палкой отколочу, ей-богу!.. Это мой слуга, конюх, — разъяснил он герцогу.

— Ой-ой-ой, Иисусе сладчайший! — причитал без умолку слуга-конюх. — Ой-ой-ой, ну и страху же я натерпелся, во всю мою несчастную служебно-конюшенную жизнь я так не пугался, как нынче! Ой-ой-ой, как боязно!

— Да расскажи, что стряслось-то?

— Нельзя ли мне сперва стаканчик укропной настойки для укропления сил?

Эктор потянулся было к бутылке на столе герцога, но тот крепко треснул его по пальцам.

— Ай! — взвизгнул Эктор.

— Да ты будешь говорить или нет?

Хозяин прямо из себя выходил от волнения.

— Поддадут мне здесь, наконец, боршч или нет? — со зловещей ухмылкой вопросил герцог. — Пускай эти дюжие и мускулистые молодцы ставят котел на стол и…

— Его конь разговаривает! — взвыл вдруг Эктор, — конь вот этого самого мессира, — уточнил он, крайне непочтительно тыча пальцем в герцога, — он разговаривает, как вы и я! Ой-ой-ой!

— Вот болван! — отозвался герцог.

— Ну, гляди у меня! — угрожающе сказал трактирщик, — если ты соврал…

— Да я побожусь, что это правда! Побожусь, что не вру! Мессиров конь разговаривает!.. он

болтает!.. он хвастается!..

— Тогда это дьявольские козни! — вскричал трактирщик.

При этих словах дюжие и мускулистые молодцы выронили большой котел, и его содержимое хлынуло на пол. Все присутствующие бухнулись на колени прямо в боршч, обжигая ноги и крестясь так часто, что в глазах зарябило; «Патеры» и «ностеры»[17] так и загудели со всех сторон.

— За неимением боршча, — сказал герцог спокойно, — мы могли бы отведать рубцов «Украшение воина».

Но повар, зараженный всеобщей паникой, только что уронил блюдо с рубцами в очаг.

— Опять фиаско! — взревел герцог.

Тем временем по близлежащим улицам уже разнесся слух, что в таверне «Три звезды» объявился говорящий конь, и простолюдины столичного города Парижа вовсю замололи языками, обсуждая эту замечательную новость. Вот что, в частности, говорилось:

— Конь словцо уронит, черт тебя догонит.

— Пропоёт петух до срока, рожь сгниёт в мгновенье ока.

---

[17] Примечания: 17

«Pater noster» — лат. католическая молитва, начинающаяся словами «Отец наш небесный...».

— Заболтает устрица, хворь тотчас напустится.

— Рыба речи поведет, боров кровью изойдет.

— Коли бык козлом заблеет, вас нечистый одолеет.

И прочие ширпотребные поговорки, изошедшие из таинственного, столь же сомнительного, сколь и плутотворного источника весьма средне вековой мудрости островитян столичного города Парижа.

— Мессир, — шепнул герцогу Пострадаль, — похоже, дела наши сильно поплошали, как вы это и предвидели. Не вернуться ли нам поскорее домой?

— Не дождавшись обеда?

Снаружи послышались крики:

— На костер его, негроманта! На костер чародеятеля!

— Ты прав, — согласился герцог. — Боюсь, что рейтинг наш в этом квартале сильно упал.

Он встал из-за стола и в сопровождении Пострадаля направился в конюшню; народ, толкаясь и визжа, тут же пустился наутек.

— Ах, мой милый Демо! — сказал герцог, — ну какого дьявола тебе вздумалось демо-нстри-ровать свой дар речи какому-то конюху? Теперь вот вся эта горластая сволочь докучает нам и

грозится поджарить на костре.

— Что поделаешь, мессир! — отвечал Сфен. — Мерзавец конюх решил поживиться и не дал мне ни зернышка овса. Вы полагаете, я должен был спустить ему эту наглость?

— Нет, нет, мой добрый Демо, ты прав. Пускай этот негодяй подохнет со страху, он это заслужил. В путь!

На улице их поджидала довольно большая толпа.

— Эй! Эй! — вскричали многие благочестивые прихожане, — это тот самый проклятый вельможа, что открестился от крестового похода. Этот альбигой[18], как пить дать, молится Магомету, а коняга его уж верно сам Сатана!

На герцога и Пострадаля градом посыпались булыжники, за ними последовали горящие головешки и говёшки, табуреты и табуретки, черепа и черепицы. Герцог был еретиком, аристократом и провинциалом, — иначе говоря, обладал всеми теми качествами, которые приводят в ярость добрых людей, но — что вы хотите! — Бастилию берут не каждый день, особливо в тринадцатом

[18] Примечания: 18

Альбигойцы — участники еретического движения в южной Франции XII–XIII веков, осуждены Вселенским Собором 1215 г. и разгромлены в Альбигойских войнах. Гоями евреи называют иноверцев.

веке.

Выхватив меч из ножен второй раз за день, герцог Жоакен д'Ож врезался в толпу и мигом прикончил двести шестнадцать человек — мужчин, женщин, детей и прочих, из коих двадцать семь были патентованными биржуа, а двадцать шесть вот-вот должны были таковыми стать.

Чтобы выбраться из города, им пришлось сверх того еще сразиться и с лучниками.

III

— Эй! Эй! — послышался крик.

Но Сидролен недвижим, его сонное дыхание мерно вздымает носовой платок, которым он покрыл лицо.

— Эй! Эй! — слышится еще громче.

— Опять какая-нибудь канадка со своим игроком на банджо, — бормочет Сидролен под платком.

— Эй! Э-э-эй!

Крик явно приближается.

— Она одна. Ну и настырная же!

Сидролен решает прервать сиесту. Зевнув, он встает. У сходен действительно топчется какая-то девица в полном туристском облачении.

— Извините, месье, — говорит она, — как я пройти на туристическая турбаза для туристов?

На вопрос Сидролен отвечает также вопросом:

— А вы случайно не канадка?

Да, верно, она канадка, и отнюдь не случайно, а скорее по необходимости, поскольку она родилась канадкой и пока что не вышла замуж за иностранца (она, впрочем, вовсе не утверждает,

будто она еще девица), а также не приняла ни руманского, ни занзибусского подданства. Приглядевшись к ней повнимательней, Сидролен замечает, что пригляделся к ней недостаточно внимательно, ибо, не будучи расистом, сразу не просек, что она краснокожая.

— Я вас удивляет? — жеманно осведомилась девица.

— Никоим образом, — ответствовал Сидролен.

— Я есть ирокезка, — заявила девица, — и я этим гордится!

— Ну что ж, есть чем.

— Это есть ирония?

— Нет, нет, я не иронизирую над ирокезами.

— Я вас имела разбудить?

— Я бы солгал, ответив отрицательно.

— Значит, вы надо мной сердиться?

— Голубушка, для чужеземки вы изъясняетесь чересчур вычурно.

— А эта туристическая турбаза, вы наконец расположен говорить мне, где она есть расположена?

Сидролен, прилежно жестикулируя, уточнил месторасположение данного объекта с точностью до десяти сантиметров.

— Я вас благодарит, — отвечала ирокезская

канадка, — и я вас просит простить за то, что я имела потревожить ваша сиеста, но мне говорили, что все французы такие любезнательные, такие услужительные…

— Н-да, есть такое мнение…

— Вот почему я и разрешилась…

— Решилась!

— Решилась? Но… как же… без префикса?!

— А вы еще верите в префиксы? Так же искренне, как в любезнательность и услужительность моих соотечественников? Не слишком ли вы легковерны, мадемуазель?

— О Боже! Да разве можно не верить французская грамматика?.. Такая нежная… такая чистая… очаровательная… обаятельная… замечательная…

— Ну-ну, мадемуазель, не стоит лить слезы из-за пустяков. Лучше поднимайтесь ко мне на баржу да пропустите стаканчик укропной настойки, чтобы взбодриться.

— Ах, вот оно что! Вы есть сатир! Меня также говорили это. Все французы…

— Мадемуазель, поверьте, я…

— Если вы, месье, надеетесь достигнуть своих грязных, гривуазных целей, расточая мне свои любострастные любезности, чтобы завлечь в

свой вероломный вертеп меня, бедную простушку, нет, более того, — бедную ирокезушку — то вы глубоко заблудились, месье, да, вы глубоко заблудились!

И, круто развернувшись, юная девица вскарабкалась на косогор, выставив при этом на обозрение весьма гармонично развитую мускулатуру своих нижних конечностей.

— Еще одна канадка, которой мне больше не видать! — прошептал Сидролен. — А ведь сколько я их перевидал, этих канадок, — целые кучи докучных канадок — канадки-загадки, канадки-верхоглядки, канадки-ретроградки, канадки-психопатки, но все, как одна, в куртках без подкладки: а, впрочем, что ж тут странного, — ведь вижу-то я их летом. Или по весне. Или по осени. Эх, не сообразил, что бы мне сказать ей: какой, мол, нынче погожий осенний денек! — может, она хоть на это не рассердилась бы.

Он зашел в кубрик глянуть, который час, и в результате сего демарша вновь разлегся на своем шезлонге, дабы достойно завершить прерванную сиесту.

Когда он вновь открыл глаза, то узрел вокруг все, что видел каждый божий день: стены своей спальни, стрельчатое окно, едва пропускавшее

свет, и скорчившегося в ногах постели, на охапке соломы, верного пажа Пострадала в окружении нескольких псов, причем все они носили имена: Ату, Фас, Апорт, Улюлю и Прочь. Привычное это зрелище сильно утешило герцога, и он, поднявшись с постели, разбудил всю компанию пинками, чем вызвал хныканье одного и лай других.

Облегчив душу утренним патерностером, а мочевой пузырь — на лестнице, герцог направился в часовню, дабы прослушать там мессу, отправляемую его капелланом Онезифором Биротоном. Онезифор Биротон был, что называется, аббат-наставник: стоило герцогу наставить ему синяк, как аббат наставлял ему два; вот почему герцог горячо любил своего духовного пастыря и нынче утром спешил потолковать с ним о нескольких весьма важных вещах. Не успел аббат Биротон отмессироваться, как герцог д'Ож потащил его к купели, где и сказал:

— Слушай меня внимательно, Онезифор, у меня появилось множество забот, коими я намерен поделиться с тобой по секрету.

— У вас были неприятности в столичном городе Париже?

— Не о том речь, — ответил герцог раздра-

женно. — А, кстати, ты что-то разнюхал или это просто домыслы?

— Хм… хм… — хмыкнул Онезифор. — Должен вам сказать, что за время вашего отсутствия дочери ваши упорно вели себя спокойно и достойно.

— Ладно, ладно, об этом позже. А сейчас я хочу задать тебе три вопроса, а именно: primo — что ты думаешь о снах, secundo — что ты думаешь о языке животных, и tertio[19] — что ты думаешь о всеобщей истории в общем и об общей истории в частности? Я слушаю.

— Хм… хм… — хмыкнул Онезифор. — Distinguo[20]…

— Никаких «Distinguo»! — гаркнул герцог, топнув ногой. — Слыхал? Никаких там «Distinguo», никакой диалектики, хватит с меня этой мути! Я желаю ясности! Слушаю тебя!

— Хм… хм… — хмыкнул Онезифор. — Но я не могу ответить на все три вопроса одновременно: моя речь, как и всякая человеческая речь, линейна.

— Не пойму, к чему ты клонишь.

— А вот к чему: мне следует ответить сперва

---

[19] Примечания: 19
Во-первых, во-вторых, в-третьих… *(лат.).*

[20] Примечания: 20
Я различаю *(лат.).*

на один вопрос, потом на второй и, наконец, на последний. С какого вам желательно начать?

— Со второго.

— Optime![21] А какой был второй вопрос?

— Ах ты, осел тупоумный, ты уже перезабыл мои вопросы? Может, тебе еще угодно, чтобы я их повторил, а, дурья башка?

И герцог сопроводил свои слова метким ударом, заехав аббату в правое ухо. На что аббат отвесил герцогу три плюхи — с пылу по рылу, с жару — еще пару.

— Ну ладно, — сказал герцог д'Ож, выплюнув резец, — начинай с любого. Например, с первого.

— Я забыл не ваши вопросы, а их порядок.

— Тогда начинай с какого сам хочешь.

— Я начну со снов.

— Прекрасно! Говори, что ты думаешь о снах.

— Одни из них посылает Господь, другие — диавол.

— А ты, случаем, не из альбигоев?

— Никоим образом, мессир; вот послушайте, сколь католично я лично рассуждаю: существует два рода снов, одни посылает Господь, другие — диавол.

---

[21] Примечания: 21
Превосходно! *(лат.).*

— А как их различить?

— О, это и слепому видно.

— Как, я тебя спрашиваю? Каракатица ты вонючая, как ТЫ их различаешь? Я вот их не различаю.

— А между тем это очень легко. Если вы видите небеса, ангелов или даже просто пташек — при условии, что это не ночные пташки, — то сон сей ниспослан Господом, если же вы видите языки пламени, чертей или даже просто всяких ползучих тварей, особливо змей, значит, сон сей исходит от Диавола.

— Да я никогда ничего такого не вижу.

— А что же вы видите, мессир?

— Мне часто снится, будто я живу на какой-то барже, полеживаю в шезлонге, накрываю лицо носовым платком и совершаю недлинную сиесту.

— Баржа… шезлонг… сиеста… это что еще за чертовы слова? Я их не постигаю.

— Эти слова я придумал сам для обозначения вещей, которые мне снятся.

— Так вы, стало быть, увлекаетесь неологизмами, мессир?

— Ну, ологизмами или не ологизмами, это не твое собачье дело, а моя герцогская привилегия!

Итак, я беру латинское «sexta hora»[22] и образую из него слово «сиеста»; или же, взяв из вульгарной латыни слово «barga»[23], которое нахожу и впрямь вульгарным, преобразую его в «баркy» или в «баржу»; что же касается шезлонга, то я просто-напросто слил два самых что ни на есть французских слова в одно, руководствуясь самыми что ни на есть общепринятыми и диахроническими законами лингвистики.

— Ох, мессир, далеконько же вы ушли от премудрой и наихристианнейшей онирологии[24]! Ваша семантическая наука сильно попахивает ересью.

— Какая же это ересь — видеть во сне баржу?!

— Ну, я, конечно, признаю, что во сне редко увидишь ангелов и святых. Судя по моему личному скромному опыту, чаще всего снятся мелкие происшествия повседневной жизни.

— Ну, а они, каракатица ты вонючая, посылаются дьяволом или Богом?

— Ни тем, ни другим. Они безразличны. Поло-

---

[22] Примечания: 22
Шестой час *(лат.).*

[23] Примечания: 23
Лодка *(вульг. лат.).*

[24] Примечания: 24
Онирология — наука об изучении снов.

жительно безразличны. Ad primam respondi[25].

— Ишь ты какой шустрый! Нет, аббатишка, так легко тебе не отделаться! Не для того я тебя держу при себе, чтобы выслушивать эдакие пустяшные отговорки, каких я и сам напридумываю сколько хочешь. Неужто ты надеешься по-прежнему получать от меня ежедневный харч за подобные благоглупости? Я требую вразумительного ответа!

И герцог, нацелясь в правую берцовую кость аббата, применил добрый старый прием — выпад ногой, достигший своей цели. Онезифор вознамерился ответить, лягнув герцога в живот, но промазал и растянулся на полу. Тотчас же герцог вспрыгнул на него и принялся топтать с криком:

— Отвечай, дурья башка! Отвечай!

Тот сделал знак, что согласен.

— Итак? — спросил герцог, спрыгивая со своей жертвы.

— Итак, — сказал аббат, поднимаясь на ноги, — это все сны из того промежуточного мира, что населен троллями, феями, гномами, домовыми, эльфами, лешими, духами, карликами, ундинами и водяными — существами, которые ни богу

---

[25] Примечания: 25
На первый я ответил! *(лат.).*

свечка, ни черту кочерга, ибо они не привержены ни добру, ни злу.

— Ишь ты как заговорил: ни вашим, ни нашим. Интересно, что скажет на это Святая Инквизиция!

— Optime! Таков мой ответ на ваш вопрос. Ad secundam[26], касающийся языка животных…

— Что-то ты больно заторопился, любезный!

— …скажу вам, что отнюдь не всеми признается, будто Адам, преступив Господний запрет, увлек за собою, в падении своем, и животных тварей. Самые именитые богословы оспаривают этот тезис. С другой стороны, поскольку они явно не участвовали в строительстве Вавилонской башни, ничто не мешает им понимать друг друга.

— Кому, богословам?

— Нет, мессир, тварям.

— Ишь ты умник какой! Я же тебе толкую не о тех животных, что говорят между собой, а о тех, которые говорят человеческим языком, а ты мне тут болтаешь невесть что.

И герцог размахнулся, собираясь влепить аббату затрещину, но тот, опередив собеседника, врезал ему прямым в челюсть, заставив слегка

---

[26] Примечания: 26
На второй… *(лат.).*

покачнуться.

— Ad tertiam, respondeo[27], — поторопился сказать капеллан.

— Погоди, погоди! — прервал его герцог, водворяя на место свернутую челюсть. — Не так быстро! Я бы желал послушать твое мнение о животных, говорящих в моих снах. Эти-то от Бога или от черта?

— Никакого значения! Без разницы. Ad tertiam…

— Погоди, погоди! Ты мне только что сказал, что ползучие твари, коих мы видим во сне, есть дьявольское наваждение.

— Dixi[28].

— А если они говорят?

— Bis diabolici[29].

— А если с ними говорят?

— Ter diabolici[30].

— А если они отвечают?

---

[27] Примечания: 27
Отвечаю на третий *(лат.).*

[28] Примечания: 28
Я сказал! *(лат.).*

[29] Примечания: 29
Вдвойне дьявольское… *(лат.).*

[30] Примечания: 30
Втройне… *(лат.).*

— Quater[31].

— Ладно. Это меня вполне устраивает, ибо я никогда не беседовал во сне со змеями, не в пример праматери нашей Еве.

— Но она-то беседовала вовсе не во сне.

— А что видел во сне Адам, когда Господь Бог усыпил его, чтобы вытащить ребро?

— Это уже четвертый вопрос, который мы можем отложить на завтра. Ad tertiam, respondeo…

— Погоди, погоди. Я еще не покончил с говорящими животными. Вот, например, уаттомобили — они от бога или от дьявола?

— Уаттомобили? Понятия не имею, что сие значит.

— Это такие вертлявые визгливые твари, они бегают туда-сюда на круглых лапках, не едят никакой твердой пищи, а пьют только олеум[32].

И глаза у них светятся в темноте.

— В жизни такого не видывал.

— А вот я так частенько вижу их в снах. Тысячами, миллионами, легионами. Они заполняют все улицы и дороги. И это от них доносится с набережной ко мне на баржу тот ровный, несмол-

---

[31] Примечания: 31
Вчетверо *(лат.)*.

[32] Примечания: 32
Олеум — старинное название нефти.

каемый гул…

Поскольку пересказы снов не интересовали аббата Биротона, он немедленно заснул.

— К вящей славе Господней!

Сидролен обернулся.

— О, прошу прощения, — сказал человек, одетый в серо-стальной безупречного покроя костюм. — Я вас знаю, и мне не хотелось лишний раз беспокоить… Вы ведь местный?

— Я живу на барже, там, напротив, — сказал Сидролен.

— Достаточно. A Dieu![33]

Квази-священник оседлал свой мопед и покатил к туристической турбазе для туристов. Сидролен, глазевший на прилежно трудящихся строителей, продолжил свою прогулку в том же направлении. За оградой из колючей проволоки множество альбионцев, брабантцев, нидерландцев, финнофонов, пиктов, галлов, остзейцев и норвегов с упоением предавались своим занятиям, каковые занятия состояли в беготне от автокаравана или палатки к туалетам, от туалетов к душевым, от душевых к столовой, а от столовой к автокаравану или палатке, в

---

[33] Примечания: 33

Господь с вами! *(фр.)* — созвучно слову «адьё» (прощайте).

ожидании новых дорог и маршрутов, ведущих к Эльсинору, Зальцбургу, Уппсале или Эбердину. Это суетливое кишение сопровождалось разноголосой музыкой: назойливое нытье десятков транзисторов временами заглушалось хоровым пением на иностранных языках под аккомпанемент волынки, рожка или окарины. Особо жизнерадостные особи испускали восторженные вопли и колотили себя кулаками в грудь, изображая барабанную дробь.

Рядом с Сидроленом толпились другие зеваки; один из них заметил:

— Дивимся на них, как на заморских зверюшек, а ведь это все же не зоопарк.

— Почти, — сказал Сидролен.

— Ну, не станете же вы утверждать, будто это не люди, а животные.

— Докажите! — сказал Сидролен.

— Они разговаривают.

— А попугаи? — сказал Сидролен, — разве они не разговаривают?

— Попугаи не понимают, что говорят.

— Докажите! — сказал Сидролен.

— Ну и зануда же вы! С таким занудой никакого душевного разговора не получается.

— Однако же он получился, и очень даже ду-

шевный. Признайте, что не каждый день вид туристической турбазы для туристов вызывает соображения, достойные того, чтобы записать их на магнитофон.

— Засунь свой магнитофон знаешь куда? — сказал с омерзением зевака и удалился, недовольно ворча.

Тот же квази-священник издали помахал Сидролену. Сидролен весьма учтиво ответил ему тем же, после чего вернулся к себе. Загородку и дверцу на откосе вновь осквернили ругательные надписи. Достав банку с краской и кисть, Сидролен принялся их замазывать.

IV

На террасе кафе влюбленные парочки упражнялись в поцелуях типа «засос»; слюна текла рекой по их влюбленным подбородкам; среди самых оголтелых «засосочников» находились Ламелия и ее гортранспортист; особенно увлеклась Ламелия, а гортранспортист все же не забывал время от времени поглядывать на часы, памятуя о своих профессиональных обязанностях. Ламелия же, закрыв глаза, с поистине религиозным пылом предавалась изучению чужого языка.

Но вот настал миг расставания, и гортранспортист медленно приступил к процессу расстыковки; успех достигнутого ознаменовался смачным всхлюпом. Гортранспортист утерся тыльной стороной руки и сказал:

— Надо сваливать.

И он увлажнил пересохшую слизистую рта глотком пива.

Ламелия поглядела на него обалдело. Гортранспортист вынул из кармана монеты и, постучав ими по столику, довольно громко позвал:

— Гарсон!

Ламелия обалдело на него поглядела.

Гарсон приходит, чтобы получить по счету. В этот момент Ламелия кидается на своего гортранспортиста и повторяет трюк с засосом. Молодой человек вынужден объясняться жестами, весьма, впрочем, красноречивыми. Гарсон сгребает монеты. Зрелище засоса отнюдь не засасывает его. Он удаляется.

Гортранспортист предпринимает новую расстыковку. Он действует мягко и грациозно, результат опять сопровождается смачным всхлюпом. Затем он вытирает губы тыльной стороной руки и говорит:

— Теперь и вправду пора сваливать.

И осушив залпом кружку, проворно встает. На него обалдело Ламелия глядела. Она также встала, говоря:

— Мне спешить некуда, пройдусь-ка я с тобой.

— Да знаешь, счас час пик, я буду психовать из-за опоздания, так что трепаться с тобой все равно некогда.

— Ничего, я погляжу, как ты крутишь свою билетную машинку, послушаю, как ты выкликаешь остановки, и буду счастлива.

— Еще вопрос, влезешь ли ты в автобус. Народищу будет!..

И его-таки было! Двести семнадцать человек топтались на остановке, образуя очередь в полном соответствии с официальными предписаниями. Ламелия встала в очередь, начало очереди вошло в автобус, автобус переполнился, а она все еще торчала в хвосте, среди несостоявшихся пассажиров, когда ее красавчик элегантным жестом крутанул лицом к ним табличку с надписью «мест-нет» и прозвонил к отправлению. Автобус отчалил, гортранспортист помахал рукой, адресуясь, вероятно, к кому-то, затерявшемуся в очереди потенциальных пассажиров, которая непрерывно удлинялась. Ламелия круто повернулась и попыталась пробиться сквозь этот хвост, что шел в рост. Она двигалась против течения, а кругом говорили:

— Эй, цыпочка, сама не знаешь, чего хочешь!

— Ишь куда прет, как будто тут без нее горя мало!

— Ох уж эти бабы, семь пятниц на неделе!

— Прет поперек очереди, и ей еще слова не скажи!

Какая-то дама вдруг заголосила:

— Вы чего толкаетесь! Не видите, что ли, мой живот?

— Если вы беременны, — огрызнулась Ла-

мелия, — то и становились бы вперед, где вам положено.

Тут какой-то гражданин, с ходу не разобравшись в этом диалоге, разорался вовсю.

— Расступитесь! — кричал он. — Расступитесь, беременной женщине плохо!

— Расступитесь! О Господи, вам что, непонятно? Тут беременная!

— Да расступитесь же! Почет беременным и слава материнству!

— Расступитесь! Расступитесь!

— Расступитесь пошире!

Ламелию выбросило из толпы сострадателей, словно пучок водорослей на нормандский пляж. Она удалилась. Вновь прошла мимо кафе: парочки на террасе как присосались друг к другу, так с тех пор и не отлипли. Вконец исполненная меланхолии, Ламелия добрела до набережной.

Так, мало-помалу, она добралась и до «Ковчега».

Сидролен отдыхал на корме; удобно растянувшись в шезлонге, он не спал и не дремал, просто глядел вдаль. Появление Ламелии ровно никак не повлияло на его дефицит активности. И только когда ему принесли укропную настойку с минералкой, он вышел из транса, приняв

разом сидячее положение и решение сообщить следующее:

— Заходил инспектор по судовым налогам.

— А я ехала в автобусе, — было ему ответом.

— Осмотрел все, от носа до кормы.

— Кондуктор был ну прямо умора.

— И я удостоился его поздравлений.

— Он каждому пассажиру отпускал шуточки.

— Он счел, что «Ковчег» достоин двух якорей в категории «А».

— Ну, он и меня не пропустил.

— Два — это, конечно, еще не три. Но тоже неплохо…

— Вы, говорит, чертовски складненькая, даже складнее, чем талонная книжечка, и уж куда пухлее, чем проездной билет.

— Конечно, за два якоря мне придется платить налог повыше, но ведь престиж дороже.

— Ну вы даете! Ну вы вообще!.. — вот так я ему и отрезала.

— Он отметил одну вещь…

— Но на меня все равно смех напал.

— Вы, говорит, называете это «Ковчегом», а на борту нет ни одного животного, вот парадокс! — Это верно, — ответил я ему, — но на каждый парадокс есть свой ортодокс. — Ладно, ладно, —

это он мне, — мое дело было сказать. — А я ему: — И мое тоже. — С тем он и ушел. Он остался доволен собой, а я собой. В общем, если не считать еды, денек выдался вполне удачный, правда, он пока не кончился. Всякое еще может случиться.

— Этот тип… он мне нравится.

— Кто, инспектор?

— Кондуктор четыреста двадцать первого автобуса.

— Да там их небось не один и не два.

— Тот, с кем я познакомилась.

— Ну, я-то с ним не знаком.

— Я же тебе только что рассказала.

— Так тебе не интересно, что «Ковчегу» присвоили два якоря в категории «А»?

— Есть чему радоваться! Почему же не три? Зря, что ли, я его драю с утра до вечера?

— Терпение! Когда-нибудь дадут и три.

— А почему бы уж сразу не четыре?!

— Ладно, ладно.

И Сидролен потянулся к бутылке с укропной настойкой, собираясь подлить себе в стаканчик.

— Ты слишком много пьешь, — предостерегли его.

Сидролен пожал плечами и щедро плеснул себе из бутылки.

— Ну так что там с твоим кондуктором? — спросил он.

— От укропной настойки с ума сходят, так написано в газетах.

Сидролен сдвинул брови, раздвинул их, чтобы осушить стакан, и снова старательно сдвинул. Переносицу его перерезали четыре глубокие морщины. Он пробурчал:

— Все удовольствие мне испортила. Опять фиаско!

Бутылка, минералка и стаканы уносятся прочь.

— Ну так расскажи про своего кондуктора.

— У меня дел полно.

— Я возьму банку с краской?

— Да нечего там замазывать.

Это верно, а потому Сидролен заново разваливается в своем шезлонге и устремляет взор на горизонт.

На горизонте показался Особый Монархический Отряд Ненасильственных Операций; дозорный поспешил сообщить о нем герцогу д'Ож, который отдал необходимые приказы таким трубным голосом, что аббат Биротон незамедлительно проснулся.

— ОМОНОвцы идут! — провозгласил герцог, по-

тирая руки. — Сейчас мы их вздуем как следует!

— Что происходит? Откуда здесь ОМОНОвцы?

— Ах да, я же тебе еще не рассказал. Я там пристукнул парочку биржуа, которые мне проходу не давали.

— Гнев — плохой советчик, мессир. Не пришлось бы вам раскаяться!

— Да ради Бога, но только у этих паршивцев намерения куда более коварные.

— Наш святой король не любит шутить с оступившимися сеньорами.

— Н-да, он нас принимает всерьез, — ответил герцог самодовольно.

Теперь на горизонте виднелись уже не один, а несколько отрядов; они со всех сторон двигались к замку.

— Плохо дело, — прошептал аббат, — дело плохо!

— Не волнуйся, я же тебе сказал: пусть они только пальцем нас тронут, я их всех до одного ликвидну.

— Господи Боже, вы решили вдобавок еще и мятежником стать?!

Тем временем ОМОНОвцы брали замок в кольцо; самый геройльдический из них приблизился к подъемному мосту и жестами — сколь герои-

ческими, столь же и гаройльдическими — дал понять, что намерен вручить послание сеньору данного владения.

Аббат запричитал:

— Ну и история! Ох, и история!

— Да, в самом деле, ты мне еще не ответил на мой третий вопрос о всеобщей истории в общем и об общей истории в частности.

Но тут приводят геройльда, который принимается объяснять герцогу, что святой король им крайне недоволен, что гробить биржуа по таким мелким поводам давно уже не принято: знатным сеньорам надлежит усвоить раз и навсегда, что людям не вышибают мозги так просто, за здорово живешь, вследствие чего Жоакен, герцог д'Ож, обязан выплатить из своей казны по сотне турских экю чистейшего, без примеси, золота за каждого жмурика, что составит весьма весомую сумму, тем более что есть еще и такие, что пока не совсем откинули копыта, хотя вполне могут, и пусть Жоакен, герцог д'Ож, узнает, что сумма сия не целиком будет направлена на возмещение убытков вдов, вдовцов и сирот, но, главным образом, пойдет на финансирование ближайшего планируемого крестового похода.

Сверх того Жоакен, герцог д'Ож, обязан про-

честь шесть тысяч шестьсот пятьдесят семь «Pater», столько же «Ave» и на три раза меньше «Confiteor»[34], а также заказать мессу по каждому усопшему, на каковых мессах ему надлежит присутствовать босым, в одной рубашке и с обнаженной головой, посыпанной пеплом, холодным или горячим, — это уж на его усмотрение.

И к сему: пусть Жоакен, герцог д'Ож, хорошенько усвоит, что святой король охотно повесил бы его за оба уха вплоть до того, как воспоследует смерть, если бы названный святой король не изволил помнить об услугах, оказанных Жоакеном, герцогом д'Ож, делу христианства — как в Дамьетте, так и в Мансурахе.

И, наконец, последнее: Жоакен д'Ож имеет полную возможность оставить при себе свои турские экю чистейшего, без примеси, золота и вполовину сократить число назначенных ему «Pater» и число назначенных ему «Ave», хотя число сие и нечетное, а также на четверть — число назначенных ему «Confiteor», хотя четыре не есть кратное число от двух тысяч двухсот девятнадцати, притом, что число месс должно остаться неизменным, хотя герцогу даруется

[34] Примечания: 34

«Pater», «Ave» — католические молитвы, «Confiteor» — покаянная молитва.

позволение присутствовать на них одетым и обутым по своему усмотрению; но все это при одном простом, невинном, необременительном и извинительном условии: названный герцог должен присоединиться к своему святому королю, дабы выпотормошить проклятых сарацинов в ближайшем планируемом крестовом походе.

— Никогда! — вскричал герцог д'Ож. — Я уже растолковал ему, что ноги моей больше не будет в этой распроклятой африканской дыре. Один крестовый поход — еще куда ни шло, но два — это уж слишком!

— Стало быть, мессир, — вопросил геройльд, — вам никак не угодно вырвать Гроб Господен из грязных лап неверных?

— Да в гробу я его видал, этот Гроб, Чайльдгерольд ты мой несчастный![35] Мы ведь опять вернемся оттуда без гроба, если не гробанемся прямо там. Даже наш Святой Отец и тот больше не верит в успех сего предприятия. Вот уже двести лет, как мы тужимся, чтобы отвоевать его, этот Гроб, а Гроб и ныне там, в руках у неверных.

В ужасе, горé возведя очи, геройльд закрестился что есть мочи.

---

[35] Примечания: 35

Отсылка к поэме Д.Г. Байрона (1788–1824) «Паломничество Чайльд Гарольда».

— Кстати, каким же это манером, — продолжал герцог д'Ож, — мы вырвем из рук неверных этот самый Гроб, отправясь в Тунис? Ха! Тунис! Почему бы уж тогда нашему святому королю не наведаться к гундусам или к кидайцам? Почему не снаряжает он корабли на море-океан, к Тюленьим островам, — может, он и там откроет какую ни на есть неведомую землю, заселенную неверными, чтобы и их выпотормошить под тем же предлогом?

— Воздержитесь, мессир, воздержитесь! — шепнул аббат Биротон.

В ужасе, горé возведя очи, геройльд крестился что есть мочи.

— Нет, нет и нет! — заключил герцог д'Ож. — Моя не идти крестовый поход. Моя готова прочесть всю эту чертову уйму патеравеконфицеоров, отстоять все эти пеплоусыпательные мессы, расстаться с моими прекрасными турскими экю чистейшего, без примеси, золота, но тащиться к черту на кулички, за тридевять земель, в сторону Сирта, — нет, нет и нет! Таков мой ответ. А засим позволю себе заметить, что святой король запретил нам, знатным сеньорам, имеющим привилегию чеканить свою монету, хождение оной монеты, экю и солей, за пределами наших

владений, — тем не менее он почему-то изъявляет желание увидеть цвет нашего золота. А в заключение, геройльд, я призываю тебя очистить наши владения от твоего мерзкого присутствия, а также от не менее мерзкого присутствия твоих приспешников. Я сказал.

— Я здесь не задержусь, мессир, но мне невозможно отбыть, не взыскав сперва маленький задаточек в счет наложенного на вас денежного взыскания, а задаточек сей исчисляется… так-с, сейчас прикинем… семью тысячами двумястами турских экю чистейшего, без примеси, золота плюс двенадцать парижийских солей на расходы по регистрации означенной суммы плюс четыре лиара на марку.

— А разве мне не положена скидка как ветерану седьмого крестового? — спросил герцог с бледной улыбкой, той самой бледной улыбкой, к которой всегда прибегал в том случае, когда кто-нибудь зарился на его экю.

Но геройльд ответил непреклонно:

— Нет. Счет верен.

И добавил:

— Он может только возрасти, но уменьшиться — никогда.

Герцог д'Ож смолк и сделал вид, будто размыш-

ляет.

Капеллан догадался, что герцог подумывает об открытом мятеже. Геройльд догадался о том же. Герцог догадался, что эти двое догадались. Капеллан догадался, что герцог догадался, что он догадался, но никак не мог догадаться, догадался ли и геройльд, что герцог догадался, что он догадался. Геройльд же, со своей стороны, никак не мог догадаться, догадался ли капеллан, что герцог догадался, что он догадался, но он догадывался, что сам герцог догадался, что он догадался.

Эта напряженная ситуация располагала к молчанию, что и позволило каждому из них расслышать, как Белюзина и Пигранелла распевают «Песню пряхи», как ржут лошади, лают собаки, маршируют ОМОНОвцы и блеет Фелица.

— Черт подери! — взревел наконец герцог, — решение мое принято: не видать святому королю, как своих ушей, моих турских экю чистейшего, без примеси, золота, не буду я отстаивать пеплоусыпательные мессы, не желаю читать уйму патеравеконфицеоров и уж вовсе не подумаю пускаться в крестопохождения. Вон отсюда, подлый ОМОНОвец! Прочь — и ты, и тебе подобные — от стен моего замка, иначе я вас попотчую кипящим маслом и расплавленным свинцом, — это

превосходное угощение для Особых Монархических Отрядов, которым скорее пристало идти в крестовый поход, нежели докучать доблестным и знатным сеньорам вроде меня. Если эти Капеты и дальше будут так с нами обращаться, то очень скоро всех аристократов отправят на фонарь. Ты слышал меня, геройльд? Я сказал: прочь из замка и моих владений, а если ты не поторопишься, я тебе сам брюхо зубами выем, вот так-то!

От ужаса, горé возведя очи, геройльд вновь закрестился что есть мочи и поспешно сделал необходимое количество шагов вспять, дабы исчезнуть из поля зрения герцога. Подъемный мост опустился, дал геройльду пройти и торопливо поднялся вновь.

— Кипятите масло! — взревел герцог. — Плавьте свинец, и пусть все бурлит и клокочет, живо!

— Не слишком ли вы горячитесь, — робко увещевал его капеллан. — В конце концов, не так уж это страшно — молитвы, мессы…

— Да, но он еще посягает на мое золото, этот Капетишка!

— Ах, подумайте сами, мессир, нельзя же вымещать свое убийственное настроение на добропорядочных биржуа и несчастных вилланах, не платя хоть маленького возмещения их вдовам

и сиротам.

— Маленькое возмещение — да пожалуйста, ради Бога! Пускай приходят за ним сюда, ко мне. Но зачем им получать его через короля, который попутно загребет часть себе?

— О, вы клевещете на вашего сюзерена, мессир.

— Да нет, дело не в нем. Бедняга… он парень неплохой. Но его судейские и казначеи как пить дать прикарманят мои полновесные, блестящие, новенькие турские экю чистейшего, без примеси, золота. Так что нечего мне тут зубы заговаривать! Эй, вы там, а ну, живо подрумянивайте свинец и готовьте масляный соус погорячее!

И герцог довольно потер руки, а Особые Монархические Отряды тем временем, удалившись на благоразумное расстояние от замка, начали помаленьку прибирать к рукам съестные припасы, предназначенные для герцога, его чад, домочадцев и скота.

Когда аббат Биротон обратил внимание герцога на эти коварные действия неприятеля, тот лишь хлопнул себя по ляжкам и весело рассмеялся.

— Я давно уже принял меры предосторожности. Мои запасы позволят нам продержаться все то время, что наш христианнейший король будет

пропадать в своем крестовом походе плюс дорога туда и обратно, если, конечно, найдется кому возвращаться.

— Боже, храни короля! — сказал машинально аббат.

— Ну а коли припрет, будем есть человечину. Вареную, конечно, — говорят, и в ней есть своя прелесть. А ежели нам захочется свеженьких овощей или фруктов, мы сделаем вылазку и покалошматим этих подлых ОМОНОвцев. Мне заранее приятно думать о том, как прекрасно их трупики удобрят мои грядки с редисом, до которого я большой охотник. А теперь, аббат, ты ответишь на третий из моих вопросов, а именно: что ты думаешь о всеобщей истории в общем и об общей истории в частности. Момент, как мне кажется, сейчас самый подходящий. Итак, я слушаю.

V

— Ну, ты идешь? — спрашивает Бертранда.

— Ох, и тощища! — говорит Йолант. — Ох, и мучение!

— Ты на мне женился не для одного только удовольствия. Давай-давай, пошли, живо!

— С твоей сестрой я повидаюсь охотно, но папаша твой, знаешь ли…

— Что это я должна знать?

— Ничего, проехали.

— Надеюсь, что проехали.

— Уж я-то знаю, что имею в виду.

— Вот и знай себе на здоровье. И подойди, я тебе перевяжу галстук. Ты даже галстук себе прилично повязать не способен.

У них назначена встреча с Сигизмундой и Люсетом.

— Надо же! — замечает Сигизмунда, — у вас новый уаттомобиль?

— Совершенно не к чему это замечать, — говорит Люсет, — это и так заметно.

— Садитесь! — предлагает Йолант.

— Мы поедем на своем, — отвечает Люсет.

— Надо же! — восклицает Бертранда, — у вас тоже новый уаттомобиль?

— Ничего сверхъестественного! — возражает Йолант. — У всех всегда новые уаттомобили.

— Главное, не устраивайте гонки! — предостерегает Сигизмунда.

Нет, гонок они не устраивают, но к «Ковчегу» подоспевают почти одновременно. Сидролен занят перекрашиванием загородки вдоль набережной. Ламелия поджидает гостей на барже, она уже приготовила укропную на стойку, минералку и стаканы. Женщины спускаются с пригорка. Мужчины — оба — задерживаются возле Сидролена, наблюдая, как он наносит последние мазки; наблюдают они молча, с видом знатоков.

— Неплохая работка, — говорит наконец Люсет.

— Прекрасный труд! — говорит Йолант.

— Ну а баржа, — спрашивает Люсет у Сидролена, — ее вы тоже собираетесь перекрашивать?

— В будущем году, — отвечает Сидролен. — Раз в два года. В прошлом году красил.

Ну вот и все.

Прихватив банку с краской, он спускается с пригорка.

— Не расквасьте себе физиономии, — советует

он. На мостках он добавляет: — Осторожно, не бултыхнитесь в воду.

Их ждет укропная настойка; женщины тем временем беседуют о телевидении.

— Надо бы тебе купить телевизор, — говорит Бертранда Ламелии. — Чем ты занимаешься вечерами? Наверное, дохнешь со скуки.

— Терплю пока, — говорит Ламелия. — Не вечно же мне здесь торчать.

— А что ж ты собираешься делать?

— Ну, выйду замуж, черт возьми.

— У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Да как сказать…

И она жеманно улыбается.

— Скучно вам будет, когда она свалит отсюда, — говорит Люсет Сидролену.

— Ну, я, знаете ли… Мне, чтоб заскучать, много надо…

— Он всегда найдет, чем бы не заняться, — говорит Ламелия. — Живет по принципу: где бы ни работать, лишь бы не работать.

— Да уж мы его знаем так же хорошо, как и ты, — хором поддакивают Бертранда и Сигизмунда.

— Конечно, — говорит Сидролен, — я бы предпочел, чтобы она осталась на барже, но надо же

и ей свою жизнь устроить, этой малышке, это нормально.

— Это нормально, — говорит Бертранда.

— Это нормально, — говорит Сигизмунда.

— Так у тебя есть кто-нибудь на примете? — спрашивает Бертранда.

— Ну, как сказать… — говорит Ламелия.

И она жеманно улыбается.

— А правда, — вступает вдруг в разговор Люсет, — почему это у вас нет телевизора? Все-таки развлечение.

— Да и просвещает, — говорит Йолант.

— Ну так как же, Ламелия, — говорит Сидролен, — пока ты не замужем, хочешь развлекаться или просвещаться?

— Нет, папа, я хочу только одного — заниматься любовью.

— По телевизору любовью никогда не занимаются, — замечает Люсет.

— То есть вообще никогда не занимаются, — говорит Йолант.

— Как вы глупы, — говорит Бертранда, — это ведь потому, что его смотрят ребятишки.

— Ты своим позволила бы смотреть сколько хочется? — спрашивает Сигизмунда.

— Только то, что просвещает, — отвечает

Йолант. — Особенно новости. Так они узнают историю Франции и даже всеобщую историю.

— Это как же? — спрашивает Люсет.

— А вот как: ведь сегодняшние новости — это завтрашняя история. По крайней мере именно ее им предстоит учить в школе, поскольку они уже будут ее знать.

— Ну, старик, ты говори, да не заговаривайся, — возражает Люсет. — История никогда не была новостями, а новости — историей. Не смешивай божий дар с яичницей.

— Да нет, вот именно, что надо смешивать. Давай разберемся. Представь, будто ты сидишь перед телевизором и видишь — я подчеркиваю, именно видишь — живого Люсьена Бонапарта, что звонит в колокольчик, его брата в углу, орущих депутатов, врывающихся гренадеров, — словом, ты присутствуешь при событиях девятнадцатого брюмера[36]. После чего ты отправляешься на боковую, спишь сто лет без просыпу, просыпаешься, и вот в этот момент девятнадцатое брюмера стало для тебя историей и тебе вовсе незачем копаться в книгах, чтобы вбить себе в башку всю эту брюмерзость.

---

[36] Примечания: 36

Имеются в виду события времен Великой французской революции.

— Ну ты даешь! — говорит Сигизмунд. — Ведь в то время телевизоров-то не было.

— Согласен, — говорит Йолант, — но тогда возьмем кинохронику: иногда нам показывают старую. И вот там ты видишь, как царь Николай пожимает руку Пуанкаре, такси на Марне[37], Вильгельма II, Кронпринца, Верден, — что это как не история? А ведь когда-то это было новостями.

— Было и есть, — говорит Люсет. — Доказательство — то, что ты смотришь это в кино и что тебе объявляют: это новости.

— Ну и глупо, — говорит Йолант. — Тогда что же такое история?

— Это когда она написана.

— И верно, — говорит Бертранда.

— Он прав, — говорит Сигизмунда.

— Тысячу раз прав, — говорит Ламелия.

Йолант хлопает по столу.

— Эй, поаккуратней, не опрокиньте укропную настойку, — предупреждает Сидролен.

Йолант хлопает по столу поаккуратней, стараясь не опрокинуть укропную настойку. К жесту он присоединяет слово:

— Ну что вы тут все — безмозглые, что ли, не

---

[37] Примечания: 37

«Такси на Марне» — один из первых немых фильмов.

доходит до вас, что я хочу сказать?!

— Мы все прекрасно поняли, — говорит Бертранда, — только все равно это идиотство.

— Да ты поразмысли хотя бы минут пять, напряги мозги! В один прекрасный день, например, в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году, некие люди подписали перемирие…

— Ну, предположим.

— …и это засняли киношники. В тот день данное событие было новостью, а потом, после, теперь, к примеру, оно стало историей. Ясно, нет?

— Нет, — говорит Люсет. — Никак не выходит: потому что эти твои новости — ты их видишь не в тот момент, когда дело происходит. Ты видишь их иногда неделю, иногда две недели спустя. Есть даже такие кинотеатрики, где тебе покажут Тур де Франс в ноябре месяце[38]. Так вот, при этих условиях — в какой же момент новости становятся историей?

— Да тут же, сразу! Тотчас же, presto subito[39]! Телевидение — это новости, которые застывают, как желе, и становятся историей. Сделано — сказано.

---

[38] Примечания: 38
Велогонка «Тур де Франс» проводится в июле.

[39] Примечания: 39
Почти сразу же *(ит.)*.

— А когда еще не было телевидения, — спрашивает Сигизмунда, — не было, значит, и истории?

— Вот видишь, — говорит Люсет, — тут тебе и крыть нечем.

— Может выпьете еще укропной настойки? — предлагает Сидролен.

— Ну а ты, папа, — говорит Ламелия, — ты что об этом думаешь?

— Я? У меня телевизора нет.

— Знаем, знаем, — говорит Бертранда, — потому-то мы и объясняем Ламелии, что тебе следовало бы подарить ей телевизор. Так она будет меньше скучать.

— Да, но ведь она думает только о том, как бы ей заняться любовью, — возражает Сидролен.

— По телевизору, — говорит Люсет, — любовью никогда не занимаются.

— То есть вообще никогда не занимаются, — говорит Йолант.

— Как вы глупы, — говорит Бертранда, — это ведь потому, что его смотрят ребятишки.

— Ты своим позволила бы смотреть сколько хочется? — спрашивает Сигизмунда.

— Только то, что просвещает, — отвечает Йолант. — Особенно новости. Так они узнают историю Франции и даже всеобщую историю.

— Это как же? — спрашивает Люсет.

— А вот так: ведь сегодняшние новости — это завтрашняя история. По крайней мере именно ее им предстоит учить в школе, поскольку они уже будут ее знать.

— Вот умора! — говорит Сидролен. — Мне кажется, вы пошли по второму кругу, все это я уже как будто слышал.

— И однако, — возражает Люсет, — то, что здесь говорилось, не каждый день услышишь. Не думаю, чтобы вам часто доводилось послушать рассуждения на столь высоком философско-моральном уровне.

— Особенно в том кругу, где вы жили, — говорит Йолант.

Бертранда пинает его в голень.

— Ай! — взвизгивает Йолант.

— Вам больно? — осведомляется Сидролен.

— Зверюга! — отзывается Йолант.

— Ну, как бы то ни было, — говорил Сидролен, — а я очень рад был повидаться с вами. Вы вели себя крайне любезно.

— Ты что, выставляешь нас? — спрашивает Бертранда.

— Похоже на то, — говорит Сигизмунда.

— Вовсе нет, — отвечает Сидролен. — Только

вот какое дело: когда вы начинаете бегать по кругу, у меня голова кругом идет, и я предпочитаю остановить эту карусель разом, а не то совсем собьюсь с панталыку и попаду в прошлое, или в будущее, или сам не знаю куда, может, и вообще в никуда, одним словом, страсти-мордасти да и только.

— Слушай, — говорит Йолант Люсету, — а что, если скинуться да и подарить ему телевизор на день рождения: меньше думать будет.

— Посмотрим, — говорит Ламелия. — А пока что самое лучшее — дать ему вздремнуть: его любимое кино — сиеста.

От ОМОНОвцев остались лишь едва заметные, одетые мхом могилы; позабыты-позаброшены были ОМОНОвцы, павшие в бою времен короля Людовика, девятого по счету, носящего это имя.

Герцог д'Ож открыл один глаз и вспомнил, что аббат Биротон должен был ответить ему на некий третий вопрос и что он этого не сделал. Открыв свой второй и последний глаз, герцог д'Ож не зафиксировал в поле зрения вообще никакого аббата Биротона.

— Ах, монах! Ох, жох! Ай, лентяй! — заворчал герцог. — Держу пари, что он отбыл на вселенский собор в Базель, а может, в Феррару или во

Флоренцию, черт их там разберет. Во всяком случае, я-то остался с носом.

Он встает и выходит на площадку д'ожнона своего замка, дабы прояснить для себя хоть самую малость историческую обстановку.

Ни одного годдэма[40] в поле зрения, ни одного воина с тех или иных берегов, той или иной чужбины. Горизонт был почти пуст. Лишь несколько вилланов копались там и сям в худородной земле, но, едва различимые глазом, они не портили окружающий пейзаж.

Герцог мутным взором окинул эту веселенькую картинку и вздохнул, потом он спустился в кухню, чтобы закусить рагу из жаворонков, — так просто, для затравки. Заболтавшиеся поварята, вовремя не заметившие герцога, получили здоровенные пинки, разметавшие их по углам, кого направо, кого налево. Повар, съевший собаку на кормлении своего господина, поспешил подать ему желанное рагу. И вот герцог лакомится рагу, обсасывает все косточки, облизывает все пальчики, осушает все кубки и прямо-таки цветет от удовольствия. Потом, с плотоядной улыбкой, заявляет:

---

[40] Примечания: 40

Годдэм — презрительная кличка, данная французами англичанам во времена Столетней войны (от англ. *goddam* — черт побери!).

— Восхитительно! Но вряд ли вкуснее пятилетнего ребеночка, зажаренного на вертеле.

И он давится со смеху.

— Мессир, мессир! — взывает к нему повар, — нижайше умоляю вас, не шутите столь жестоко!

— А я и не шучу, я серьезно.

— Ну тогда, мессир, лучше шутите!

— Так чего ж ты, шеф-повар, добиваешься? Чтобы я шутил или чтобы я говорил серьезно?

— Ах, мессир, я полагаю, лучше нам вообще не затрагивать эту тему: в наше время людоеды не очень-то популярны. Особенно людоеды-дармоеды.

— Тебе-то уж должно быть известно, что я не ем человечины. Господин твой, герцог д'Ож, с людоедом вряд ли схож, а дармоедов ты не трожь!

— Ах, мессир, всем известно, что ваша преступная слабость к…

— Еще чего! Уж не хочешь ли ты упрекнуть меня в том, что я храню верность доброму старому соратнику, благородному сеньору Жилю де Рецу[41]?!

---

[41] Примечания: 41

Жиль де Рец (1404–1440) — маршал Франции, соратник Жанны д'Арк. Покинув двор в 1435 г., занялся в своем замке черной магией и колдовством, замучил и убил сотни похищенных для этой цели детей, за что был осужден и казнен. Послужил прототипом героя сказки «Синяя борода».

— Ох, мессир…

— Еще чего! Я, плечом к плечу со своим другом, порубил кучи годдэмов, сражаясь за правое дело нашего короля под командованием Жанны-девственницы, так неужто же я покину его теперь, когда он попал в беду?! Нет, нет и нет! Это было бы крайне неблагородно.

— Но ведь все говорят, что он гнусный злодей.

— Бабьи сплетни! Подлые россказни, выдуманные для того, чтобы очернить благородных сеньоров вроде него или меня. Король Карл, седьмой по счету, носящий это имя, теперь кое-как выиграл Столетнюю войну, которая, между прочим, длится куда более ста лет; вообще, замечу тебе попутно, наши добрые короли, при всей своей хитрости, вечно валандаются и тянут с победой… так что, бишь, я говорил-то?.. ах, да, теперь, когда благодаря энергичным мерам, принятым Капетингами, поражение годдэмов уже не за горами, нам, наверное, осталось потерпеть каких-нибудь лет пятнадцать, не больше… да, и вот нынче, когда наш король больше не нуждается в нас, дабы завершить изгнание англичан, он, насколько я подозреваю, начнет принимать антифеодальные меры с целью укоротить нам руки и поставить на место. Он ведь коварен, как

дьявол.

— Ай-ай, мессир, не поминайте, прошу вас, врага рода человеческого!

— И процесс нашего доброго друга Жиля ясно свидетельствует об этих антифеодальных злодейских мерах, направленных на то, чтобы укоротить нам руки и поставить на место.

— Мессир, вы повторяетесь.

— Во-первых, ты неточен: я не повторяюсь уже потому, что добавил еще одно прилагательное, а, во-вторых, узнай, тупая скотина, что повтор есть один из наиблагоуханнейших цветков искусства риторики.

— Я бы охотно усомнился в этом, мессир, коли бы не побаивался ваших колотушек.

Спровоцированный подобным образом, герцог вскакивает, хватает скамейку и ломает ее об спину повара.

— Мессир, мессир! — стонет тот, — я вас нижайше прошу смилостивиться и не побивать собеседника столь вескими аргументами!

— Молчи, ты возбуждаешь во мне отвращение, а кроме него, аппетит. Подай-ка сюда засахаренных фруктов, они хорошо снимают жир с зубов.

Герцог жадно поедает засахаренные фрукты, а затем возвращается к своим баранам:

— Итак, шеф-повар, ты полагаешь, что это справедливо — суд над маршалом Франции?

— Ах, мессир, это поистине очень дурно и очень-очень жестоко.

— Они просто затаили злобу против этого прекраснейшего человека. Ну, предположим, он употребил с десяток мальчишек и укокошил двух-трех из них, так неужели из-за таких пустяков нужно бичевать маршала Франции, да притом соратника нашей доблестной Жанны Лотарингской, которую англичане сожгли в Руане?!

— Мессир, говорят, их было тысячи три.

— Тысяча три — чего?

— Маленьких детей — замученных, задушенных и съеденных этим злым и безжалостным маршалом. Это ужасно, это поистине ужасно!

И повар заревел как теленок, а герцог глядел на него скорее удивленно, нежели разъяренно.

— Ты случайно не начитался ли романов Круглого Стола? — спросил он его кротко.

— Мессир, я вообще читать не умею.

— Так, может, твоего слуха ненароком достигло нытье какого-нибудь безродного труверишки?

— Вот именно, мессир, вот именно: один

прувер[42]смутил мою душу своею весьма мстительной песнью, в которой он взывал к справедливости христианнейшего короля Франции, дабы тот решил дело в пользу несчастных родителей, чьих малышей погубил безжалостный маршал.

— О времена, о нравы! — вздохнул герцог д'Ож. — Ну так знай: я сию же минуту, вот как есть, или, вернее, не как есть, а верхом на моем добром коне Демо, поспешу к нашему мудрому королю Карлу, седьмому по счету, носящему это имя, дабы испросить у него полной и безоговорочной свободы для Жиля, маршала де Реца, его немедленного освобождения из темницы и, сверх того, сурового наказания для всех этих латинизирующих легистов, которые, точно навозные мухи, собираются загадить честь доблестного всадника, храброго солдата и, что уж вовсе большая редкость, солдата-победителя. Эй, где там мой конюший Пострадаль? Пускай готовится в путь и седлает моего доброго Демо!

Итак, оседлал Сфена Пострадаль, и отбыл герцог в столичный город Париж, сопровождаемый этим мальцом верхом на Стефе. По дороге на герцога напала говорливость.

---

[42] Примечания: 42

Игра слов: Ж. Превер — современный французский поэт, труверы — придворные поэты и певцы в XII–XIII веках.

— Ну-ка, подъезжай поближе, Пострадаль, я сообщу тебе цель нашего путешествия.

Пострадаль заставил своего коня трусить ноздря в ноздрю со скакуном своего господина, но притом держался от него елико возможно подальше, дабы вовремя увернуться от нежданной оплеухи.

— Ну, ближе, ближе! — понукал герцог.

— Я тут, мессир, я тут.

— Еще ближе, бездельник, — скомандовал Сфен, — ты же видишь: наш герцог нынче в добром расположении духа.

— Вот это верно, — подтвердил герцог, — приблизься же!

Пострадалю ничего не осталось, как подъехать к герцогу впритирку.

— Знаешь ли ты, дружок, — спросил его герцог, — для чего отправился я в столичный город Париж?

— Не знаю, мессир.

— Угадай!

— Чтобы посетить купальню?

— Вполне возможно, что заодно и посещу. Думай дальше.

— Чтобы развлечься со шлюхами и потаскухами?

— Вполне возможно, что заодно и развлекусь. Думай дальше.

— Чтобы полюбоваться великолепным порталом церкви Сен-Жермен л'Оссеруа в стиле пламенеющей готики, с порталом, который только что достроил мэтр Жеан Госсель?

— Вполне возможно, что заодно и полюбуюсь. Думай дальше.

— Бесполезно! — вмешался Сфен. — Он все равно никогда не угадает, и вы его поколотите. Разве не забавнее огорошить его сразу?

— Ты у меня мудрый коняга! Итак, слушай внимательно, Пострадаль: я еду к королю Франции, дабы испросить у него милости для моего друга и соратника Жиля де Реца, маршала Франции.

— Как! Для этого жестокого злодея?!

И Пострадаль тут же покатился в дорожную пыль. Стеф останавливается. Сфен спрашивает герцога:

— Мне тоже постоять?

— Еще чего! Вперед, он нас догонит. Этот малый действует мне на нервы, даже беседовать с ним расхотелось.

— Значит, я могу попеть?

— Сделай милость, мой славный Демо!

Сфен тут же принялся во всю свою лошадиную

глотку исполнять любимый репертуар. Он уже было затянул то самое рондо, что предстояло написать Карлу Орлеанскому: «Зима, старуха злая…»[43], как вдруг они завидели вдали ворота укрепленного города, охраняемые вооруженными биржуа. Осторожный Сфен тут же щелк — и смолк, и остаток пути прошел в полнейшей тишине.

[43] Примечания: 43

Карл Орлеанский (1391–1465) — герцог Франции, поэт, собравший при своем дворе в Блуа лучших поэтов, певцов и музыкантов.

VI

В то время как Пострадаль врачевал свои шишки и ссадины у местного эскулопа, герцог д'Ож ждал ужина в таверне Монталамбера, заглатывая, пока суп да дело, паштет из угрей и орошая каждый кусок добрым глотком кларета. Это привело его в прекрасное расположение духа, тем более что каждая минута приближала его к тому вожделенному мигу, когда должна была начаться собственно трапеза. Вот почему он весьма благосклонно встретил некоего индивида весьма изысканного вида, который приветствовал герцога столь грациозными реверансами и курбетами, что тот пригласил его к себе за стол. Юный аристократ не ломаясь принял приглашение и отрекомендовался Адольфом, виконтом де Голодрань.

Наконец появился Пострадаль, перевязанный эскулопом, и вся компания села за ужин, который начался с трех супов различных цветов: первый — вегетарианский, второй — пейзанский, а третий — гурманский. Затем они полакомились жарким с двумя соусами: первый — с почками

(нераспустившимися), второй — с мускатным орехом. Попутно осушались кубки. Тут подоспело второе жаркое, и, поскольку оно было сильно наперчено, делать нечего, — пришлось осушать дополнительные кубки; завершилась трапеза усахаренными фруктами и прочими усладостями. Правда, на прилегающих к таверне улицах царил голод, но что поделаешь, надо же было закончить обед как положено!

— Мой юный друг, — сказал герцог виконту де Голодрань, — не доводилось ли вам слышать о благородном сеньоре Жиле де Реце, маршале Франции?

— Как же, как же, мессир!

— Он был моим соратником на войне! И стал маршалом Франции в двадцать пять лет. Что вы об этом скажете?

— Скажу, что это прекрасный возраст для маршала.

— Не правда ли! А знаете ли вы, что с ним теперь приключилось?

— Я слышал, будто его заключили в тюрьму.

— Верно, и даже собираются обезглавить.

— Это меня безмерно удручает, мессир.

— Так вот, мой юный друг, знаете ли вы, зачем я покинул свой замок с д'ожноном и собираюсь

провести несколько дней в столичном городе Париже?

— Мне это неизвестно, мессир.

— Так вот, мой юный друг, я собираюсь испрашивать у короля помилования маршала. Я полагаю, что негоже поступать так с освободителем Франции. Неужто оттого, что он поджарил на вертеле парочку младенцев, нужно забывать, какие услуги оказал он своей стране?!

— Ах, не говорите так громко, мессир, общественное мнение настроено весьма неблагосклонно к маршалу.

— Плевать! Я все равно поеду к королю.

— Куда же, мессир?

— Как это куда? В Париж, разумеется!

— Но короля там нет.

— Что за шутки! Неужто короля нет в его Луврском дворце, вход в который охраняет его недремлющая стража? Так где же он?

— На берегах Луары.

— Ну вот, стоило трудиться и освобождать столичный город Париж от годдэмов, чтобы король туда потом ни ногой!

— Мессир, я никогда не позволю себе критиковать нашего короля Карла, седьмого по счету, носящего это имя.

— Ну а я себе позволю! Я ведь герцог и имею полное право быть казненным на виселице о восьми столбах. И я прямой потомок Меровингов, а это значит, что Капеты мне в подметки не годятся[44]. Что он себе воображает, этот Капетишка! — без нас да пастушки Жанны (не будем забывать о пастушке!), без нас, повторяю, здесь до сих пор хозяйничали бы англичане. А посему я лично нахожу весьма предосудительным тот факт, что король не находится в своем столичном городе Париже, когда я пожаловал к нему сюда собственной персоной.

— Мессир, не вы один так думаете.

— Вы меня удивляете. Обычно я один думаю то, что я думаю.

— Да, но в вопросе о короле Франции вы найдете себе единомышленников.

— Надеюсь, что так! Любой высокородный сеньор испытал бы то же самое при подобном нанесенном ему афронте.

— И возжаждал бы мести, не так ли?

— Верно, черт подери, но с местью дело несколько затрудняется. Попробуйте-ка отомстить, когда у короля большая регулярная армия, плюс воль-

---

[44] Примечания: 44

Меровинги (485–751), Капетинги (Капеты) (987—1328) — королевские династии Франции.

ные лучники, плюс целохранители, плюс эта чертова артиллерия братцев Бюро!

— Кстати, о братьях Бюро: не кажется ли вам, что наш король слишком уж приближает к себе всяких худородных людишек вроде таких Бюро, или Жака Кёра, или Этьена Шевалье…

— Ей-богу! — воскликнул герцог д'Ож, — вы говорите как по писаному, словно книг начитались.

— По-моему, я читал это в книгах, — ответил Сидролен. — Бродячие братья-монахи водились еще в средние века.

— А сестры-монахини — те бродят и клянчат на каждом шагу, — сказал прохожий, — уж не знаю, средние ли это века или еще какие.

— Ну, все мы вышли из средних веков, — откликнулся Сидролен. — По крайней мере мне так кажется…

— Этот самый мотосвященник, — сказал прохожий, — по-моему, всего-навсего жулик.

— Меня он ни разу не обжулил, — ответил Сидролен, — потому что я ему ни разу не подал.

— Но вы могли бы подумать о других, — сказал прохожий, — о тех, кого он, вполне вероятно, обжулил.

— Я никому зла не желаю, — сказал Сидролен.

— Это вы так утверждаете.

Сидролен глядит на прохожего, чье лицо ровным счетом ничего не выражает, и в этот момент их окликают.

— Это к вам обращаются, месье, — говорит прохожий Сидролену.

— Здравствуйте, мадемуазель, — говорит Сидролен.

— Это к вам обращаются, месье, — говорит девица прохожему.

— Если я правильно понял, мадемуазель, — говорит прохожий, — вы путешествуете автостопами.

— О да, я есть туристка и канадка, и я…

Прохожий щелкает пальцами, и к тротуару подкатывает огромный шикарный уаттомобиль, — для таких больших уаттомобилей всегда находится место у тротуара; из него выходит шофер в ливрее, он распахивает дверцу, девица садится в машину, а прохожий говорит Сидролену:

— Видали, как эта малышка с ходу учуяла большой уаттомобиль?

Он тоже садится в машину, и все это вмиг исчезает. Сидролен обращается к Сидролену:

— Сколько же здесь прохожих? Факт есть факт:

либо их гораздо больше, чем хотелось бы, либо это один и тот же прохожий, который размножается почкованием. Что же до мотосвященника — это уж точно тот же самый… насколько можно судить; но вот канадки… нет, нет, эти, несомненно, разные, ведь среди них встречаются и язычницы, и многоязычницы. А может, нам еще предстоит увидеть и других — лиловых или серо-буро-малиновых и говорящих на черт знает какой тарабарщине. Эта, последняя, была подозрительно черновата, а, впрочем, может, они все и одинаковы. Как прохожие. Вот этот уж точно не настоящий прохожий, на нем форма. Что вам угодно, месье?

— Не могли бы вы мне указать, где тут стоит на якоре мамзель Ламелия Сидролен?

— Да вот здесь прямо и стоит, — отвечает Сидролен.

— А вы имеете какое-нибудь отношение к этой юной особе? — подозрительно спрашивает прохожий.

— Еще бы нет! — отвечает Сидролен. — Я ей отец.

— Вот здорово! — восклицает тот с самой искренней радостью. — А я как раз пришел просить ее руки.

— Ну, вы везучий, как я погляжу: с ходу попали на нужного человека.

— Так да или нет? Я, знаете ли, не очень-то к этому стремлюсь, но подумал-подумал и решил: а почему бы и нет, в конце концов; ну а потом еще она мне намекнула, что у нее уже животик с секретом, как говаривал мой дед, а он был тоже большой ходок по этой части, — судите сами: у меня не менее семидесяти двух побочных кузенов или детей данных кузенов, но поскольку я — человек чести (хотя, заметьте, в нашем деле ничего не стоит наделать детей на каждой остановке по всему маршруту; один мой коллега ухитрился даже обилетить пассажирку младенчиком между улицей Пти-Жан и Оперой), то я хочу сказать, что этот вопрос мне знаком, и не было бы ничего удивительного, если бы я, как говорится, проехал мимо, но я решил иначе и сделал остановку, так что призываю вас воспользоваться случаем. Ну и к тому же я не прочь пожить на барже.

— Вот на это не рассчитывайте, — говорит Сидролен.

— Да у вас на борту вроде бы не тесно.

— Мои дочери, — заявляет Сидролен, — выходя замуж, покидают баржу. Такова наша семейная традиция.

— Неужели вы нас вышвырнете в какую-нибудь паршивую многоэтажку?

— Ну, дорогой мой, это уж ваши проблемы, — отвечает Сидролен. — Замечу вам, что кроме многоэтажек есть еще домики в предместье, комнаты для прислуги (шестой этаж без лифта), автоприцеп на приколе и масса всякого другого жилья.

— А все же у вас на барже места предостаточно.

— Вы на ком собрались жениться? — спрашивает Сидролен, — на Ламелии или на барже?

— Баржу-то я еще не видел.

— Должен вам сказать, — заявляет Сидролен, — что эта баржа — всем баржам баржа, красивей не сыщешь. Желаете взглянуть?

— Боюсь, что расстроюсь: как подумаю, что мне не суждено здесь жить.

— Ну-ну, не горюйте, — утешает его Сидролен, — зато вы всегда сможете зайти сюда опрокинуть стаканчик укропной настойки. Кстати, приглашаю на стаканчик.

Сидролен указывает дорогу, они спускаются по склону, вступают на мостки, и гортранспортист едва не срывается с них в речную тину.

— Сразу видно, что вы никогда не служили

на речных трамваях, — любезно говорит ему Сидролен.

Потом он кричит:

— Твой ухажер явился!

Слова эти предназначаются Ламелии; появление следует незамедлительно.

— Кто этот господин? — спрашивает Ламелия у Сидролена.

— Да вроде бы твой суженый.

— Первый раз вижу, — заявляет Ламелия. — Но если он хочет выпить стаканчик укропной настойки, могу ему предложить.

— Уже предложено! Давай неси ее сюда.

Ламелия удаляется, дабы провести в жизнь сей проект.

— Ну, дорогой, — говорит Сидролен гортранспортисту, — как вы находите мою баржу?

— Очень миленькая, — рассеянно отвечает тот. — А что, ее правда зовут Ламелия?

— Нет, ее зовут «Ковчег».

— Вашу дочь зовут «Ковчег»?

— Мою дочь зовут Ламелия.

— Вы уверены?

— Да вы что, не узнаете ее?

Гортранспортист демонстративно громко чешет в затылке.

— Да прямо не знаю… не знаю… ей-богу, не знаю. Нет, скажите, ее и вправду зовут Ламелия?

— Факт!

— Сомневаюсь, чтобы другая Ламелия — моя, то есть — жила на другой барже в этом же месте.

— Почему бы и нет?!

— Хм… но… по теории вероятности…

— Эта ваша теория — только предлог для гаданий и парадоксов. Может, всех девушек на всех баржах у всех причалов зовут только Ламелиями.

Гортранспортист принимает скептический вид.

— Я имею в виду только те баржи, что стоят на приколе, — уточняет Сидролен.

Гортранспортист принимает почти убежденный вид. Но он бы ошибся, поверив в это окончательно, ибо Ламелия, принесшая укропную настойку, обращается к нему так:

— Ну что, лапочка, здорово я тебя напугала?

— Конечно, это она! — ликующе восклицает лапочка.

— Ты уже поговорил с папой?

— Да, — говорит лапочка.

— Он согласен?

— Спроси сама.

— Папа, ты хочешь, чтобы я вышла замуж за гортранспортиста?

— Да, — говорит Сидролен и не без грусти добавляет: — Ну вот, как говорится, и с рук долой.

Они чокаются. Беседуют. Обсуждают проблему будущего жилья, поскольку вопрос о поселении на барже не стои#т; впрочем, гортранспортиста эта перспектива не так уж и манит, — известное дело, на реке сыро, того и гляди, ревматизм подцепишь, а он, гортранспортист, боится ревматизма пуще смерти. А потом, малыш — поскольку вопрос стоит о малыше — рискует свалиться в эту зловонную сточную жижу, окружижающую баржу, так что лучше уж подыскать домик в предместье, но вот только спрашивается, на какие шиши. Сидролен также спрашивает себя, на какие шиши.

Гортранспортист не осмеливается спросить это у Сидролена.

Н-да, с домиком в предместье, как видно, придется обождать.

Но спросить-то все-таки можно.

— Сколько же вы за ней дадите? — спрашивает гортранспортист.

— Сколько — чего? И кому? — интересуется Сидролен. — В денежных вопросах я, знаете ли…

— Ну как же! — говорит гортранспортист, — ну как же, приданое-то, ну, то есть то, что раньше называли приданым, кошелек, так сказать, в корзинку новобрачной.

— Что-то не пойму, о чем вы тут толкуете, — говорит Сидролен.

— Ну как же, разве вы Ламелии к свадьбе ничего не подкинете?

— Ничего, — говорит Сидролен.

— Вообще ничего?

— Вообще ничего.

— Ну как же… у вас ведь небось кой-какие деньжата водятся?

— Конечно, но мне же предстоят расходы.

— Какие еще расходы?

— Расходы по замене. Как вы думаете, могу я жить без хозяйки? Неужели я сам себе буду чистить башмаки, готовить жратву и прочее? Стало быть, мне придется раздобыть себе другую хозяйку. А это станет недешево.

— Позвольте, позвольте, — нервно говорит гортранспортист, — но Ламелия, надеюсь, не ваша хозяйка, она вам дочь или кто?

— Не беспокойтесь, тут все в порядке, — веско заверяет его Сидролен. — Ламелия — последняя из тройни, которую моя покойная супруга про-

извела на этот свет, перед тем как отправиться на тот.

— Я об этом ничего не знал, — говорит вконец подавленный гортранспортист.

— Да вы не сокрушайтесь так, это ведь даже шикарно — жениться на тройняшке. То-то будете форсить перед приятелями!

— Это-то верно.

— Ну а что касается денег, то на меня не рассчитывайте! — мне ведь нужен кто-нибудь, чтобы драить палубу, поднимать флаг на мачте по большим церковным праздникам и так далее. Не самому же мне этим заниматься, — вот и понадобится монета, чтобы платить какой-нибудь редкой пташке, а вам, следовательно, шиш.

— Ну, в таком случае, — говорит гортранспортист, — я прямо не знаю… прямо и не знаю…

— Вспомни о нашей страстной любви! — говорит Ламелия.

— Ну-ну! — говорит Сидролен. — Не стройте же из себя корыстолюбца.

— Да, конечно… и потом, тройняшка… да, тройняшка — это вещь; может, мне повезет, и мое фото попадет в газеты или даже по телевизору в новостях покажут, как вы считаете?

— Без всякого сомнения! — веско заявляет Сид-

ролен.

— Ну и ладно! — восклицает гортранспортист, — разрази меня гром, я беру за себя Ламелию, с деньгами или без!

— Молодец парень! — говорит Сидролен. — Ну а как вам понравилась моя укропная настойка?

— Первоклассная! — говорит гортранспортист, — первоклассная!

Пауза.

— Ну ладно, — говорит наконец гортранспортист, — значит, по рукам. А теперь, с вашего позволения, я возвращусь домой, чтоб мать оповестить.

— Я вам прямо скажу, — возражает Сидролен, — если вы собираетесь подсунуть мне вашу мать вместо Ламелии, чтобы скрести полы и начищать руль, то она мне и даром не нужна!

— Да я и не собирался ей это предлагать.

— Ну и слава Богу!

Сидролен встает, за ним встает и гортранспортист. Сидролен говорит Ламелии:

— Я его проведу по сходням, а то у него голова слабая.

И он берет гостя за руку, чтобы тот не свалился в тину; потом они взбираются вверх по склону.

— Ну-с, до свиданья, — говорит Сидролен

гортранспортисту.

Он смотрит на изгородь и дверцу, сплошь покрытые надписями.

Гортранспортист замечает:

— Не понимаю типов, которых тянет всюду писать. Это что, все про вас?

— До свиданья, — отвечает Сидролен.

Пока гортранспортист медленно удаляется, Сидролен идет за банкой с краской; старательно и любовно водя кистью, он кладет гладкие зеленые мазки на букву «У»; он так усердствует, что названная буква явственно проступает благодаря щедро наложенному слою краски; затем он переходит к букве «Б» и замазывает ее с тем же неубывающим пылом. Он больше не слышит ни шагов прохожего, проходящего мимо, ни гула проходящих по бульвару тысяч и тысяч уаттомобилей. Виконт де Голодрань вполголоса беседует с герцогом д'Ож. Ла-Тремуй, Дюнуа и герцог Алансонский собираются поставить на место этого Капетишку и научить его поучтивее обращаться с высокородными сеньорами. К ним присоединился и кое-кто поважнее. Герцог д'Ож осведомляется, кто бы это мог быть, и добавляет, что понятия ни о чем не имеет. Поломавшись для приличия, юный виконт признается, что этот

«кое-кто» не кто иной, как сам дофин.

— Как! — восклицает герцог д'Ож. — Тот самый знаменитый Людовик Одиннадцатый?

— Он самый, — отвечает виконт де Голодрань, — но, заметьте, он пока еще никакой не одиннадцатый.

— И он замышляет заговор против родного папы?

— Это не заговор, мы просто защищаем свои законные права.

— С этим я согласен, ну а что же в результате будет с моим добрым другом Жилем де Рецем?

— Мы освободим его из тюрьмы.

— Если это случится, я подарю вам целую сотню гвоздичных палочек. А пока давайте тяпнем!

И они тяпнули.

VII

Караульный заприметил двух неизвестных верхом на мулах, которые направлялись к замку с д'ожноном. Герцог д'Ож был тотчас оповещен. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это аббат Биротон и сопровождавший его дьякон Рифент.

— Сейчас сыграем с ними отличную шутку! — сказал герцог д'Ож. — Сперва пальнём по ним из бомбарды, а следом вдарим пару раз из кулеврины. Не забудьте потом сходить собрать ядра.

Новоиспеченные артиллеристы были не слишком уверены в успехе, ибо им предстояло впервые опробовать эти недавние приобретения герцога. Бомбарда сработала вполне удовлетворительно: ядро врылось в землю меньше чем в трехстах метрах от Онезифора, который, так же как и дьякон Рифент, даже не понял, что произошло.

Но когда ядра помельче, выпущенные из кулеврины, упали в непосредственной близости от аббата, тот соскочил с мула и бросился ничком на землю, воззвав к Господу о защите; дьякон Рифент последовал его примеру. Ствол кулеврины

треснул, и герцог велел прекратить стрельбу, не желая из-за простой шутки рисковать орудием, которое обошлось ему довольно дорого.

Пока оставшиеся в живых артиллеристы собирали ядра, аббат Биротон и сопровождавший его дьякон Рифент предстали перед герцогом.

— Ничего себе встреча, мессир! — сказал аббат Биротон. — Я знаю, что вы не питали дурных намерений, но мы едва избежали гибели.

— Да, результат оказался лучше, чем я думал.

— Так, стало быть, вы, мессир, также обзавелись этой дьявольской бомбой?

— Что делать, приходится защищаться, мой дорогой. Я со дня на день поджидаю королевских ОМОНОвцев и, поскольку вовсе не собираюсь дать себя растоптать, принял все необходимые предосторожности и запасся самыми современными новоизобретенными новинками.

— У вас опять разногласия с королем?

— А они и не прекращались. На сей раз это из-за моего доброго друга Жиля де Реца.

— Ох, гнусный злодей!

— Молчи, долгополый! Где же твое христианское милосердие? Мой добрый друг Жиль де Рец был бесславно казнен, точно простой виллан, — это он-то, высокородный сеньор и бесстрашный

воин, а ведь Столетняя война еще даже не кончилась. И поскольку мне это не понравилось, я присоединился к другим высокородным сеньорам и бесстрашным воинам, дабы достойно проучить короля; знаешь ли ты, кто с нами заодно?

— Да где уж мне угадать!

— Дофин!

— Как! Знаменитый Людовик Одиннадцатый?

— Ну, пока он еще не одиннадцатый. Не стану вдаваться в подробности; дело кончилось тем, что высокородные сеньоры повели себя, как трусливые бабы, а дофин предал нас, и вот в результате я остался один против короля Франции и числюсь в открытых мятежниках. К счастью, теперь у меня есть мои миленькие пушечки. Кстати, раз уж ты здесь, давай-ка не ленись и окрести мне их.

Аббат Биротон, не переча герцогу, исполнил его приказание. Когда он кончил, герцог сердечно хлопнул его по спине, осведомился о здоровье и наконец спросил:

— Ну как там прошел церковный собор[45]?

— Он низложил Эугена IV и заменил его Амедеем, и теперь король Франции собирается

[45] Примечания: 45

Имеется в виду 17-й Церковный собор 1431–1437 гг., проходивший в Базеле, Ферраре, Флоренции и Риме.

опубликовать Прагматическую Санкцию, защищающую независимость галликанской церкви.

— Если я правильно понял, ты принял сторону короля.

— Не сердитесь, мессир, я был там в качестве простого наблюдателя.

— Ха! А мне сдается, что ты простой изменник и предатель!

— Мессир! Ну какой же я предатель — я, обычный наблюдатель!

— Можешь болтать все, что угодно, а я взял тебя на заметку; наверное, это мой ангел-хранитель подсказал мне приветствовать твое возвращение несколькими пушечными залпами. Я-то сам гвельф и феодал. И если мой капеллан начнет увлекаться современными идеями, то мне ничего иного не останется, как привязать его к жерлу бомбарды и послать по частям в небеса.

Аббат Биротон остерегся развивать эту тему, и в тишине, последовавшей за речью герцога, ясно послышались голоса Пиранеллы и Белюзины, распевавших рондо, которое предстояло написать Карлу Орлеанскому: «Зима, старуха злая…» В конюшне Сфен и Стеф аккомпанировали им, насвистывая тот же мотивчик.

— Ваши дочери, кажется мне, нынче в веселом

расположении духа, — заметил аббат Биротон, пытаясь таким образом отвлечь внимание герцога от своей персоны.

— Да, — ответил герцог, — я их выдаю замуж.

— Всех трех?

— Всех трех.

— И даже Фелицу?

— И даже Фелицу. Видишь ли, Биротон, с тех пор, как я овдовел, мои малышки совершенно лишены общества. Но теперь, благодаря интригам, в которые я замешался, у меня появились друзья и союзники; конечно, все они — трусливые бабы, как я тебе уже говорил, но среди самых трусливых из этих баб я выбрал троицу молодых дураков, коим и всучил свою тройню: Пигранеллу — сиру де Сри, Белюзину — графу де Коси, а Фелицу — видаму де Плакси. Ну, и, как говорится, с рук долой! Надеюсь, нам удастся сыграть свадьбу до прихода королевских ОМОНОвцев.

— Коих вы намереваетесь поколошматить?

— Теперь, когда у меня завелись пушки, я никого не боюсь!

И герцог д'Ож потер руки, выказывая признаки живейшего удовлетворения, как вдруг лицо его омрачилось.

— Ну так как же с этой всеобщей историей, о

которой я тебя спрашивал давным-давно, — я ведь до сих пор не получил ответа.

— Что именно хотите вы узнать?

— Что ты думаешь о всеобщей истории в общем и об общей истории в частности. Я слушаю.

— Ох, как я утомился дорогою! — сказал капеллан.

— Потом отдохнешь. Вот скажи-ка мне насчет этого Собора в Базеле, — относится ли он ко всеобщей истории?

— О да! Это всеобщая история в общем.

— А мои пушечки?

— Это уже общая история в частности.

— А свадьба моих дочерей?

— Ну, это разве что история событийная. Микроистория, так сказать.

— Чего-чего? — взревел герцог д'Ож. — Это еще что за микрохреновина? Ты, часом, не напился ли на радостях?

— Благоволите простить меня, мессир. Я, видите ли, устал. Да и перенервничал тоже. Эти ваши ядра ужасны, — поистине дьявольское изобретение!

— Да ты же их только что освятил, бездельник!

— Пушки — да, но не ядра.

— Ах ты, мерзкий лицемер! Прочь с глаз моих,

не то я тебя зарежу!

Онезифор исчезает.

Герцог обходит дозором укрепления, оглядывает горизонт, свободный от неприятеля, поглаживает свои бомбарды и кулеврины, поздравляет своих вояк. И даже произносит коротенькую речь:

— Если капеллан вздумает убеждать вас, что это, мол, дьявольское изобретение, то вы ему отвечайте так: имей мы артиллерию во времена крестовых походов, Гроб Господен давным-давно перешел бы в руки христиан.

Сказав это, он было спускается в кухню, чтобы взглянуть, не осталось ли там чего-нибудь вкусненького, но по дороге внезапно меняет маршрут и приказывает позвать пред свои очи дочерей.

Эти три юные особы тотчас являются к нему. Сперва они горячо благодарят своего отца за веселое развлечение, которым он их потешил, бомбардируя и кулеврируя аббата Биротона и дьякона Рифента, затем почтительно осведомляются о его отцовских намерениях в отношении даты их бракосочетания. В ответ герцог осведомляется, кончат ли они когда-нибудь болтать, чтобы он мог открыть, наконец, рот. Пусть они не беспокоятся на счет замужества, продолжает он,

все уже готово, сеньоры женихи спешат сюда во весь опор, что же до королевских солдат, то для их встречи у него припасены его миленькие пушечки, и если враги осмелятся явиться под стены его замка с д'ожононом, их сокрушительное поражение лишь украсит собою свадебную церемонию. Сочтя, что сказано вполне достаточно, герцог приказывает тройняшкам немедленно осчастливить его своим отсутствием, а иначе горе им, после чего возобновляет начальный маршрут. Пока он взбирается на верхушку своего д'ожнона, дабы проверить, не появились ли по соседству с замком королевские лучники, его дочери спешат на поиски капеллана, которого и обнаруживают на кухне, где он укрылся с целью ободрать и съесть несколько вяленых сельдей, орошая их при этом вином кларетом. Девицы жадно интервьюируют аббата, но тот вынужден признаться, что бессилен пролить свет на интересующий их вопрос и может лишь порекомендовать им поручить свои души Господу, творя благочестивые молитвы.

— Бе-е-е! — произносит Фелица.

Это означает, что она согласна.

Когда девицы удаляются, шеф-повар предлагает капеллану подкрепиться еще немного, съев круглый пирог, приправленный бараньим салом

и корицей, — он как раз доспевает в печи.

— Покорнейше благодарю, — говорит Онезифор. — Бр-р-р, как вспомню эти ядра, летающие, точно мухи, вокруг моей тонзуры!.. Поистине, тяжкое испытание для священника-пацифиста!

— Но, однако, господин капеллан, — замечает шеф-повар, — вас как будто побоями не испугаешь.

— Ты так думаешь? Ну, значит, я не изменился…

— Во всяком случае, мое такое мнение, что кулевринада, которую вы претерпели, это только цветочки. Очень скоро у нас тут пойдет дым коромыслом. Как только наш христианнейший король Карл Седьмой расправится с годдэмами, а может, и того раньше, он возьмется проучить нашего герцога, который играет в бунтовщика; к тому же эта история с защитой гнусного злодея и людоеда Жиля де Рэ сильно понизила популярность нашего господина. Во всяком случае, в моих глазах: я лично против каннибализма, хоть в шутку, хоть всерьез. Кроме того, я против огнестрельного оружия, этой чумы нашего времени. Конечно, необходимо убивать, свежевать и потрошить животных, с этим я согласен, — жить-то ведь надо, а потом, у них нет души, верно, госпо-

дин капеллан?

— Конечно, нет, — такое могло бы прийти на ум разве что какому-нибудь альбигойцу, а их, хвала Господу, больше не осталось.

— Ну тогда я несу вам мой пирог, приправленный бараньим салом и корицей.

Онезифор отведывает пирога.

— Вот, — говорит он, — вот что утешает меня в моем возвращении в сей замок с д'ожноном, а ведь я вполне мог бы подцепить себе какое-никакое епископство, поинтриговав на Соборе, — увы, я не интриган. И все же мы здесь, похоже, крепко влипли: сидим, как мыши в мышеловке. Да еще эти три свадьбы, — вот скажи, ты веришь, что они состоятся?

— Никоим образом, — отвечает шеф-повар, — ведь у нас ничегошеньки не готово, поставщики не извещены, а запасов у меня в кладовой не хватит даже на тридцать знатных особ, я уж не говорю о том, чтобы выдержать осаду.

— И, по-моему, наш герцог напрасно строит иллюзии насчет своей артиллерии. Эти самые ядра попадают куда угодно, только не в цель, — нет, это еще далеко не абсолютное оружие, а потом, пушки ведь есть и у короля. Взять несколько ядер потяжелее да расколошматить подъемный мост

— и королевские лучники войдут в замок, как к себе домой.

— Ага, теперь этот бездельник-монах занимается стратегией! — вскричал герцог, который тем временем крадучись вошел в кухню. — Да еще вдобавок стратегией пораженческой! Просто не знаю, что меня удерживает от того, чтобы повесить тебя за железы внешней секреции!

И герцог в сердцах выкручивает аббату ухо. Возмущенный Биротон верещит что есть мочи, но поскольку это не останавливает герцога, он хватает шпиговальную иглу и прижигает ею руку-мучительницу. Герцог испускает ужасающий вопль и, выпустив аббатово ухо, трясет обугленной культей. Освобожденный Онезифор трубным голосом выражает свой гнев:

— Обойтись так со мною! С представителем Господа на земле! С наблюдателем Базельского собора! С членом апостольской, римской и галликанской Церкви! На колени, Жоакен, герцог д'Ож! Моли о прощении, иначе я отлучу и прокляну тебя, и тогда уж не мечтай ни о каких свадьбах, причастиях и прочая и прочая! На колени, Жоакен, герцог д'Ож!

— И он же еще сердится! — ворчит герцог, намазывая свежее масло на свой ожог. — Я так и

знал, что он бунтовщик, эти попы всем хотят заправлять самолично.

— На колени, Жоакен, герцог д'Ож! — продолжает голосить аббат Биротон. — Моли о прощении за свою непочтительность к святой матери Церкви! На колени, говорю я, и поживее! Я уже вижу, как вокруг тебя пляшут чертенята, кои только и ждут подходящего момента, чтобы утащить твою душу в ад.

— Да у него еще вдобавок и глюки начались.

— И помни: никакого причастия, никакой свадьбы, ничего более!

Пожав плечами, герцог вздыхает и опускается на колени.

— Извиняюсь, — бурчит он.

— Нет, не слышу раскаяния в голосе! — отрезает капеллан. — А ну-ка, побольше пыла… побольше веры…

Герцог решает вложить в свои слова елико возможно больше сокрушения.

— Я молю о прощении мою святую мать Церковь и не менее святого отца аббата Онезифора Биротона.

Наконец ему даруют прощение.

— Понимаешь, — объяснял позже герцог Пострадалю, — не хотелось мне рисковать и идти в

ад из-за капелланова уха. Заметь, что в чертенят этих я ни капельки не верю. Да и верит ли в них он сам?! В общем, не могу же я ссориться со всеми подряд, — хочешь жить, умей вертеться. Ладно, забудем о неприятностях, поохочусь-ка я на крупную дичь, на тура или на зубра, например. Седлай лошадей и вели готовить свору… да прихвачу-ка я с собой кулеврину… правда, если я бабахну из нее в дичь прямой наводкой, от зверя мало что останется… мало что…

Когда Сидролен вновь открывает глаза, оранжевое солнце уже садится за многоэтажки предместья. Он встает, принимает немалый стакан укропной настойки, потом чистит свой самый шикарный костюм и облачается в него. Перед уходом он оглядывает изгородь, дабы убедиться, что она не осквернена ругательными надписями, потом запирает дверцу. И вот он уже шагает к остановке автобусов. Он выбирает тот, что идет в центр столичного города Парижа, а там пересаживается на другой и едет в квартал поскромнее — того же города. Закат еще не угас, но кафе и магазины уже засветились огнями, словно вокруг кромешная тьма; правда, нужно признать, что в этом квартале поскромнее всегда царит кромешная тьма — с утра и до ночи.

Сидролен поглядывает во все стороны, заходит во все кафе, словно ищет кого-то или просто подбирает себе местечко и столик по вкусу. Побродив эдак по улице, он наконец входит в «Хмель-бар» — бар, старающийся выглядеть так же, как все соседние бары. Сидролен садится. Клиентов, кроме него, только двое; стоя у стойки, они беседуют о бегах. За стойкой хозяин в полном бездействии слушает рассуждения о шансах на выигрыш; его голову украшает квадратная полукруглая овальная каскетка из сукна в белый горошек. На черном фоне. Горошки отличаются эллипсоидной формой, в длину каждый из них имеет (по большой оси) пять миллиметров, в ширину (по малой оси) — четыре, иначе говоря, площадь поверхности одного горошка равняется примерно шестидесяти трем квадратным миллиметрам или чуть поменьше. Козырек сделан из той же ткани, но зато горошки на нем явно меньшего размера и почти круглые, следовательно, площадь их поверхности не превышает тридцати двух квадратных миллиметров. На третьем горошке слева, ближе к краю — если стоять лицом к владельцу каскетки, — имеется пятно. Это пятно от укропной настойки. Оно невелико, но, несмотря на скромные размеры, сохраняет

цвет, изначально присущий данной субстанции, иными словами, слегка смахивающий на цвет мочи, — нечто среднее между ультрафиолетовым и инфракрасным. Внимательно вглядевшись в соседний горошек — второй, опять же, если стоять лицом к владельцу каскетки и считать слева, но уже ближе к краю козырька, — можно различить еще одно крошечное пятнышко, обязанное своим происхождением попавшей на него капельке все той же укропной настойки, но его размеры таковы, что вполне можно принять это за разлохмаченный конец нитки окружающего горошек драпа, которая выцвела и пожелтела под воздействием неонового света, кое-как пробивающегося из трубоподобной трубки; и в самом деле, устройство это функционирует с перебоями: иногда даже кажется, что оно подает сигналы на той самой азбуке, изобретенной знаменитым американским художником, который родился в Чарльстоуне (штат Массачусетс) в 1791 году и умер в Пугкипси в 1872 году. По некоему странному совпадению, как раз над головой Сидролена висит репродукция, на которой изображен умирающий Геракл кисти Сэмюэла-Финли-Бриза Морзе, каковое произведение было удостоено в 1813 году золотой медали Общества изящных

искусств Адельфи.

Поскольку репродукция подвешена как раз над головой Сидролена, он не может видеть ее непосредственно, хотя она и отражается в огромном зеркале, занимающем всю противоположную стену; не может он видеть ее и опосредствованно, ибо один из посетителей необычайно высок ростом и полностью заслоняет собой умирающего Геракла кисти Сэмюэла-Финли-Бриза Морзе. Второй посетитель значительно ниже своего собеседника, его рост не превышает метра сорока трех сантиметров; он время от времени поглядывает на эту репродукцию, имея возможность прямого обзора, поскольку стоит, прислонясь к стойке, почти спиной к хозяину, который внезапно замечает присутствие нового клиента и, не двинувшись с места, даже рукой не помахав и, еще менее того, не приподняв каскетку, издалека спрашивает у Сидролена, чего ему охота выпить. Вопрос этот отнюдь не застает Сидролена врасплох: он ожидал его с минуты на минуту и готовился ответить; таким образом, ответ его не заставляет себя ждать. Он представляет собою последовательность слов, образующих грамматически безупречно построенную фразу, чей смысл не вызывает никаких затруднений в восприя-

тии оной даже у хозяина бистро, — восприятии таком затрудненном, каким только может быть восприятие того, кто держит бар под названием «Хмель-бар». Хозяин еще с минутку прислушивается к соображениям двух клиентов по поводу бегов, а затем приносит Сидролену требуемый напиток, а именно: укропную настойку, правда, слегка тепловатую, с малой толикой минералки. Сидролен изображает на лице широкую улыбку, призванную продемонстрировать его сердечную, бесконечную и вечную благодарность за такое внимание и точность исполнения, но человек в каскетке черного сукна в белый горошек, сохраняя все ту же невозмутимость, величественно удаляется к себе за стойку.

Проходит несколько минут, в течение которых двое клиентов пытаются разрешить загадочные тайны бегов, назначенных на следующее воскресенье; один из них очень высокого роста, второй стоит вполоборота, опираясь на стойку, что позволяет ему время от времени бросать взгляд на репродукцию произведения Сэмюэла-Финли-Бриза Морзе. Также время от времени он поглядывает и на человека, что сидит за столиком и вроде бы смакует свою укропную настойку. Человек, видимо, не вызывает у него особого интереса, ибо

взгляд второго клиента задерживается на этой личности без особых примет не более чем на три-четыре секунды. Клиенту явно больше нравится умирающий Геракл кисти Сэмюэла-Финли-Бриза Морзе. Когда его собеседник заявляет, что исчерпал все возможные комбинации и варианты, он ловко поворачивается вокруг своей оси, вынимает мелочь из кармана и платит за два стакана, которые еще стоят, будучи уже осушенными, на стойке. Затем он пожимает руку хозяину и выходит в сопровождении своего товарища, человека очень высокого роста. Дверь за ними закрывается.

Человек в каскетке протирает стаканы. Он не заговаривает с Сидроленом.

И Сидролен не заговаривает с ним.

Вот тут-то и входит Альбер.

VIII

При виде Сидролена Альбер воздерживается от всяких чрезмерных проявлений удивления, узнавания или радости. Он спокойно усаживается, пожимает Сидролену лапу и спрашивает у хозяина бокал шампанского. Наполнив бокал, человек в каскетке черного сукна в белый горошек скрывается у себя за стойкой, где ему удается стать совсем уж незаметным.

Альбер и Сидролен беседуют вполголоса.

— Ну как, дела идут? — спрашивает Альбер.

— Вроде бы.

— Привыкаешь к воле?

— Да ничего, свыкаюсь помаленьку.

— Все живешь на своей барже?

— Да.

— Там небось спокойно.

— Да вроде бы. Если не считать того, что с некоторых пор какой-то гад нашел себе развлечение: малюет всякие гадости на загородке вдоль бульвара. Вот я и занимаюсь тем, что замазываю их. На загородке, значит.

— Зря психуешь из-за такой малости. Надпи-

си, — подумаешь, велика важность! Просто один из литературных жанров.

— Конечно, но я все же предпочитаю их замазывать.

— Ну а что еще не ладится?

— В остальном порядок. Выдаю дочь замуж. Последнюю.

— Поздравляю. Небось доволен, а? Теперь они у тебя все пристроены.

— Признаюсь тебе, я и не думал, что ей это удастся.

— Вот видишь, никогда не надо отчаиваться.

— О, я и не отчаивался. Просто за нее переживал.

— Конечно, ясное дело.

— Вот так-то. Теперь останусь на своей барже совсем один.

— Надо бы заглянуть к тебе как-нибудь на днях, но, знаешь, при моих делах…

— Вот как раз об этом я и хотел с тобой потолковать.

— Странно, с чего это тебе вздумалось толковать о моих делах.

— Сейчас поймешь.

— Да уж хотелось бы!

— Так, значит, теперь я останусь на своей барже

совсем один. Придется самому стряпать, стирать белье, штопать носки, драить палубу, словом, заниматься такими делами, от которых меня воротит, поскольку дела эти в чистом виде бабьи. Понимаешь, куда я клоню?

— Хотелось бы поподробнее.

— Ты, случаем, не знаешь какую-нибудь молодую особу, ну, не первой, конечно, молодости, которая смогла бы заняться всем этим — кухней, бельем, носками, палубой? Заметь, я вовсе не собираюсь трахаться с ней, — нет, нет, она мне нужна только для таких вот дел, как я тебе уже сказал: сварганить чего пожрать, выгладить да починить шмотье, баржу содержать в полном ажуре. На флоте, сам знаешь, — чистота первое дело.

— А почему бы тебе не обратиться в бюро по найму?

— При той репутации, что мне приписали?!

— Ты думаешь, об этом еще кто-нибудь помнит? Да все уже быльем поросло.

— Видать, не поросло, коли нашелся гад, что пишет гадости на моей загородке.

— Да ну, выдумки.

— Какие же выдумки! Там ясно написано.

— Я бы тебе все же посоветовал бюро по най-

му.

— А я подумал: небось среди твоих знакомых девиц немало найдется таких, что предпочли бы мою баржу аргентинскому борделю или нефтяному гарему.

— Вот тут-то ты и промахнулся. Какое будущее ты можешь им предложить? Их же тошнит от одного только слова «работа», уж можешь мне поверить.

— Не скажи, не скажи! Я ведь ничего такого страшного не требую: только лишь надраить бак и ют, связать пуловер, поставить выварку на плиту да купить картошки в супермаркете, всего и делов-то! Думается мне, это будет приятнее, чем пропускать через себя целые кучи гаучо или ублажать занудливого шейха-многоженца.

— И опять же ты промахнулся. Из всех этих девчонок, что проходят через мои руки, я иногда оставляю некоторых здесь и подыскиваю им настоящую синекуру…

— Ну вот им и одна из них!

— …но они сами буквально в ногах у меня валяются, чтобы я отправил их куда подальше. Прямо колонизаторши какие-то!

— Да не колонизаторши они, а идиотки, эти твои бабы. Ты им сам мозги пудришь. Ну хоть

один-то разок постарайся, найди мне такую, которой ты скажешь правду, а именно: что моя баржа — «приют невинный и священный», и жить на ней в тысячу раз приятнее, чем заниматься стриптизом в какой-нибудь тропической дыре.

— Стоп, стоп! Я тропические дыры не снабжаю. Я поставляю контингент только в самые что ни на есть престижные кабаре.

— Ну а моя баржа — местечко престижнее некуда. Тут на днях заходил инспектор по судовым налогам, так он меня обнадежил, что очень скоро «Ковчег» перейдет в трехякорную категорию «А».

— Ну, поздравляю! — восхищенно говорит Альбер.

— Ты мне друг или не друг? — спрашивает Сидролен.

— Как ты можешь в этом сомневаться? — возмущается Альбер.

— Тогда подыщи то, что требуется.

— Трудновато будет.

— Да чего там! Пойдешь на авеню дю Мэн…

— Ты меня еще учить будешь!

— …высмотришь девицу, которая выходит из Авраншского поезда, и скажешь ей: «Мадемуазель, у меня есть на примете одна баржа — не баржа, а конфетка! — там надо будет слегка при-

бираться да кой-чего сварить, зато вы сможете целыми днями загорать на солнышке и глазеть на гребцов из спортклуба, — красивые парни! И это будет чистая правда, а ей не придется потеть на борту какого-нибудь либерийского сухогруза, что плывет к чертям на кулички.

— То, о чем ты меня просишь, как-то не вяжется с моими принципами.

— Что для тебя важнее: принципы или дружба?

— Ладно, ладно. Эй, где ты там, Онезифор?

Человек в каскетке черного сукна в белый горошек медленно осуществляет ротацию на тридцать семь градусов вокруг собственной оси.

— Дай-ка нам пузырек шампуня, — приказывает Альбер, — моего личного. Это, видишь ли, то самое, — разъясняет он Сидролену, — что пьют Ротшильды, Онассисы и прочие люди нашего круга.

Онезифор открывает крышку погреба и исчезает.

— Вот еще что, — говорит смущенно Альбер, — мы с тобой не затронули вопрос…

— Ну, ясно, тебе не придется раскошеливаться, — заверяет Сидролен, — я заплачу за импорт ровно столько, сколько ты получил бы за экс-

порт.

— Ладно, я тебе сделаю двадцатипроцентную скидку.

— Ты настоящий друг!

Они выпивают.

Онезифору также полагается бокал, и он тоже пьет, но молча, не вмешиваясь в обрывки завершающейся беседы.

— Постарайся, — просит Сидролен, — чтобы она была не слишком страшная и стервозная, эта девица.

— Постараюсь, — говорит Альбер. — Что касается мордашки, тут я толк знаю, а вот стервозинку — ее сразу и не просечешь.

— Ладно, надо топать, — говорит Сидролен.

— Мой шофер тебя отвезет, — предлагает Альбер.

— Нет, спасибо, — отвечает Сидролен. — Предпочитаю автобус.

— Грустные воспоминания, а?

Сидролен не отвечает. Он пожимает Альберу лапу, вежливо кивает человеку в каскетке черного сукна в белый горошек; едет на одном, потом на другом автобусе; добирается до своей баржи; открывает банку печеночного паштета и сооружает себе бутерброд. Затем он выпивает три с полови-

ной стаканчика укропной настойки, после чего ложится и засыпает. И тут же оказывается лицом к лицу с мамонтом, с самым настоящим.

Герцог хладнокровно созерцает зверя и говорит Пострадалю:

— Я собирался поохотиться на зубра или бизона, но не на эту зверюгу. Я думал, они давно уже повывелись в моих владениях. Артиллеристы! Живо, орудие к бою! Заряжай! Цель: мамонт.

Мамонт, набрав в грудь воздуха, мелкой рысцой поспешает к нападающим.

— Спасайся кто может! — ржет Сфен, до того мирно пощипывавший мох у подножия дерева.

— Ишь ты, раскомандовался! — снисходительно замечает герцог.

— Спасайся кто может! — лепечет Пострадаль.

— И ты, Брут, туда же!..

Герцог д'Ож собирается пнуть пажа, но тот уже удрал, равно как артиллеристы, свора и лошади. Это паническое бегство отнюдь не пугает герцога; он расчехляет свое собственное орудие и наводит его на зверя, но тому в высшей степени наплевать на боевою соратника Жанны д'Арк и Жиля де Рэ. Мощным ударом ноги он вбивает кулеврину в землю и во весь опор мчится дальше, в ромамонтической надежде стереть в порошок

всю ту мелкую нечисть, что встала на его пути; однако он опоздал: гончие уже попрятались на псарне, лошади — в конюшнях, а артиллеристы успели добежать до подъемного моста. Один лишь герцог д'Ож остался на месте происшествия — целый, невредимый, слегка озадаченный, но неизменно величественный. Он с грустью взглянул на орудие, сплющенное в лепешку: это надо же — лишиться сразу двух кулеврин в один и тот же день! — дорогонько ему обойдется современная техника! Зачехлив свое собственное орудие, он решил прояснить для себя, хоть самую малость, историческую обстановку.

На данный момент обстановка эта была лесной и безлюдной. Деревья росли в тишине, животное царство ограничивало свою жизнедеятельность безмолвными и темными делами. Герцог д'Ож, обычно уделявший созерцанию природы минимум личного времени, решил отыскать более населенные края; для этого он счел самым разумным вновь пойти по дороге, которая привела его сюда и, стало быть, естественно, должна была вернуть его к замку с д'ожноном.

Без всяких колебаний он определяет тропинку, которая кажется ему самой подходящей, и бодрым шагом идет по ней примерно с час. По-

сле чего замечает, что тропинка эта какая-то хайд'егерская[46]. Весьма озадаченный, герцог разворачивается на сто восемьдесят градусов и бодрым шагом идет обратно примерно с час, в надежде отыскать лужайку с растоптанной кулевриной, забитой по самое горло перегноем и палой листвой. И он действительно выходит на лужайку, но не обнаруживает там никаких следов своего мини-орудия. Тщательно проанализировав исходные данные, герцог заключает, что: одно из двух — либо это не та лужайка, либо *scirus communis* и *fineola biselliella*[47] сожрали его кулеврину. Согласно тому, что проповедовал несколькими пятилетками раньше Буридан, подобная дилемма могла привести только к голоду, а герцог д'Ож смерть как боялся скудных трапез и, еще более того, трапез вовсе не существующих. Прибегнув к вероятностному методу, он избрал направление сколь случайное, столь же и спорное и проблуждал так до наступления сумерек.

— Теперь мне ясно, — заявил герцог — вслух, чтобы составить самому себе компанию, — что

---

[46] Примечания: 46

Намек на теорию немецкого философа Хайдеггера о бренности человеческого существования.

[47] Примечания: 47

Белки и лисы обыкновенные *(лат.)*.

следовало бы бросать на всем пути следования камешки, но, во-первых, у меня их под рукой не случилось, а, во-вторых, что толку от них было бы сейчас, когда наступает ночь, да притом темная ночь.

И верно, наступала ночь, да притом темная ночь. Герцог упрямо шагал вперед, но то и дело плюхался в ямы или расквашивал себе нос, натыкаясь на столетние дубы, испуская яростные вопли и бранясь самыми черными словами, без всякого почтения к ночной красоте окружающей природы. Он уже начал выдыхаться, да-да, всерьез выдыхаться, как вдруг завидел огонек, блеснувший на черном бархате тьмы.

— Сейчас поглядим, что там такое, — сказал герцог — вслух, чтобы составить самому себе компанию. — Может, это всего-навсего крупногабаритный светляк, но я так голоден, что охотно закусил бы даже светляком.

Нет, то был не светляк, то была хижина.

— По-моему, я пока нахожусь в пределах моих владений, — прошептал приободрившийся герцог, — и тот, кто живет в этой развалюхе, должен быть моим подданным. Наверное, дровосек. Будь со мною Сфен, он бы сказал мне его имя, ему знакома вся округа, но он, паразит, сбежал, а я брожу

один по лесу, как бедный мальчик-с-пальчик, — вот что значит ходить на пушечную охоту без съестных припасов, портулана и списка своих подданных!

Он пытается открыть дверь (разве он не у себя дома?!), но та не поддается, — заперта. Тогда герцог колотит в нее рукояткой меча, колотит крепко и одновременно представляется:

— Отворяй, мужик, я твой герцог!

Он ждет, но, поскольку в окружающей обстановке не намечается никаких изменений, повторяет:

— Отворяй, мужик, я твой герцог!

И так много-много раз. Результат по-прежнему нулевой.

Поразмыслив, герцог формулирует свою мысль — вслух для самого себя:

— Он, верно, боится, этот бедняга. Небось принимает меня за какого-нибудь лесного духа. Где ж ему взять храбрости, — он ведь слишком худороден, — но, может, он уступит из жалости. Попробуем-ка такую уловку…

И он кричит жалобным голосом:

— Я голоден!

Тотчас же дверь отворяется *как по волшебству*, и герцог видит пред собою *чудное видение.*

Указанное видение представляет собой юную невинную девицу, неописуемо грязную, но, с точки зрения эстетики, неописуемо прекрасную.

У герцога просто *в зобу дыханье сперло.*

— Ах, бедный мой господин, — говорит юная особа *ужасно мелодичным голосом,* — входите, присаживайтесь у очага и разделите со мною эту *скромную похлебку* из каштанов и желудей.

— И это все, что у вас есть на ужин?

— Увы, все, мессир. Мой папа ушел в город, чтобы купить несколько унций копченой трески, но он еще не вернулся, а значит, теперь не вернется до утра.

Слова эти приводят герцога в приятное расположение духа, что, в общем-то, странно: ему вовсе не нужна целая ночь, чтобы расправиться с миской скромной не скоромной похлебки, особенно если похлебку эту ему придется делить с *милой крошкой,* которая теперь глядит на него с *боязливой робостью весьма хорошего тона.* Герцог внимательно разглядывает ее.

— Ишь какая вы смазливенькая, — говорит он.

Девица делает вид, будто *не понимает комплимента.*

— Садитесь, садитесь же, мессир. Хотите, я добавлю перца в похлебку? У меня есть один

пакетик, — крестная подарила мне его на прошлое Рождество. Он привезен из Малабара, этот перец, и он не поддельный, а самый что ни на есть настоящий.

— Ну что ж, — говорит герцог, зардевшись, — я не откажусь. Несколько зернышек…

— Весь пакет, мессир! Весь пакет! Это вас подкрепит.

— А что, разве у меня такой уж жалкий вид?

— Ваша милость, конечно, бодрится, но ей, верно, довелось пережить большие волнения.

— Еще бы, черт возьми!.. Лишиться пушки просто так, за здорово живешь!..

— Пушки? О, так у вас есть пушки?

— И даже несколько штук, — гордо заявляет герцог.

Девушка подпрыгивает от радости и хлопает в ладоши.

— О! У вас есть пушки! Я обожаю пушки! Это хоть по крайней мере современно!

И она принимается вприпрыжку кружить по комнате, напевая: «Отпляшем Карманьолу и хором все споем; отпляшем Карманьолу под пушек гром»[48].

---

[48] Примечания: 48

Карманьола — народная песня-пляска времен Великой французской революции.

— Она просто очаровательна, эта крошка, — бормочет герцог д'Ож, — однако ее куплеты мне ровно ничего не говорят.

И он спрашивает у девушки:

— Кто научил тебя этой песенке, моя милая?

— Папа.

— А чем занимается твой папа?

— Он дроворуб, черт возьми.

— А чей он подданный?

— Высокородного и могущественного сеньора Жоакена, герцога д'Ож.

— Иными словами, мой. Прекрасно: я велю его повесить.

— А с какой стати вы хотите повесить моего папу, господин герцог?

— А с такой, что он учит тебя всяким мерзостям.

— Как?! Разве вам не нравится гром пушек? А я-то спела это, чтобы доставить вам удовольствие!

— Мне эта громаньола не нравится.

— Фу, как вы неучтивы! Я вас впустила в дом, а вы хотите повесить моего папу. А как же быть с законом гостеприёмства?

— Я здесь у себя дома, моя крошка, ибо все это принадлежит мне: и лес, и дроворуб, и хижина, и ты, девушка.

— Ишь, какой вы шустрый, господин герцог. Если вы и вправду решили повесить моего папу, я сейчас выплесну котелок в огонь.

— Ради всего святого, не делай этого!

— Тогда обещайте мне, что не причините папе никакого зла.

— Обещаю, обещаю!

— Нет, я вам не верю. Вы ведь известный обманщик. Сперва вы съедите мои желуди, каштаны и перец, а потом возьмете да поступите по-своему.

— Нет, нет! Я уже обещал, и кончим этот разговор. Давай-ка неси сюда эту чудесную перченую похлебку, ты меня совсем заморила!

— Это вы сейчас такой сговорчивый, оттого что голодны. А потом…

— Ну чем иным я могу тебя убедить?

— Можно было бы, конечно, взять с вас расписку, но и она стоит не дороже вашего слова.

— Ишь ты, расписка! Скажите пожалуйста! А может, у тебя здесь и пергамент припасен, и перо с чернилами? Ну, умора, ей-богу!

— Ах, как это жестоко — насмехаться над нашей темнотой, господин герцог!

— Но не над твоей же стряпней! А ну-ка, ну-ка, неси сюда эту ароматную перцовую похлебочку. Ну же, неси скорей! Цып-цып-цып!

И герцог, внезапно вскочив на ноги, кидается к очагу с риском обжечь пальцы, но девушка не спускает глаз со своего господина. Он уже готовится схватить котелок, как вдруг — бух! — каштаны, желуди и перец опрокидываются в огонь. Где мгновенно превращаются в уголья.

— Опять фиаско! — шепчет герцог, у которого даже нет сил отлупить дочку дровосека.

Понурясь, он садится обратно на скамейку и начинает причитать:

— Ох, как я голоден! Ох, как я голоден! Ох, как я есть хочу!

И он бранит девушку:

— Что ж ты натворила, дурочка! Во-первых, еду выбрасывать грешно, во-вторых, я теперь не связан никакими обещаниями, а, в-третьих, ты нарушила закон гостеприёмства, да-да, какое уж это гостеприёмство!

И он глядит вокруг:

— Неужели здесь больше нечего съесть?

И взгляд его вдруг застывает.

— Конечно, здесь имеется эта юная особа. Мой друг и боевой соратник Жиль де Рэ не колебался бы ни минуты, но я — я и так уже достаточно скомпрометирован. Народ меня не поймет. Да и будущим зятьям это может не понравиться. А

потом… без перца…

И он погружается в мрачное раздумье, переходящее в дремоту. Земля уходит у него из-под ног, хижина словно уплывает куда-то, герцога покачивает, тянет улечься в шезлонг на палубе, но тут девушка будит его:

— Монсеньор герцог! Монсеньор герцог!

— А?.. Кто?.. Где?..

— Что, если нам поиграть в одну игру в ожидании рассвета и прихода папы?

— В какую игру?

— В игру.

— В какую выгру?

— На папину жизнь.

— Прекрасная мысль! — вскричал повеселевший герцог.

И они проиграли до самого рассвета.

IX

С тех пор как Сидролен отсидел полтора года в тюрьме, он ни разу не заходил в один из тех изысканных ресторанов, которые некогда посещал. Он боялся, что его там узнают. Временами он покупал «Неделю гурмана» — бюллетень, публиковавший список лучших ресторанов города; встречались там такие, о которых Сидролен и не слыхивал; он охотно посетил бы тот или иной из них, но все никак не мог решиться.

Поскольку пауза между Ламелией, ставшей отныне мадам Кастрюльон, и протеже Альбера, которую ему только предстояло увидеть, а тому — найти, затягивалась, как он и предвидел, и затягивалась на весьма неопределенный срок, Сидролен счел разумным воспользоваться данным обстоятельством и провести эксперимент с одним доселе ему неизвестным, особо рекомендуемым «Неделей гурмана» рестораном-люкс: он решил наконец устроить себе пир.

Не успел он войти в этот гастрономический вертеп, как его вопросили о намерениях, которые, между прочим, и так нетрудно было угадать.

Скромно и вполне объективно ответив, что он пришел сюда пообедать, Сидролен услышал следующий вопрос: заказал ли он себе столик. Поскольку ничего такого он не заказал, ему было объявлено, что свободных мест нет. Ничего не оставалось, как ретироваться, что он и сделал, разглядывая по пути выставленные напоказ закуски и десерты весьма аппетитного вида.

— Опять фиаско! — прошептал Сидролен, очутившись на улице.

Он стоял в раздумье, спрашивая себя, не поэкспериментировать ли ему где-нибудь в другом месте, как вдруг увидел своих дочерей и зятьев, выходящих из двух уаттомобилей. Молодежь была в полном комплекте: присутствовал даже гортранспортист по фамилии Кастрюльон. Пока Йолант и Люсет припарковывали свои машины неведомо где, все остальные уверенной поступью вошли в ресторан-люкс.

— Хорошо устроились, — вполголоса заметил Сидролен, — справляют свадьбу без меня.

— Что вы сказали? — спросил прохожий. Сидролен взглянул на него: нет, это был другой. Или тот же, но совершенно неузнаваемый.

— Ничего, — ответил он. — Я разговаривал сам с собой. Такая, знаете ли, привычка вырабатыва-

ется, когда долго живешь один.

— Вам следовало бы с ней расстаться, — сказал прохожий, — а то окружающие думают, будто вы их о чем-то спрашиваете, и с удовольствием готовятся ответить, и вот тут-то оказывается, что вам ничего не надо, — поневоле чувствуешь себя уязвленным.

— Прошу меня извинить. Весьма сожалею о случившемся.

— Так что вы говорили-то?

— Что я говорил? Да, в самом деле, что же я говорил?

Он сделал вид, будто вспоминает, и даже старательно сдвинул брови, как оно и принято в подобных случаях. Потом ответил так:

— Я говорил: они справляют свадьбу без меня.

— И что же вы под этим разумеете?

— Ну, я признаю, что фраза моя двусмысленна, и я действительно вложил в нее два смысла: первый — пожрать как следует, и второй — справлять свадьбу, но я не собираюсь пудрить вам мозги своими делами.

— Ну почему бы и нет? — спросил прохожий с поощрительной улыбкой.

— Потому что не собираюсь, и все тут, — ответил Сидролен.

— В таком случае, — сказал тот, ничуть не обидевшись, — не стану отнимать у вас время.

— Всех благ!

Освободившись от собеседника, Сидролен попал на глаза своим зятьям, которые успели припарковать уаттомобили, но не успели сделать вид, будто не заметили тестя. Они поздоровались с ним — приветливо, но несколько свысока.

— Ай-яй-яй! — сказал Йолант, — на кого же вы бросили свою баржу?

— Ну так ведь погодка-то какова! — сказал Люсет, — только и гулять!

— А вы оба, — спросил Сидролен, — гуляете, значит?

— Ну… да, гуляем. Проходили, знаете ли, мимо.

— Ну и проходите. Пока, до скорого!

Сидролен стоит как вкопанный. Оба зятя делают несколько шагов. Потом оборачиваются и прощально машут ему.

Сидролен машет в ответ, но с места не трогается.

— Что будем делать? — спрашивает Люсет. — Пойдем обратно или как?

— Если он видал, как наши входили в ресторан, — говорит Йолант, — то мы влипли.

— Не упускать же из-за него такой классный

закусон!

— Глянь-ка, он еще стоит там?

— Как столб.

— Наверняка видал, как наши входили, и теперь потешается над нами.

— Да уж, влипли так влипли! Надо что-то придумать.

— Давай пригласим его.

— Нет, он обидится.

— Но ведь должны же мы пообедать.

— Еще бы! Тем более, здесь вон как шикарно. Видал: ресторан-люкс. Звездочек пять, не меньше. Вот нажремся-то!

— Ну так налево кругом?

— Давай. И разъясни ему ситуацию.

— Конечно, вечно на меня все валят!

Сидролен бесстрастно глядит, как они возвращаются. Первым заговаривает Йолант:

— Очень кстати повстречались. У Ламелии ведь свадьбы не было, так вот мы решили хорошенько пообедать в честь ее бракосочетания. Раз уж и вы тут оказались, то, по справедливости, вам надо бы составить нам компанию.

— А кто платит?

— Каждый за себя.

— Гляди-ка, а вы, оказывается, богачи. Не в

какую-нибудь забегаловку пошли. И гортранспортист может себе такое позволить?

— Его предупредили. Все-таки люди не каждый день женятся.

— Но они же не сегодня поженились, а неделю назад, верно?

— Для доброго дела никогда не поздно.

— И все-таки странная затея. Очень даже странная.

— Так вы идете или нет? — спрашивает нетерпеливо Люсет. — Нас ждут.

— Вас, но не меня. Меня-то никто не ждет.

— Да ладно вам дуться!

— А потом, я и столик себе не заказал, — говорит Сидролен.

— Зато мы заказали.

— Нет, — говорит Сидролен. — Я там только что был, для меня места не нашлось.

— А разве вы собирались тут пообедать?

— Почему бы и нет? — говорит Сидролен.

Оба зятя замолкают.

— Хотел как следует ублажить себя, — говорит Сидролен. — Ладно, до другого раза.

Он садится в автобус; на углу, у набережной, покупает хлеб, — все другие лавочки уже закрыты. Впрочем, на барже еще остались кое-какие

консервы. Загородка опять осквернена ругательными надписями. Сидролен кладет хлеб и отправляется за банкой краски. Он тщательно закрашивает надписи на загородке. Ему хочется есть, но он усердно работает. Праздные кочевники останавливаются, чтобы поглазеть, как он трудится. Они молча созерцают Сидролена. Но его это не смущает. Он давно привык и к перекрашиванию, и к кочевникам. Он не вступает с ними в разговоры. И, в нарушение широко распространенного обычая, не поет и не насвистывает. Когда он заканчивает, кочевники удаляются.

Сидролен водворяет на место банку с краской, затем наливает себе стаканчик укропной настойки.

— Я слишком много пью, — шепчет он. — И Ламелии уже нет, и удержать меня некому.

Он идет на камбуз поглядеть, что там осталось из консервов. Если не слишком роскошествовать, на пару недель запасов должно хватить. Сидролен не знает, подыщет ли ему кого-нибудь Альбер за эти две недели. Если нет, придется Сидролену самому заботиться о своем пропитании; на горизонте вырисовывается мрачный призрак цинги. А пока он выбирает банку тунцового филе в арахисовом рафинированном масле. К банке

приложен ключ для интеллигентного вскрытия, и Сидролену нет нужды прибегать к помощи молотка или стамески, как он привык. Потом он разрезает батон по горизонтали, раскладывает содержимое банки на обеих половинках и старательно совмещает их, дабы восстановить первоначальную форму батона, с той лишь разницей, что теперь из надреза сочится масло. Когда все это съедено, Сидролен шепчет:

— Не так уж плохо. Только не надо увлекаться, а то цинги не миновать.

Он вытирает рот и руки тряпкой множественного назначения и поднимается наверх поглядеть, как там его загородка. Новые надписи пока отсутствуют, зато какой-то болван, облокотившись на нее, вляпался пиджаком в свежую краску. Он окликает Сидролена:

— Эй, вы там, это ваша баржа? Это ваша загородка? Вы что, не могли написать «Осторожно, окрашено»? Хоть это-то можно было сделать?! Мой пиджак теперь только и годится что для перекраски. А кто мне оплатит счет, вы, что ли?

— Ну разумеется, я, — отвечает Сидролен. — Сколько я вам должен?

— И вы еще вдобавок насмехаетесь! Ну и народ пошел!

— Заметьте, — говорит Сидролен, — что вы смазали краску, которую я только что наложил. Мне придется все начинать сначала, а у меня и других дел полно.

— Например?

— Например, сиеста.

Потенциальный клиент одной из многочисленных красилен города задумчиво глядит на Сидролена. Потом он удаляется.

Сидролен идет за банкой с краской и исправляет повреждения, затем он изготавливает табличку «Осторожно, окрашено!» и заботливо прилаживает ее на видное место.

После чего располагается, наконец, в своем шезлонге. И шепчет:

— Эх, забыл сказать Альберу, чтоб не присылал мне несовершеннолетних!

Он закрывает глаза. И добавляет шепотом:

— Интересно, какая она будет из себя.

— Скоро мы это увидим, — говорит сир де Сри своим шуринам — графу де Коси и видаму де Плакси.

— Какая разница! — отвечает граф де Коси. — Пускай женится хоть на кобыле, это его личное дело, интересно другое: какое возмещение убытков он нам предложит.

— Если предложит, — говорит сир де Сри.

— Да, интересно поглядеть, — говорит де Плакси, поглаживая усики.

Пострадаль проводит их в столовую и предлагает слегка подкрепиться. Сир де Сри оценивающим взглядом обводит мебель.

— Так-так, — говорит он, — чистейший Людовик XIII.

— Господин герцог — модернист, — объясняет паж, который и сам теперь модернизировался в виконта де Прикармань.

Подают паштет из кабана и прочие легкие утренние яства; в бокалы венецианского стекла наливают укропную настойку.

— Да тут денег куры не клюют! — шепчет сир де Сри и добавляет, обращаясь к видаму, который ест руками: «Пользуйтесь же вилкой, черт возьми!»

Ибо на столе лежат вилки, да притом серебряные.

— Никак не привыкну к ним! — отвечает де Плакси. — Во-первых, я считаю, что эти приборы негигиеничны. Кто мне скажет, где они до этого валялись, а вот про собственные пальцы всегда знаешь, куда ты их совал.

— Нужно идти в ногу со временем, — говорит

де Коси, неловко орудуя одной из вилок.

— Господа, — говорит де Сри, — если вы поедете ко Двору…

— Но мы туда не собираемся, — говорит де Плакси.

— Кто знает, — говорит де Сри.

В ожидании герцога они продолжают лакомиться кабаньим паштетом и прочими легкими утренними яствами, попутно осушая многочисленные кубки с вином кларетом.

— Скажите-ка мне, Прикарман, — внезапно спрашивает де Плакси плаксивым голосом, — герцог подумал о нас?

— Н-не знаю, — отвечает осторожно Прикарман, — но мне кажется, вас ждут хорошие новости.

— Я прямо сгораю от нетерпения, — говорит де Коси.

— Я слышу шаги, — говорит де Сри.

Он услышал их, несмотря на шум жевания и начинающегося или уже завершенного пищеварения. И верно, появляется герцог в сопровождении аббата Биротона, дворецкого и нескольких лакеев.

— Приветик, господа! — возглашает герцог. — Как вы находите мою бородку? Я велел доставить

цирюльника из города, чтобы он привел меня в божеский вид.

Зятья ахают от восторга: бородка великолепна!

Герцог тычет пальцем в Онезифора.

— Глядите на него, глядите хорошенько! — говорит он. — Теперь он у нас епископ *in partibus*[49] в Сарселлополисе[50].

Зятья ахают от восторга и кидаются целовать епископов перстень, но целовать пока нечего: епископ Сарселлополисейский таковым еще не обзавелся.

— А теперь взгляните на меня, — продолжает герцог. — Перед вами человек, получивший от Ее Величества триста тысяч ливров на свадьбу.

Зятья ахают от восторга и кричат: «Да здравствует королева! Да здравствует маршал д'Анкр!»[51] — Герцог сияет от счастья. Он потирает руки. Мимоходом он хватает паштет и начинает заглатывать его, не прибегая к помощи вилки.

— А как же мы? — спрашивает тогда граф де

---

[49] Примечания: 49

Здесь: почетный, т. е. заочный *(лат.).*

[50] Примечания: 50

Сарселлсполис, или Сарсель — ныне один из пригородов Парижа.

[51] Примечания: 51

Имеются в виду королева Мария Медичи и ее фаворит итальянский авантюрист Кончино Кончини.

Коси.

— Да, как же мы? — вторит ему видам де Плакси.

— А как же я? — интересуется сир де Сри.

Герцог продолжает смеяться, одновременно заглатывая паштет. Смех весьма опасен во время еды: герцог давится, и в него приходится вливать кубок за кубком.

— Интересно, что он решит? — шепчет де Сри на ухо де Плакси.

— А что, если он ничего не получил на нашу долю? — плаксиво бормочет де Плакси. — Денег нет — хоть плачь!

— Я изнемогаю, изнемогаю, изнемогаю! — вздыхает де Коси.

Голод и жажда герцога слегка улеглись, а кашель погашен укропной настойкой. Он принимает серьезный вид и явно собирается заговорить о делах, объявив добрые новости, на которые намекал виконт де Прикарманъ. Как вдруг, к величайшему отчаянию зятьев, ему приходит в голову совершенно новая мысль.

— А где мои дочери? — осведомляется он.

Ну разумеется, они на дамской половине.

— Пускай придут сюда! — приказывает герцог. — Я не собираюсь произносить мою речь

дважды.

Зятья совсем извелись от нетерпения и в ярости едва не намочили штаны, но делать нечего, приходится терпеть. Герцог велит принести другие лакомства: блинчики с молодой кабанятиной, суфле с печенью трески, поросячьи ножки в сухарях. Он требует, чтобы гости не увлекались укропной настойкой, а наливали себе ипокраса[52] и хмельного меда. Он учтиво расспрашивает зятьев — каждого по очереди, — как они доехали, и те отвечают ему со скрежетом зубовным. Но, поскольку их ответы не интересуют герцога, он поворачивается к аббату Биротону и напоминает ему, что сам заплатит за его аметистовый перстень, хотя Онезифор получил вполне достаточно на свои епископские расходы. Наконец он осведомляется о местонахождении Сарселлополиса. Издевательский интерес герцога ясно показывает зятьям, что он напрочь забыл о них, и это не предвещает ничего хорошего. Монсеньор Биротон понятия не имеет, где находится его епископство, да и иметь не желает, поскольку не намерен туда ехать; итак, монсеньор Биротон начинает ответ с благочестивого вранья, сообщая

[52] Примечания: 52
Ипокрас — красное столовое вино с пряностями.

герцогу, что Сарселлополис находится далеко — на Ближнем Востоке.

— Стало быть, он в руках у турок?

— Вы сказали, мессир.

Герцог мечтательно задумывается.

— А что, если организовать крестовый блиц-походишко и отбить у них твое епископство?

Зятья в ужасе: им уже представляется, как папина казна ухнула в Дарданеллы.

Но благоразумный Онезифор увещевает герцога:

— Весьма благое намерение, мессир, весьма благое, но Богу угодно, чтобы мое епископство было in partibus, да будет же на то воля Его.

— Ты и вправду не хочешь? Гляди, другого такого случая не представится.

— Нижайше вас благодарю, мессир, нижайше благодарю.

Зятья даже вспотели от переживаний. Теперь они переводят дух. Сир де Сри решается сострить:

— Вы настоящий донкихот, — говорит он герцогу с тонкой улыбкой.

— Чего-чего? Какой еще ход?

— Я говорю: Дон Кихот. О, это бестселлер 1614 года. Я прочел его в переводе Сезара Удена.

Герцог глядит на сира де Сри с состраданием.

— Вот умтвенность-то до чего доводит, — бормочет он.

Но тот не слышит, ибо все заглушает женское кудахтанье. Впрочем, войдя в залу, женщины умолкают и почтительно склоняются перед папой. Когда присутствующие рассаживаются, герцог д'Ож перечисляет все наместничества, бенефиции и привилегии, которых по договору в Сент-Мену он добился для своих зятьев, а, следовательно, и для дочерей.

— Бе-е-е! — блеет Флица, выражая таким образом общее удовлетворение.

Итак, зятья восприняли без неудовольствия новость о том, что их тесть женится вторым браком на девице Руссуле Пеке, дочери виллана и дроворуба.

Сидролен вздрогнул и проснулся: ему почудилось, будто звонят в дверь, выходящую на набережную. Он встал и выглянул наружу: никого. Уже давно стемнело. Сидролен вгляделся в загородку — нет ли там новых надписей, но ничего не увидел. Тогда он спустился вниз, оделся как можно приличнее, запер все двери на барже и направился к бистро на углу набережной и перпендикулярной к ней улицы.

Здесь еще сидели несколько парочек, чересчур увлекшихся поцелуями типа «засос», гортранспортисты поедали сандвичи и осушали пивные кружки, обсуждая мелкие дневные происшествия по службе. Сидролен заказал укропной настойки с минералкой, приобрел телефонный жетон и перелистал справочник. Прождав семнадцать минут, пока парочка, забравшаяся в кабину, завершит «засос» и соблаговолит выйти, Сидролен связался по телефону с тем же самым рестораном-люкс, из которого его выставили нынче днем.

— Я бы хотел заказать столик на сегодняшний вечер.

— На сколько персон?

— На одну. На одну персону.

Сидролен сразу почувствовал, как трубка охладела у него в руке: вероятно, на другом конце провода им были недовольны. Не следовало говорить так прямо.

— Но я ем за четверых! — поторопился он добавить.

Трубка вновь потеплела. У него спросили фамилию.

— Дроленси#. Месье Дроленси. Передаю по буквам: д'Ож, Рифент, Онезифор, Ламелия, Египет, настойка, остальное как слышите.

— Дюпон. Я правильно записал? Столик для месье Дюпона?

— Все верно.

Войдя в ресторан-люкс, он тотчас заметил, что напрасно потратил время на заказ: ресторан был пуст. Здесь обычно устраивались деловые обеды, а вот на ужин клиенты заглядывали куда реже. Тем не менее метрдотель высокомерно осведомился, заказан ли столик. Сидролен отвечал, что да, заказан. На чье имя?

— Дюпон. Месье Дюпон.

— Благоволите пройти сюда, месье Дроленси.

Сидролен приготовился к тому, что его усадят на сквозняке или рядом с сервировочным столом. Ничего подобного. Он увидел прекрасный просторный стол, щедро заставленный посудой и приборами. Сидролен был приятно поражен. Метрдотель протянул ему меню площадью примерно в сто шестьдесят квадратных сантиметров и спросил, не желает ли клиент аперитив. Поразмыслив, Сидролен склонился к укропной настойке.

— Какую марку предпочитает месье? — спросил подошедший сомелье.

— «Белую лошадь», — ответил Сидролен.

Затем он с видом знатока проглядел меню.

Метрдотель кончиком карандаша указывал фирменные и дежурные блюда. Когда Сидролен решил начать обед с крупнозернистой икры свежего посола, беседа их стала прямо-таки задушевной. И уж совсем сердечной сделалась она после того, как он заказал вслед за икрой кулебяку с лососиной, а за ней — жареного фазана с гарниром из перигорских трюфелей. По некотором размышлении Сидролен, весьма охочий до слоеных пирожков, пришел к мысли, что недурно было бы включить один такой — волован с «капустой» под названием «Радость финансиста» — в программу, между кулебякой и фазаном. А после сыра он полакомится суфле с двенадцатью ликерами.

Официант уже нес укропную настойку в бутылке, к которой была надежно приклеена этикетка «Белая лошадь»; обратно он ушел с заданием доставить к столу графин русской водки разлива 1905 года, бутылочку «Шабли» разлива 1925 года и «Шато д'Арсен» разлива 1955 года.

Пока все это заказывалось, метрдотель скромно держался в сторонке, дабы не мешать коллеге, но как только тот направился в погреб, он наклонился к Сидролену и в высшей степени любезно попросил у него допуск.

— Допуск? Какой еще допуск?

— Соцстраховочный допуск.

— Допуск к чему?

— Месье изволит шутить. Месье наверняка хорошо известно, что нам невозможно подать ему блюда больше чем на три тысячи калорий без специального допуска соцстраха, а ваш заказ тянет на все шесть тысяч.

Сидролен, конечно, видел цифры в меню против каждого блюда, но он счел, что это цены.

— Месье, разумеется, знает, какую роковую роль играют несварение желудка и энтериты в дефиците баланса Социального страхования. Пришлось срочно принимать меры, но, может быть, месье и не платит взносы в соцстрах? Хотя по виду месье очень похож на какого-нибудь генерального директора-администратора.

И метрдотель льстиво улыбнулся.

Сидролен, конечно, платил соцстраховские взносы — как бывший заключенный, но этот новый закон был ему абсолютно неведом. И он не представлял, каким образом может обойти его. Он лишь прошептал:

— Опять фиаско!

— О нет, месье, ни в коем случае! — жалостно вскричал метрдотель. — Никогда не спешите

бросать начатое дело. Вспомните пословицу: «топорище-то пора бросить раньше топора».

— После, — поправил Сидролен.

— После? Как после?!

И метрдотель растерянно заморгал.

— Положено говорить: топорище-то пора бросить после топора, — разъяснил Сидролен.

— Вы уверены?

— Абсолютно уверен.

— А вообще что оно значит, это выражение? И откуда взялось?

— Это стародавняя присказка, — сказал Сидролен.

— Но я ее не понимаю. Скажешь вот так иногда: топорище-то пора бросить после топора, а потом вдруг подумаешь: в чем тут смысл? — и не понимаешь. Ах, месье, как это ужасно — размышлять над такими вещами!

— Ну так и не размышляйте!

— Легко сказать! Мне же хочется понять, в чем смысл. Отчего «после»? Если выбрасывают топор, то и топорище вместе с ним. Вместе — но не после. Нет, я решительно не понимаю.

— Сейчас я вам объясню. Жил-был один дровосек…

Тут Сидролен смолк и погрузился в раздумье.

X

От расстройства Сфен изгрыз всю свою уздечку. Герцог настоятельно попросил его держать язык за зубами, ибо путешествовал с большой свитой и не желал, чтобы по поводу его коня ходили сплетни. Впрочем, он и сам грустил не меньше Сфена, ибо весьма ценил веселую его болтовню. Итак, Сфен трусил вперед, замкнувшись в мрачном молчании, хотя и не утратил при этом обычной выдержки.

Лишившись собеседника в морде Сфена, герцог болтал с виконтом де Плакси. Созыв Генеральных Штатов исполнил его ликования: прекрасный повод для того, чтобы прошвырнуться в столичный город Париж. Юная Руссула, новая супруга герцога, также не прочь была вкусить столичных радостей жизни и так энергично настаивала на этом, что герцогу пришлось задать ей хорошую взбучку.

— По-моему, вы пересолили, мессир, — сказал виконт.

— Какое твое-то дело, чичисбей несчастный! Ты что, втрескался в герцогиню?

— Боже меня упаси, мессир!

— Тогда, значит, ты не галантный кавалер. А я-то надеялся, что ты в нее втрескался, в герцогиню то есть.

— Да никоим образом, мессир.

— А ты случайно не лицемеришь?

— Клянусь, мессир…

— Ладно, ладно, но уж поверь мне, что если я и пересолил, то никак не больше ее отца. Ведь речь шла о моем авторитете. Не мог же я допустить, чтобы она сочла мою трепку менее суровой, чем лупцовки какого-то дроворуба…

— Месье, месье, — деликатно окликнул Сидролена метрдотель, — так что же дальше?

— …и у него топор соскользнул с топорища да и упал в пропасть.

— В пропасть?

— Да, так говорится в этой сказке, — ответил Сидролен. — И он никак не мог его оттуда достать.

— Ну еще бы! — сказал метрдотель. — Из пропасти-то!..

— Тогда опечаленный дроворуб…

— Кто-кто?

— Ну, дровосек…

— Еще один архаизм. Вот объясните мне, ме-

сье, почему это некоторые слова вдруг выходят из употребления? Я сам лично знаю массу слов, которые за одну только мою жизнь исчезли из оборота напрочь: синематограф, таксомотор, капельмейстер и так далее.

— Вы хотите узнать конец моей сказки?

— Я его уже угадал, — сказал довольный своей сообразительностью метрдотель. — Опечаленный дровосек — или дроворуб, как вы изволили выразиться, — сам бросился в пропасть. Вот почему про дураков и говорят: туп, как топорище. Топорище ухнуло в пропасть вслед за топором.

— Интересный вариант, — невозмутимо сказал Сидролен. — Но нет, на самом деле дроворуб просто-напросто бросил в пропасть топорище. Вслед за топором. Так что не осталось у него ничего. А ведь топорище-то еще вполне могло ему пригодиться.

— Вот глупости! — возразил метрдотель. — На какого черта ему топорище? Поди-ка, раздобудь топор в те времена! Нет, глупый конец у вашей сказки. Мой вариант лучше.

— Может, и глупый, — невозмутимо сказал Сидролен, — но, во всяком случае, вы узнали много нового.

— Да-да, благодарю вас. Ах, вот и ваша крупно-

зернистая икра свежего посола и сверхвысшего сорта, доставленная только сегодня днем сверхзвуковым самолетом: великолепная закуска к сверхохлажденной водке!

Да, закусил Сидролен действительно великолепно.

Поскольку ресторан был практически пуст, метрдотель время от времени подходил проверить, все ли в порядке. Сидролен отдал должное кулебяке и с аппетитом отведал волован с «капустой». В ожидании следующей перемены он опять перекинулся парой слов с метрдотелем.

— Я знаю людей, которые обедали здесь сегодня днем.

— Днем у нас был большой наплыв народу, — ответил тот важно.

— Моих было шестеро. Три пары.

— Днем у нас была занята масса столов на шесть персон.

— Там были три молодые женщины, три сестры. Они не похожи как три капли воды, но если приглядеться, сразу видно, что это близняшки.

— То есть тройняшки? Что-то не припомню. Странно, вообще-то я прекрасный физиономист.

— А мужчины, наоборот, ничем не примечательны.

— Ну тогда я знаю, о ком вы говорите. Довольно вульгарная компания.

— Вы так думаете?

— О да, смею вас уверить. Они не вкушали пищу — вот как вы, месье, — они просто жрали. И у них даже не было гастрономического допуска. Более того, они даже не знали, что это такое: сразу видно, не привыкли ходить по ресторанам и наедать больше чем на три тысячи калорий… Вы и вправду с ними знакомы?

— Так, шапошно. И как же вы поступили с ними, когда обнаружили, что у них нет допуска?

— Ну что ж мне было с ними делать, — я поступил так же, как и с вами: я их обслужил.

Метрдотель тонко улыбнулся и, пока его подчиненные ставили на стол трюфели и фазана, продолжал так:

— Должен вам признаться, месье, что этот гастрономический допуск, якобы выдаваемый соцстрахом, чистая фикция. Такого просто не существует. Я сам выдумал его и позволяю себе развлекать клиентов столь остроумной шуткой. Некоторые поддаются на эту удочку, но тогда мой розыгрыш теряет всю соль. Я-то сразу понял, что вы, месье, не лыком шиты, но те люди, ваши знакомые, так рассердились, что чуть ресторан

не разгромили. Прямо смеху подобно.

— Вы же сказали, что под конец обслужили их.

— Конечно, конечно… после того как успокоил… намекнул, что в знак особого расположения… только для них. Ну да вы знаете, что говорят в таких случаях глуповатым клиентам.

— Понятно, — сказал Сидролен.

— И все-таки чаевые они дали нищенские. Жалкие людишки! Не вашего круга, месье, нет, не вашего круга. А уж дамы — те просто-таки низкого пошиба. Так вы говорите, тройняшки? Любопытно. Никогда бы не подумал. А ведь я прекрасный физиономист.

Неожиданное появление пары клиентов избавило Сидролена от назойливого шутника и дало ему возможность спокойно расправиться с дичью и представителями грибной флоры, затем на свободе угоститься ломтиками самых разных сыров, в полнейшей безопасности посмаковать суфле с двенадцатью ликерами и, наконец, совершенно безмятежно заложить за галстук стаканчик зеленого шартреза. Потом он спросил и оплатил счет, добавив к нему несколько франков, чтобы не разочаровать метрдотеля, который поклонился ему чуть ли не в пояс. И только очутившись на улице, Сидролен впал наконец в экстаз.

— Невероятно! — сказал он вполголоса. — Высший класс!

— Что вы сказали? — спросил прохожий. Поскольку стояла кромешная тьма, Сидролен не мог признать, тот ли это самый.

— Ничего. Я разговаривал сам с собой. Привычка, знаете ли…

— Знаю, знаю, — раздраженно прервал его прохожий, — я вам уже советовал с ней расстаться, с этой вашей привычкой.

— Ну, не каждый же день у людей праздник.

— Так у вас нынче праздник? В честь чего?

— Я классно поужинал.

— Ну и что же?

— Я уж и не припомню, когда со мной такое бывало. Либо еду вообще в рот не возьмешь, либо какое-нибудь одно блюдо ухитрятся испоганить. А сегодня все было в полном ажуре. Перед каждой переменой блюд я дрожал от страха. Я говорил себе: нет, это невозможно, так не бывает. Что-нибудь да сорвется. Но я ошибся! Фазан был сочный и отлично прожаренный. Трюфели — целенькие и в меру пропеченные. Сыры — первостатейные. Тогда я подумал: ну уж суфле-то с двенадцатью ликерами — с двенадцатью, месье! — оно наверняка опадет. Ничего подобного: кругленькое, как

воздушный шар, маслянистое, восхитительное. Ни к чему не придерешься. Даже шартрез — и тот оказался настоящий.

— Пф! — фыркнул прохожий, — не вижу, чему тут радоваться. Прилично поесть в дорогом ресторане — это не штука. Вы попробуйте так поесть в каком-нибудь бистро!

— Бывают дорогие рестораны, где только свиней кормить. Нет, я и вправду поражен до глубины души. Что-то тут неладно… но я не собираюсь пудрить вам мозги своими делами.

— Почему бы и нет?

— Потому что не собираюсь, и все тут.

— В таком случае, — заявил прохожий, ничуть не обидевшись, — не стану отнимать у вас время… уже поздно.

— Всех благ!

Сидролен прогуливает свое изумление по ночным улицам. Подумать только — удалось! — он просто в себя не может прийти. Он бредет вроде бы наугад, но как-то незаметно оказывается возле «Ковчега». Взяв электрический фонарик, который он обычно прячет в почтовом ящике, Сидролен осматривает загородку и не обнаруживает на ней никаких надписей.

Он охотно открыл бы рот, чтобы констатиро-

вать необычность данного факта, но не хочет рисковать: не дай Бог, опять нарвешься на того прохожего! На барже всё спокойно, всё на своих местах.

Сидролен принимает еще один стаканчик укропной настойки, чтобы разбавить ужин — все-таки чуточку тяжеловатый для него. Он размышляет, не лечь ли ему спать, или же, для лучшего пищеварения, стоит сесть в лодку и немного погрести? Но он тут же отказывается от столь гигиенического излишества и решает отдать предпочтение сну. И тут к нему обратился конь.

— Можно хоть словечко-то молвить? — спросил Сфен. — Тут ведь все свои.

И в самом деле, рядом с герцогом ехал один лишь Пострадаль на Стефе. Проводник скакал в ста туазах впереди, а остальная свита держалась сзади на почтительном расстоянии.

— Говори, славный мой Демо! — с любовью сказал герцог.

— Вы никогда не подумывали о собственной статуе?

— Ах ты, черт возьми! — воскликнул герцог. — Мне и в голову не приходило…

— Так почему бы и нет?

— В самом деле! — ответил восхищенный герцог, — почему бы и нет?!

— Разумеется, я говорю о конной статуе, — как у славного короля Генриха IV, которую мы осматривали вчера.

— Ишь размахнулся — конная статуя! Я же все-таки не король Франции.

— Мне, — заявил Сфен, — она видится именно такой: конной.

— Ага, теперь я понимаю: это тебе хочется иметь собственную статую.

— А разве я ее не заслужил? Такого коня, как я, мир не видал после Ксанфа. Да и Ксанф-то говорил только с голоса Геры, а вот мне подсказчиков не надо, я и сам найду что сказать.

— А кто такой Ксанф? — спросил Пострадаль.

Сфен даже пукнул в знак презрения к темноте Пострадаля.

Однако все же соблаговолил ответить:

— Один из скакунов Ахилла. Второго звали Балиос.

— Сфен только что перечитал всего Гомера — за три дня! — пояснил герцог.

— А мне поставят статую? — спросил Стеф.

— Во всяком случае, он тоже ее заслуживает, — сказал Сфен, который был верным другом. — Там,

в «Илиаде», Балиос не разговаривает, говорит один Ксанф, а Стеф у нас наделен даром речи, значит, и ему полагается статуя.

— Но нельзя же ваять меня сразу на двух конях, — возразил герцог.

— Опытному скульптору это раз плюнуть, — ответил Сфен, большой оптимист. — Во всяком случае, давайте начнем с меня и вас. А Сфен подождет. Правда, Сфен?

Сфен не ответил, а Стеф не стал продолжать, поскольку проводник, поджидая их, приостановился. Вдали они завидели строительные работы.

— А неплохая, между прочим, мысль! — сказал герцог Пострадалю. — Я все время чувствовал, что мне чего-то не хватает; теперь я понял, чего именно: конной статуи. Как только мы вернемся в Париж, примемся за поиски скульптора.

Тут они нагнали проводника. А их самих нагнала мелким галопом и свита.

— Благородные сеньоры! — провозгласил напыщенно их чичероне, — перед вами акведук — парижская достопримечательность, наиболее посещаемая сегодня, — разумеется, после статуи нашего славного короля Генриха, четвертого, короля, носящего это имя. Работы были начаты

по приказу Ее Величества королевы-матери.

— Да здравствует королева-мать! — вскричал герцог.

— Да здравствует королева-мать! — вскричали остальные.

— По окончании строительства акведук будет иметь двести тридцать один фут в длину и девяносто четыре фута в высоту. Сооружением руководит господин Саломон де Брос, архитектор.

— А статуи он случайно не изготавливает? — спросил герцог.

— Понятия не имею… и главный инженер флорентиец Томазо де Франчини.

— И он тоже нет? — спросил герцог.

— Что «тоже»? Я вас не понимаю.

— Я спрашиваю: он тоже делает статуи или он тоже НЕ делает?

— Понятия не имею.

— Как только мы вернемся в Париж, вы меня поведете к самым знаменитым столичным скульпторам.

— Слушаю и повинуюсь, мессир.

— Разве что я выпишу себе какого-нибудь итальянца…

Вернувшись к своим баранам, гид предлагает благородным сеньорам спешиться и посмотреть

на работы вблизи.

— Идите, если хотите, господа, — говорит герцог, — я уже нагляделся всласть.

Пока все осматривают акведук, герцог отправляется на поиски укромного и уютного местечка. Куда ни глянь, повсюду лужайки, сады и огороды. Герцога привлекает грядка порея, которую, по его мнению, не мешало бы унавозить. Итак, он располагается на ней со всеми удобствами, как вдруг небо заволакивает тучами, поднимается ветер, разражается буря и льет проливной дождь. Герцог, едва успевший выполнить свою задачу, спешно ищет укрытие. Рядом ничего такого нет, зато вдали виднеется домик. Герцог кидается к домику, скользя по раскисшей земле, в лицо ему хлещет дождь, а потому бежит он точь-в-точь как какая-нибудь бресская пулярка, удирающая от повара. Все же в конце концов он добирается до укрытия, то есть до этого домика. Но для того чтобы домик и впрямь стал укрытием, нужна открытая дверь. Дверь же не открывается. Тщетно герцог колотит в нее: результат нулевой, а дождь по-прежнему льет ему за воротник.

Потом дождь усиливается и смывает с герцога всю грязь: никогда еще тот не бывал таким чистым; впрочем, факт этот, стань он известным

герцогу, не доставил бы ему никакого удовольствия. Герцог все колотит в дверь ногами, бьет в нее плечом; наконец замок и петли уступают силе: дверь описывает траекторию в девяносто градусов и падает наземь, а сверху на нее падает промокший и разъяренный герцог.

Который, впрочем, тут же поднимается, недовольно ворча. Встряхнувшись, он озирается и видит, что попал не то в стойло, не то в конюшню, а может, в погреб или на чердак. Все погружено в полутьму, свет еле сочится через выбитую дверь, черные тучи по-прежнему застилают небо. Наконец, герцог определяет, что попал в дровяной сарай — прекрасный, битком забитый дровами дровяной сарай. Да и уголь здесь тоже имеется. Герцог тут же разрабатывает план действий.

— Разожгу-ка я огонь да просушу штаны, камзол и шляпчонку.

Герцог ищет очаг, но такового не обнаруживает. Зато в глубине сарая он видит дверь и потихоньку отворяет ее. Сперва он ничего не может разобрать, но вдруг некто, склонившийся над горнилом, выпрямляется и кричит ему:

— Назад, неосторожный! Ты весь мокрый, а сырость загубит мою последнюю операцию!

— Фу ты, ну ты! — парирует герцог, — ты поти-

ше, я не привык, чтобы со мной разговаривали таким тоном! Мне нужно высушить одежду и обсушиться самому.

— Назад, говорят тебе! Рубиновое дерево уже превратилось в зеленую канарейку, и ее клювик начинает собирать зернышки золота.

— Золото? — вскричал герцог. — Ты говоришь, здесь есть золото?

Но человек, не удостоив его ответом, вновь склонился над тигелем и вдруг испустил вопль отчаяния.

— Проклятье! — вопил он. — Зеленая канарейка превратилась в свинцовую курицу. Все придется начинать сначала!

— Ну и прекрасно! — легкомысленно сказал герцог. — Начинайте сначала, а я зато избегну простуды.

— Начать сначала, мессир?! Да ведь это двадцать семь лет упорного труда! Двадцать семь лет — псу под хвост! В этом тигеле вот-вот должно было появиться золото, если бы не ваше грубое, неуместное вторжение.

— Да-да, это все очень интересно, но что ж теперь делать, смиритесь. А я пока высушусь.

И герцог принимается стаскивать с себя штаны и камзол; он развешивает их над очагом, а

затем и сам усаживается рядом, но не вплотную, чтобы не подгореть. И от него, и от одежды валит густой пар.

Человек продолжает охать и причитать.

— Эта сырость теперь проникнет повсюду!

И он бросается закупоривать бутыли и замазывать глиной горлышки реторт, не переставая притом бурчать:

— Все ингредиенты придется полностью высушивать заново. Погиб многолетний труд! — да нет, что я говорю, — не погиб, а загублен. И кем! — каким-то мужланом неотесанным, который не знает, куда ему приткнуться в дождь.

— Фу ты, ну ты! — посмеиваясь, говорит герцог, — скажите на милость! Да знаешь ли ты, с кем говоришь, жалкий стеклодув?

— А знаешь ли ты, с кем говоришь, мужлан?

— Ну вот, заладил: мужлан да мужлан! Я герцог д'Ож, представитель дворянства моей провиции в Генеральных Штатах.

— Подумаешь! А я Тимолео Тимолей, единственный алхимик во всем христианском мире, кому ведом подлинный и наивернейший способ получения жидкого или твердого золота, не считая множества прочих чудес.

— Это каких же?

— Я умею ходить по потолку, как муха, и по воде, как наш Христос-спаситель; умею находиться одновременно здесь и в Новой Испании, путешествовать, подобно пророку Ионе, в чреве кита, плавать верхом на дельфинах не хуже Ариона, бегать быстрее Аталанты, передвигаться в экипаже без лошадей и летать по воздуху стремительней орла и ласточки…

— Я гляжу, ты питаешь слабость к средствам передвижения.

— Просто я излагаю вам свою тему последовательно. Желаете из другой серии? — пожалуйста! Я умею понимать язык пчел; говорить на диалекте тупинамбуров[53], не изучая его; беседовать с человеком, находящимся за тысячу миль от меня; слышать музыку небесных сфер; без всякого труда разбирать все секретные письмена; наизусть пересказывать тысячи и тысячи книг; вести диспут с любым оппонентом на любую тему, заранее даже не ознакомившись с ней.

— Все это гроша ломаного не стоит, а вот золото, — совсем другое дело, — сказал герцог, принимаясь одеваться.

— Из эссенции, которая вот-вот должна бы-

[53] Примечания: 53

Игра слов: тупинамба — древнее индийское племя на территории Бразилии, топинамбур — род брюквы.

ла сублимироваться у меня в тигле, я мог бы получить даже не унции, а ливры, да что там ливры! — целые бочки золота, но вторжение господина герцога все погубило. Мне опять предстоит трудиться двадцать семь лет над дистилляцией; правда, теперь мне поможет приобретенный опыт.

— Сколько же времени понадобится тебе на этот раз?

— Ну, как сказать... — замялся Тимолео Тимолей, — годика три-четыре.

— Значит, через три-четыре года ты надеешься получить философский камень?

— Надеюсь.

— И эликсир долголетия?

— Dito[54].

— Хорошо, — сказал герцог, теперь уже окончательно одетый. — Очень даже хорошо.

Дождь кончился. Герцог подошел к двери и увидал в сотне туазов от дома искавшую его свиту. Он повернулся к алхимику.

— Тимолео Тимолей, что ты скажешь, если я приглашу тебя жить у меня в замке и алхимичить для меня? Я оплачу все твои расходы, защищу

---

[54] Примечания: 54
Здесь: Конечно.

от чересчур любопытных попов, буду кормить по-королевски, а взамен получу от тебя золото и эликсир. Ну как, согласен?

— Покинуть Аркёй? Трудно сказать… Нужно как следует подумать.

— Да чего там думать-то! Вот отсижу на Генеральных Штатах, велю перевезти в замок всю твою стеклянную дребедень вместе с дровами, и дело с концом.

Заметив герцога, Сфен рысцой поспешил к домику и круто затормозил перед хозяином, которого мягко упрекнул:

— Ну можно ли это, мессир! Где вы пропадали?

— О-о-о! — простонал алхимик, побледнев как полотно, — го… гов… говорящая… ло… лош… лошадь!..

— Вот видишь, — успокоил его герцог, — у тебя будет неплохая компания.

И, вскочив на Сфена, галопом умчался прочь.

Ошеломленный Тимолео Тимолей попятился, споткнулся о полено и без чувств рухнул на кучу угля.

XI

Среди ночи Сидролен просыпается: у него очень болит желудок и очень болит низ живота. Он выходит на палубу и перегибается через борт: может, его вырвет? Но при мысли о счете за ужин в ресторане и о том, что такая великолепная трапеза пропадет втуне, он отказывается от своего намерения и идет в уборную, чтобы облегчиться другим путем; вскоре он слышит всплеск: сейчас что-то поплывет по реке до ближайших полей орошения, а то и до самого синего моря.

Сидролен укладывается в постель, но у него по-прежнему очень болит желудок и очень болит низ живота. Вот идиотство-то! — именно в этот самый раз, когда все было так безупречно! Он терпит изо всех сил. Нет, больше он терпеть не может. Снова встав и одевшись, Сидролен берет одеяло, спускается в лодку, отвязывает ее от баржи, и вот он гребет.

По бульвару, вдоль набережной, время от времени еще проходят грузовики, едут они и по мосту. На соседних баржах все спят. Сидролен перестает грести и пускает лодку по течению,

разве иногда подправит ее веслом в нужном направлении. Лодка тихо скользит вниз по реке; в паузу между грузовиками иногда слышно, как всплывает наверх рыба или лопается пузырь, поднявшийся со дна, из гниющего ила, и раздавленный двумя мелкими волнами, рожденными порывом ветра.

Время от времени Сидролен, сморенный дремотой, начинает клевать носом. Он поворачивает лодку к берегу и привязывает ее к колышку, оставленному каким-то рыболовом. Закутавшись в одеяло, он глядит в начинающее светлеть небо. Ни желудок, ни низ живота у него больше не болят, но заснуть ему никак не удается. Так он и лежит с открытыми глазами. Ну да ничего, он устроит себе сиесту подлиннее после обеда.

На набережной, как и на мосту, движение оживляется. А вот и первые рыболовы. Члены спортклуба — сверхранние пташки — вышли на греблю. Проходит баржа — настоящая плавучая — волны от нее разбегаются в обе стороны, совсем слабея к берегу. Сидролен видит, как качаются вверх-вниз отраженные в воде перевернутые кроны деревьев.

Отвязав лодку, он гребет, теперь уже против течения. Это дело потруднее, и обратный путь

занимает гораздо больше времени. Наконец он причаливает, прогулка окончена. Положив одеяло на место, Сидролен прохаживается взад-вперед по палубе, он потирает руки — то ли оттого, что слегка озяб, то ли в знак некоторого удовлетворения. Пройдясь эдак раз десять, он взбирается вверх по откосу с банкой краски в руке. Он смотрит, не намалевали ли ему опять на загородке оскорбительные надписи, но таковые отсутствуют. Сидролен несколько озадачен; он рассеянно и бестолково возит кистью по чистой стенке.

Какой-то тип, проходящий мимо, говорит ему:

— Ну, это не работа!

— Верно, — отзывается Сидролен, — это называется развлечение. Бесплатное развлечение.

— Мало же вам надо, чтобы развлечься.

— Да, немного. Вот это, к примеру.

И он указывает на дом, строящийся по другую сторону бульвара.

— Вот там идет работа, — говорит прохожий.

— Я так и сказал.

Некто, проезжавший на мопеде, лихо тормознул и окликнул их.

— К вящей славе Господней! — возгласил, простерев к ним руку.

— Что вы имеете в виду? — неприязненно спросил прохожий.

— Ничего, ничего, все в порядке! Я не собираюсь дискутировать с вами.

И он уехал — тщательно одетый, смутно смахивающий на священника.

— И это тоже не работа, — сказал прохожий. — Не так он берется за дело: вряд ли много насобирает.

— Ну, на бензин-то для мопеда он наберет.

— Значит, вы полагаете, что он собирает эти деньги не во славу Господню?

— Ничего я не полагаю, — ответил Сидролен. — Может, он просит на бедных.

— Ха! На бедных! Да где вы их видели, этих бедных? У нас богатая, процветающая коммуна. Вот эта баржа — ваша?

— Моя.

— Тогда вам не на что жаловаться. Если он и собирал денежки, то уж, во всяком случае, не для вас.

— Кто знает. Может, он вообще жулик. Представьте: вот вы ему подали и ушли, а он дождется, пока вы уйдете, и поделит выручку со мной.

— Правильно я сделал, что остерегся, — сказал прохожий. — До свиданья, месье.

Сидролен поглядел ему вслед, затем, повернувшись в противоположную сторону, завидел на горизонте женский силуэт. Женский силуэт на горизонте дополнялся силуэтом чемодана, а потому приближался не слишком быстро.

— По-моему, это ко мне, — вполголоса сказал Сидролен.

Он спустился на баржу и, прибрав банку с краской, разлегся в шезлонге в ожидании дальнейших событий. События развиваются следующим образом: дойдя до дверцы, ведущей от баржи к бульвару, женский силуэт, дополненный силуэтом чемодана, продолжает свой путь дальше, по прямой.

— Вот балда! — говорит Сидролен. — Готов спорить, что это и есть посылка от Альбера.

Он встает с шезлонга и поднимается по склону на набережную, желая поглядеть, что будет дальше. Действительно, женский силуэт, дополненный силуэтом чемодана, о чем-то справляется десятью баржами дальше. Потом поворачивает назад. Держит курс прямо на него. Приближается. Сближается. Подходит вплотную. Вот она. Ставит чемодан и спрашивает:

— Это вы будете тот тип, про которого говорил мсье Альбер?

— Скажите, что он говорил, тогда я узнаю, я это или нет.

— Не пойму, о чем вы. И потом, вопросом на вопрос не отвечают. Это невежливо.

— К кому вас посылал месье Альбер?

— Еще один вопрос! Вы что, не можете ответить сперва на мой? На вопрос то есть.

— А какой был ваш вопрос?

— Опять двадцать пять! Вы, видно, ничего не умеете, кроме как задавать вопросы.

— Откровенно говоря, не думаю, чтоб это было в моем характере.

— Значит, вы сами себя не знаете.

— Поскольку вы тоже меня не знаете, остается только спросить, кто же меня знает.

— Мсье Альбер.

— Вот это верно.

— Так, значит, вы тот самый тип, что ищет девушку — наводить порядок на барже?

— Именно.

— А это и есть ваша баржа?

— Да.

— Ничего, очень даже миленькая.

— Ну, не будем преувеличивать.

— В августе сплаваем на ней в Сен-Троп?

— Нет, она не на ходу.

— Жаль. О, зато, я вижу, там лодка есть. Ваша, что ли?

— Моя.

— Значит, можно будет кататься?

— При случае.

— Я, знаете ли, умею грести, так что не волнуйтесь, я сама буду вас катать.

— Ну, на такое я даже не надеялся.

— А вы меня не расхолаживайте, не надо.

Сидролен чешет в затылке.

— Вы совершеннолетняя?

— Хотите поглядеть мой документ?

— Хотелось бы.

Да, она была совершеннолетней. Сидролен тщательно проверил, не подделана ли дата рождения. Ему показалось, что как будто нет. Сидролен вернул удостоверение личности и взялся за чемодан.

— Пошли, будете располагаться.

— А вы уже позавтракали?

Сидролен отрицательно мотнул головой.

— Осторожно, — сказал он, — не расквасьте себе физиономию.

Склон был довольно крутой.

— И не шлепнитесь в воду.

Они прошли по мосткам над прибрежной ти-

ной. Совершеннолетняя девица заметила:

— Издали-то оно довольно миленько, а вблизи — жуть!

— Да, на вид вода грязновата, но она не застойная. Так что грязь то и дело меняется. Иногда я ее разгоняю палкой, и она уплывает по течению. Но с той стороны, оно верно, сильно пованивает.

И он продолжает:

— Не стукнитесь головой. Вот, это будет ваша каюта, здесь жила моя дочь. Тесновато, конечно, но на судах, сами знаете, место всегда ограничено. Если не считать океанских теплоходов, какие показывают в кино.

— Да, кстати, телевизор-то у вас есть?

— Нет.

— А как же моя многосерийка?

— Что вы хотите, чтобы я вам ответил?

— Н-да, тут еще надо подумать.

— Я вас понимаю. Разве Альбер вас не предупредил?

— Не будете же вы утверждать, что у вас нет денег на телевизор?

— Я вас не уговариваю. Вынести вам чемодан наверх?

— Ладно, бог с вами. Тем хуже для многосерийки. Вообще-то, по правде сказать, ничего

хорошего в ней нет. Но, сами понимаете, привычка. Шестьдесят шесть серий я уже отсмотрела. Ладно, тем хуже.

— Ну тогда я пошел. Ванная вон там, туалет рядом.

— Не скучайте. Через пять минут я буду готова и займусь вашим завтраком.

Сидролен поднялся на палубу и разлегся в шезлонге в ожидании дальнейших событий, но очень скоро глаза его закрылись.

— Мой благородный супруг, — сказала Руссула, почтительно целуя руку герцога, — я хочу сообщить вам великую и радостную новость: скоро у вас будет наследник.

— Браво, моя дорогая! Представляю, какую рожу скорчат мои зятья! Но… скажите, любезная Руссула, откуда вы знаете, что это будет именно наследник?

— Мне сообщил это астролог.

— Какой астролог?

— Астролог, с которым я консультировалась. Я поселила его в замке, чтобы он наблюдал звезды во время моей беременности. О, разумеется, при вашем благосклонном согласии, благородный супруг.

— Черт подери! — пробурчал герцог себе в бо-

роду, — а я еще приволок алхимика, ничего себе компания!

— Неужто мое решение вам неугодно? — спросила, потупившись, Руссула.

— Угодно, моя милая, очень даже угодно. Как говорится, нашему уроду все в угоду. Что ты на это скажешь, Пострадаль? Не правда ли, я привез в нашу провинцию самый что ни на есть изысканный дух Двора? Разве не вернулся я из столицы остроумцем до мозга костей? Берегись теперь, сир де Сри: я его закаламбурю так, что с него живо спесь слетит. А где мой епископ? Привести сюда моего епископа, я представлю ему моего алхимика! А мой наследник, да, мой наследник! Где же мой наследник?

И герцог делает вид, будто ищет наследника. Потом хлопает Руссулу по животу.

— Ах, вот он где, мой наследник! Вот он где прячется! Ишь, хитрец, нашел себе тепленькое местечко! Ну, Руссула, ты меня осчастливила, и поэтому я тебя сейчас тоже осчастливлю.

— Слушаю вас, благородный супруг.

— Я собираюсь заказать свою статую. И притом конную, черт возьми. Ее воздвигнут у большого вяза перед подъемным мостом. Сьёр Франкавилла уже срисовал с меня портрет, а надо вам знать,

этот сьёр Франкавилла — знаменитый скульптор и даже каким-то боком участвовал в создании статуи Генриха Четвертого, которая теперь стоит на Новом мосту.

— Ах, как жаль, что я ее так и не увидела, — вздыхает Руссула.

— Не бойся, жена, никуда она не денется. На следующие Генеральные Штаты я возьму тебя с собой, и ты на нее полюбуешься. С этим задержки не будет, ибо королева-мать весьма нуждается в деньгах, а стало быть, и в налогах.

— Тысячу раз благодарю вас, благородный супруг, — говорит Руссула, делая реверанс герцогу.

— Но вернемся к моей статуе. Значит так, я буду сидеть на коне, — разумеется, на Сфене, с которого сьёр Франкавилла также срисовал весьма похожий портрет. Сфен очень им доволен: когда ему его показали, он даже заржал от радости. Хорошо ржет тот, кто жрет последним.

— Ах, ах! — восхитился Пострадаль.

— И у него тоже будет статуя, — сказал герцог Руссуле, тыча пальцем в Пострадаля. — Маленькая. Пока я там был, заодно и с него тоже срисовали портрет. Не ради него, конечно (новый указующий жест), а для того, чтобы не обидеть славного Стефа.

— А я как же? — спрашивает, потупившись, Руссула, — с меня разве статую не сделают?

— Ну разумеется! Я и об этом подумал. В нашей часовне вам воздвигнут великолепную гробницу, — еще красивее, чем у моей покойной Элоди. А сверху установят статую, высеченную из камня. Сам же я лично предпочитаю бронзу.

Руссула склонилась было перед герцогом, но тот остановил ее:

— Нет, не надо меня благодарить, это вполне естественно. А вот, кажется, и астролог пожаловал. Подойди. Как зовут тебя?

— Дюпон, к услугам вашего сиятельства.

— И ты умеешь узнавать судьбу по звездам?

— Да, к услугам вашего сиятельства.

— И по ним ты прочел, что у меня будет наследник?

— Да, к услугам вашего сиятельства.

Герцог повернулся к Руссуле и сказал:

— По-моему, ваш астролог болван.

И он продолжал беседу с Дюпоном:

— Ты наблюдал звезды нынешней ночью?

— Да, к услугам вашего сиятельства.

— И что же они тебе сказали?

— Gloriam Dei, мессир, Gloriam Dei.

— И это все?

— Как, мессир, — вскричал вдруг астролог, простерев руку вверх величественным, чисто ораторским жестом, — разве вы не находите, что слава Господня — это уже предостаточно?!

— Для славы Господней я держу у себя епископа, он большой спец в этом вопросе. А ты говори о своем ремесле.

— Я слышу музыку сфер.

— Ну и как она звучала?

— Божественно, мессир, просто божественно!

Герцог с отвращением отвернулся и обратился к Руссуле:

— Да он же дурак набитый!

И, возложив руку на живот своей благородной супруги, он вновь заговорил с астрологом:

— Ну-ка скажи, кто оттуда выскочит: девчонка-коза или наследник?

— Наследник, мессир.

— Ты в этом уверен и убежден?

— Светила не лгут.

— Ну, сам-то ты на светило никак не похож. А какому человеку не приходилось лгать?! Мы лжем на каждом шагу, лжем так часто, что ложь стала одним из главных грехов катехизиса. Будь здесь монсеньор Биротон, епископ in partibus Сарселлополисейский, он бы тебе подтвердил

мои слова. А тебе сейчас врать выгодно. Ты нашел себе здесь приют и пропитание и живешь на мои денежки припеваючи. Тебе, верно, кажется, что ты напал на простофилю неотесанного, доверчивого, как баба (жест в сторону Руссулы), ан нет, ты стоишь перед лицом благородного сеньора, который только что провел шесть месяцев при Дворе, в столичном городе Париже, и брал слово на заседаниях Генеральных Штатов[55], а уж коли брал, то пусть теперь попробуют отнять! — короче говоря, пошел вон, Дюпон!

Тут Руссула кидается герцогу в ноги и молит его в следующих словах:

— Благородный супруг, я так гордилась тем, что завела собственного астролога подобно королеве Екатерине. Я ведь пеклась о вашем престиже… о вашем standing[56]…

— Но дорогая моя, — ответил ей герцог, начиная слегка раздражаться, — я ведь уже привез алхимика из столичного города Парижа, точнее, из Аркёя. А я не собираюсь кормить целую ораву

---

[55] Примечания: 55

Генеральные штаты — парламент Франции, состоявший из представителей трех сословий — дворянства, духовенства и т. н. третьего сословия.

[56] Примечания: 56

Положение, престиж *(англ.)*.

негромантов. Лично я предпочитаю алхимика: когда он получит философский камень…

— Какое шарлатанство! — вскричал Дюпон.

— Ты плохой товарищ! — возмутился герцог. — Какая подлость — хулить ремесло своего собрата! Ты мне не нравишься!

Тут появился монсеньор Биротон в сопровождении аббата Рифента. Оба удостоились горячих объятий герцога, который тут же разъяснил епископу ситуацию и попросил у него совета.

— Гоните обоих, — посоветовал Онезифор.

— Ну вот, вечно ты преувеличиваешь! — воскликнул герцог, — один из них мне нужен.

— Мне тоже, — сказал Руссула.

Капеллан нерешительно почесал в затылке.

— Ну так как же? — спросил герцог. — Кого из двух: астролога? алхимика?

— Все это сильно попахивает костром, — ответил Биротон.

Астролог тут же обратился к нему.

— Я добрый христианин, — заявил он, — разве не был я у вас на исповеди?

Но герцог смотрел на него с растущим отвращением.

— Какой мерзкий подхалим этот человечишка! Нет, решительно он мне не нравится.

— Но ему не откажешь в благочестии, — сказал Онезифор, — и потом, в конце концов церковь не запрещает смотреть на звезды.

— Я даже нахожу, что это весьма поэтическое занятие, — просюсюкала Руссула.

— И кроме того, — добавил аббат Рифент, — сьёр Дюпон не разделяет еретического учения пресловутого поляка Коперника. Это очко в его пользу.

— Коперник — попам соперник, — рассеянно срифмовал герцог.

— Ах, ах! — восхитился Пострадаль.

— Солнце вращается вокруг земли! — возгласил астролог, — и только безумный или коварный еретик может утверждать обратное.

— Ой, до чего ж он ученый! — просюсюкала Руссула, — у меня непременно родится наследник.

— Они все решили обвести меня вокруг пальца, — мрачно пробормотал герцог.

— Алхимия — темная и сомнительная наука, — продолжал Онезифор, видя, что герцогиня и ее колдун взяли верх. — Огни горнила алхимика сильно смахивают на адское пламя, а жажда золота — вещь весьма предосудительная. Что же до эликсира долголетия, то это напоминает мне слова диавола, обращенные им к нашим

прародителям: *eritis sicut dei*[57], сопровождающие совет съесть пресловутое яблоко, также сулящее им бессмертие…

— Гм! — хмыкнул аббат Рифент.

— …и все вы знаете, что с ними потом приключилось.

— Аминь! — закричал Дюпон.

— Аминь! — повторили за ним Руссула, Пострадаль и аббат Рифент.

Герцог молчит. Он злобно глядит на астролога, начиная беситься, но пока не выказывая этого. Дюпон же, считая, что дело в шляпе, наглеет и распускает язык:

— О, силы небесные, что управляете мирскими делами, я вижу, как вы приносите дары свои и благословления драгоценному наследнику, коего предстоит зачать в самом скором времени высокородному и прославленному герцогу д'Ож…

— То есть как! — вскричал высокородный и прославленный герцог д'Ож, — то есть как это предстоит? Эй, жена, вы, значит, совсем не беременны?

— Пока нет, благородный супруг, но вы об этом позаботитесь.

---

[57] Примечания: 57

Будете как боги *(лат.)* — слова из книги Бытия: гл. 3, стих 5.

И Руссула, зардевшись как маков цвет, скромно потупилась.

Высокородный и прославленный герцог д'Ож вцепляется Дюпону в глотку и начинает душить его своими мощными руками. Астролог выкатывает глаза прочь из орбит и высовывает бледный язык, пока Жоакен изливает на него злость и презрение к наглецам подобного рода.

Он трясет его все сильней и сильней. Руссула кидается в ноги герцогу, моля о пощаде. Онезифор просит аббата Рифента принести ему все необходимое для последнего причастия жертвы. Виконт де Прикарманъ твердо держится политики невмешательства.

— Пощадите его, благородный супруг! — вопит герцогиня, — пощадите его!

— В самом деле, довольно, мессир, — говорит с кротким упреком Онезифор, — умерьте свои порывы, а то я не успею дать ему последнее напутствие.

Дюпону суждено было пережить это тяжкое испытание. Герцог наконец выпустил его из рук чуть живого, и он сполз наземь, точно перезревший сыр; окружающие поспешили убрать его прочь, а тем временем вошедший алхимик низко кланялся своему господину.

Герцог мог быть доволен: он одержал верх.

XII

Сидролен открыл глаза: кто-то шептал ему что-то на ухо. То была Лали, а шептала она ему, что обед готов.

— Ничего себе вы придавили! — добавила она. — Проспали завтрак, — не могла же я позволить вам спать весь день; вставайте, я приготовила вкусный обед.

Сидролен растерянно таращился на Лали: она появилась так недавно, что он не сразу и признал ее.

— Мне снились сны, — прошептал он почти про себя.

— Только не вздумайте рассказывать их мне.

— Это почему же? — с интересом спросил Сидролен.

— Так не принято.

— Как не принято?

Но Лали ограничилась призывом:

— К столу, к столу!

Стояла еще довольно теплая погода, и стол был накрыт на палубе. Прибор уже ждал Сидролена.

— А вы-то сами пообедали? — спросил он.

— Да, мсье.

— В следующий раз дождетесь меня и накроете на двоих.

— Мерсимсье, очень даже мило с вашей стороны.

Сидролен направился на камбуз. Лали кинулась следом.

— Вам что-нибудь нужно?

— Укропной настойки.

— Вы что ж это — решили набраться укропной настойки перед обедом?

— Как обычно.

— Да это же вредно.

Сидролен слегка усмехнулся.

— Нет, правда, — повторила Лали, — это очень вредно.

— Может, вам угодно пойти и собрать вещички, — сказал Сидролен, — так я возражать не стану. Готов даже заплатить вам за месяц вперед, если вы отчалите незамедлительно.

— Да ладно уж, держите свои денежки при себе, — сказала Лали.

Сидролен приносит бутылку укропной настойки и наливает себе четверть стаканчика, разбавив его до краев минералкой. Попивая эту смесь, он рассеянно следит за тренирующимися

гребцами.

Когда стаканчик осушен, Лали спрашивает:

— Теперь можно подавать?

— Валяйте.

Она приносит хлеб и банку филе тунца в рафинированном арахисовом масле. Стоит и смотрит, как Сидролен ест.

— Меня раздражает, когда на меня глазеют за едой, — говорит Сидролен. — Ну-ка, садитесь и рассказывайте мне какие-нибудь истории.

— Вы меня спутали с Шехерезадой, — говорит Лали.

— Фу ты, ну ты, какие мы ученые! — говорит Сидролен.

— Ученость жить не мешает. Вы не находите?

— Полностью с вами согласен.

— Вот то-то, — говорит довольная Лали.

— У вас есть образование, — говорит Сидролен, — а в придачу к нему — принципы: не пить укропную настойку до обеда, не рассказывать сны. А все-таки, почему нельзя рассказывать сны?

— Это невоспитанно, — говорит Лали.

— Впервые слышу, — говорит Сидролен.

— Каждый человек, — разъясняет Лали, — воображает про себя невесть что: и все, что он делает

— чудо, и что он из себя представляет — тоже чудо. Прямо пуп земли. А если еще позволить людям рассказывать свои сны, тогда вообще хоть караул кричи.

— Мои сны крайне интересны, — говорит Сидролен.

— Все так думают. Но доказать это невозможно, потому как их нельзя сравнить.

— Ну, мои!.. — говорит Сидролен, — если бы я их записал, получился бы целый роман.

— А вам не кажется, что романов и так предостаточно?

— Не беспокойтесь, — говорит Сидролен, — я не принадлежу к труженикам пера.

— А я и не беспокоюсь, еще чего!

— Видите ли, — говорит Сидролен, — когда вы сказали, что нельзя рассказывать сны, я подумал, что это из-за психоанализа и психоаналитиков.

— Чего-чего?

— Психоанализ. Вы разве не знаете, что это такое?

— Нет.

— А я думал, вы получили образование.

— Ну нельзя же знать все на свете! — отвечает Лали.

— Как это верно!

И поскольку Сидролен покончил с тунцовым филе, он осведомился о продолжении в следующих словах:

— Что же будет на второе?

— Банка печеночного паштета. Устраивает?

— Не хочу вас обидеть, — говорит Сидролен, — но сготовить такой обед и я бы сумел.

— Мсье Альбер уверял меня, что вы человек сговорчивый, а вы только и делаете, что ворчите.

— Ба! — говорит Сидролен, — нельзя уж и покритиковать слегка.

— Ладно, замнем для ясности.

И она приносит банку печеночного паштета.

— Мне сесть? — спрашивает она.

— Конечно.

Сидролен молча и меланхолично намазывает на хлеб печеночный паштет.

— Ну так что ж это за штука? — спрашивает Лали, — та, что со снами.

— Психоанализ?

— Вот-вот.

— И психоаналитики?

— Ну-ну.

— Значит, так, — говорит Сидролен, прилежно жуя свой сандвич, — это такие люди, которые толкуют сны. Они копают глубоко и в конце кон-

цов докапываются до сути — эти самые люди. Ну а среди нас есть такие, что опасаются их и не хотят, чтобы до их сути кто-нибудь докопался, — вот они-то никогда и не рассказывают свои сны.

— Подумаешь, тоже мне потеря! — говорит Лали.

— Значит, вы решительно против?

— Против чего?

— Против того, чтобы рассказывать сны.

— Я уже вам сказала: на мой взгляд, это невоспитанно и даже как-то неприлично.

— Ладно, я учту.

Сидролен приканчивает паштет, рассеянно поглядывая на другой берег, где какой-то рыболов, привязав лодку к колышку, готовит свою снасть; рядом сидит собака, она тоже смотрит на него.

— Вы рыбу ловите? — спрашивает Лали у Сидролена.

По справедливости ей следовало бы задать этот вопрос человеку с того берега, но тогда ей понадобился бы рупор.

— Нет, — отвечает Сидролен (а не рыболов с того берега, который, ясное дело, не слышал вопроса, а если бы услышал, то, конечно, ответил бы «да»). — Мне рыбная ловля не нравится. Я считаю, это жестокое занятие.

— А главное, глупое: сидеть вот так вот сложа руки…

— Ну-с, что у нас на десерт к этому превосходному обеду?

— Кусочек сыра и остатки варенья.

— Прелестно! — заключает Сидролен.

Рыбак на том берегу закинул удочку в воду; он закуривает сигарету и дымит, отрешенно глядя вдаль. Собака, свернувшись калачиком, спит.

— Ну вот, скоро и сиеста моя начнется, — замечает Сидролен про себя.

Лали приносит завершение превосходного обеда и садится — на сей раз по собственной инициативе.

— Итак, Шехерезада, — говорит Сидролен, усиленно жуя прогоркший сыр и предчувствуя, что варенье наверняка окажется заплесневелым, — вы не хотите порассказать мне какие-нибудь историйки?

— Правдивые или придуманные?

— Бойтесь придуманных историй! Они обнаруживают вашу сокровенную суть. Совсем как сны. Придуманные истории и правдивые сны — это почти одно и то же.

— Правдивые истории так же прекрасно обнаруживают вашу суть, вы не находите?

— Тогда, может, вы расскажете мне историю о ком-нибудь другом?

— С чего это я стану ее рассказывать, если она меня не интересует? А если интересует, то, значит, она как будто про меня.

— Стало быть, ничего не желаете рассказывать?

— Да не знаю я! Какой же вы настырный, ей-богу, — ни капельки не похожи на то, как вас описывал мсье Альбер, — такой, мол, солидный отец семейства, совсем не занудный и не вредный.

— Ага, вот, кстати, о месье Альбере: расскажите мне, где вы с ним познакомились. Но сперва позвольте вам заметить, что варенье, как я и предвидел, заплесневело.

— Вот видите, я права: вы все время ворчите.

— Ну что ж, опять фиаско; да я уже привык.

— Вы еще заплачьте из-за какого-то варенья.

— Ладно-ладно. Ну, так о месье Альбере…

— Вы не хотите чашку кофе?

— Нет, нет! — в ужасе воскликнул Сидролен. — Только не кофе!

— Боитесь, что я сварю вам бурду?

— Нет, но моя сиеста! Кофе помешает мне спать.

— Вы опять собрались спать? Да вы же проспали с утра до обеда!

— Вот я сейчас устроюсь там, в шезлонге, а вы мне расскажете, как познакомились с месье Альбером.

— Чтобы вам легче было делать баиньки?

— Если я закимарю, вы остановитесь и продолжите в следующий раз.

— Н-да, не сказать, чтоб вы меня очень обнадежили.

— Итак, Шехерезада, я вас слушаю: история Альбера.

— Ладно, так и быть. Я — единственная дочь бедного лесоруба…

— Где-то я уже это слышал… дочь дроворуба…

— Вы так и будете прерывать меня на каждом слове? Тогда уж лучше спите.

Сидролен не преминул тут же доставить ей это удовольствие.

Герцог верхом на коне прогуливался по лесу, молчаликий и одиновый. Сфен тоже помалкивал, но, поскольку прогулка затягивалась, а с нею и герцогская молчаликость, он разомкнул уста, чтобы спросить, можно ли ему говорить.

— Говори, славный мой Демо, говори! — сказал герцог, любовно потрепав коня по холке.

— Мерсибо! — ответил Сфен, весьма довольный удачным словцом.

Он сделал вид, будто размышляет перед тем как задать вопрос, давно уже вертевшийся у него на языке.

— Гм… гм, — сказал он наконец, — ну как там наша статуя?

— Ей-богу, не знаю, — ответил герцог.

— Разве она еще не отлита?

— Да что-то последнее время о ней ничего не слыхать.

Сфен не скрыл своего разочарования. Он даже пукнул от возмущения.

— А вам не кажется, — спросил он, — что следовало бы этим поинтересоваться?

— Пока что меня это не волнует.

— А ваша слава как же? О ней вы забыли? Неужто вы не думаете о грядущих поколениях, что будут толпами стекаться со всех сторон, дабы узреть вас навечно отлитым в бронзе подле заветного феодального вяза? Неужто в вас не пробуждается гордость при мысли о том, что статус статуированного позволит вписать ваше имя во все истории искусств, весьма малочисленные, конечно, в наше время, но чье количество неизмеримо возрастет в последующие века. Черт

подери, ей-богу, я уже пророчествую!

И, разволновавшись от собственной речи, Сфен пустился вперед дробной рысцой.

— Тихо, тихо! — остановил его герцог.

Сфен вернулся к прежнему прогулочному шагу и, соответственно, к прежней теме:

— Так мои аргументы вас не убедили?

— Да-да, конечно, убедили, мой славный Демо. Я пошлю Пострадаля разузнать, как там дела с моим изваянием.

— Прекрасная мысль! Заодно пускай разведает, движется ли и его собственное со Стефом.

— Его отъезд, мне кажется, опечалит герцогиню, — грустно молвил герцог.

— А почему бы и ей не проехаться туда же? Она так мечтала побывать в столичном городе Париже.

— Тогда пойдут сплетни.

— Что ж, пошлите с ними за компанию аббата Рифента, и пусть эту экспедицию возглавит монсеньор Биротон. А вы избавитесь от всех разом на пару месяцев.

— Хорошо бы! Надоело мне слушать каждый день их уговоры да выговоры. Спасибо, еще не донесли на меня как на атеиста или колдуна.

— О, вся эта болтовня лишь для проформы, —

такое уж у них ремесло, но если вашему алхимику все-таки удастся изготовить эликсир долголетия, я думаю, они тоже не откажутся выпить стаканчик.

— Пока что до эликсира далеко, — в настоящий момент мы изготавливаем взрывчатый порошок.

— Ну и как, получается?

— Конца не видно!

Помолчав несколько минут, Сфен вновь заговорил в таких словах:

— Я начинаю сомневаться, Жоакен, мудро ли вы поступили, приведя к себе в замок Тимолео Тимолея. С тех пор как он живет у вас и жжет огонь под своими ретортами, вы, Жоакен, сделались мрачным и молчаливым, а вдобавок растратили почти все свои денежки, полученные по договору в Сен-Мену. Разве я не прав?

— Ох, прав! Сундуки мои опустели, и скоро мне придется разбить копилку моего будущего наследника. Это наводит меня на мысль, что правильнее было оставить у себя астролога. Он обошелся бы мне куда дешевле, да и герцогиня была бы довольна.

— Ба! — ответил Сфен, — все эти людишки стоят друг друга.

— Так ты сомневаешься в них, мой Демо?

— Хотите, я скажу вам совсем откровенно: не верю я во все эти гороскопы.

— Да и я ничуть не верю.

— И в философский камень — тоже ни капельки.

— Ну знаешь ли! — вскричал герцог, — скажи это не ты, а кто-нибудь другой, я бы ему морду набок свернул!

— Я в них не верю, — повторил Сфен, — но вам верить не запрещаю.

— Надеюсь! Ах, если бы ты видел нас — Тимолео и меня — среди всех этих реторт и тиглей, колб и алембиков, пеликанов и змеевиков, перегонных кубов и прочих сосудов; если бы ты видел, как мы смешиваем соли с металлами — одни фиолетовые, другие синие, одни голубые, другие зеленые, одни желтые, другие оранжевые, а некоторые так даже красные, не говоря уже о белых и черных; смешиваем и наблюдаем, как один цвет переходит в другой, твердые вещества превращаются в жидкие, а жидкие в твердые, осязаемые становятся неосязаемыми, а неосязаемые — осязаемыми, а ведь я описываю тебе лишь внешнюю сторону наших манипуляций, — так вот, если бы ты видел это, славный мой Демо, ты бы сразу понял,

что твой хозяин и алхимик трудятся не напрасно. Настанет день, когда ангелы увенчают успехом наши усилия, и тогда я прикажу отлить свою статую не из бронзы, а из чистого золота.

— НАШУ статую.

Герцог даже не расслышал этой поправки и снова впал в меланхолию, из которой Сфен не осмелился вывести его. Таким образом, они одолели еще одно лье в полном молчании, после чего Сфен решил возвратиться, но только по другой дороге; герцог, по-прежнему молчаливый, нахмуренный, унесшийся мыслями неведомо куда, не противоречил ему. Он вздрогнул лишь тогда, когда услышал, что его окликают: в этот миг они пересекали лужайку, где работали дроворубы, — они заготавливали топливо для печей Тимолео Тимолея. Что же до голоса, окликнувшего его, то он принадлежал одному из дроворубов, который спрашивал его в таких словах:

— Благородный сеньор, как поживает моя единственная дочь-герцогиня?

Сидролен вздрогнул и открыл глаза.

— А ваши братья и сестры? — спросил он.

— Ну вот, выспались! Я же вам сказала, что я единственная дочь!

— Гм… значит, ваш отец был дроворубом…

— Я только что кончила рассказывать, где познакомилась с мсье Альбером и как он послал меня сюда.

Сидролен зевнул.

— А вы не хотите рассказать еще разок? — спросил он.

— Еще чего! — сказала Лали. — Надо было слушать, а не спать.

— Ну ладно, тем хуже для меня, — сказал Сидролен, — оставим до другого раза.

— Никакого другого раза не будет, хватит с вас.

— Я учту, — сказал Сидролен.

Он потянулся и встал. Рыболов на другом берегу все еще сидел на месте; пес, свернувшись калачиком, по-прежнему дремал в лодке.

— В общем-то, не так уж они и жестоки, — сказал Сидролен, — ведь они никогда ничего не вылавливают.

Лали глянула на рыбака, но не сказала ни слова. Она сидела, но теперь тоже встала.

— Я не хотела портить вам обед и сиесту, — сказала она, — но на вашей загородке кто-то намалевал целую кучу надписей. И препротивных — более чем.

Сидролен молча отправился за банкой краски и кистью.

— Там ругательства, — сказала Лали, — и оскорбления.

Сидролен направился к мостам.

— Это что, про вас написано? — спросила Лали.

— Ну да, — отозвался Сидролен.

— Что ж вы такого натворили?

— Я вам расскажу, когда вы заснете.

Сидролен взбирается вверх по откосу. Он даже не смотрит на надписи, а прямо начинает замазывать их. Лали отправляется мыть посуду. Целая компания кочевников с турбазы останавливается рядом, желая что-то спросить у Сидролена: они даже знают, как по-французски «метро». Про метро-то они у него и спрашивают. Он отвечает жестами.

— Ну вот, уже начинают мигрировать, — говорит Сидролен, глядя им вслед. — Осень наступает. «Моя вечная осень, томленье души!..»

— Что вы сказали? — спросил прохожий.

— Я цитировал, — ответил Сидролен.

— Кого ж это?

— Поэта, конечно. Вы что, не услышали анапеста?

— Я не обратила внимания. Думал, вы хотите что-то у меня узнать. Время, например.

— Да ничего я от вас не хотел, — сказал Сид-

ролен.

И он продолжал красить, а прохожий молча наблюдал.

Подошла новая группа кочевников; эти тоже знали, как по-французски «метро», — с соответствующим вопросом они и обратились к прохожему. Тот жестами изобразил незнание.

— Есть здесь поблизости метро? — спросил он у Сидролена.

Сидролен указал кочевникам дорогу, они горячо поблагодарили его и удалились.

Сидролен вновь взялся за кисть и вполголоса промолвил:

— Так я и думал. Они начинают мигрировать. Осень подходит.

И он продолжал молча трудиться.

— А где конец? — спросил прохожий.

— Конец чего?

— Конец цитаты.

— Экий вы нетерпеливый! Я еще и не начинал цитировать.

— Значит, это ваши собственные слова: «Они начинают мигрировать. Осень подходит»?

— Мои собственные.

— А те слова, что вы сейчас замазали, они чьи?

— Какого-нибудь прохожего, я полагаю.

— Это вы меня обвиняете?

— А вы что, единственный прохожий на свете?

Не слыша ответа, Сидролен оглянулся на прохожего: тот стоял к нему спиной и притворялся, будто разглядывает завершавшееся строительство дома напротив. Сидролен делает еще несколько мазков… так, теперь все в порядке. Он опускает кисть в банку и поднимает банку с краской за ручку — тоненькую металлическую ручку, которая слегка врезается в пальцы.

Прохожий исчез.

XIII

Часы на деревенской колокольне давно уже отзвонили пять, когда герцог д'Ож выехал из замка в сопровождении Пешедраля, самого младшего из братьев виконта де Прикарманъ, недавно поступившего на службу к герцогу. Оба они ехали верхом — герцог на Сфене, а паж на Стефе. Герцог молчал, и Сфен скакал молча; Стеф и Пешедраль делали то же самое. Проезжая по городской площади, они повстречали группу местных нотаблей, которые низко поклонились им.

— Ну как жизнь, господа, — спросил рассеянно герцог, — в добром ли вы здравии?

— В превосходном, — отвечал бальи, — в превосходном.

— А кроме этого есть ли что-нибудь заслуживающее нашего внимания?

— Мы идем сейчас выбирать делегатов в Генеральные Штаты, — отвечал бальи.

— Ах, да, Генеральные Штаты…

И герцог не стал развивать эту тему.

— Мы начали составлять книгу жалоб, — продолжал бальи. — Монсеньор Биротон и аббат

Рифент присоединятся к нам, и ежели господин герцог соблаговолит оказать нам свою милостивую помощь, мы смогли бы отослать в Париж общий перечень претензий от всех трех судебных округов, что доказало бы Его Величеству единство и сплоченность французов перед лицом священной особы короля.

— Да здравствует король! — вскричали нотабли. — Да здравствует король!

— Да здравствует король! — счел нужным заорать и Пешедраль.

Оплеуха герцога тотчас отправила его в дорожную пыль, откуда он медленно выбрался, чтобы вновь, с обалделым видом, вскарабкаться в седло. Нотабли благоразумно воздержались от комментариев.

— Ну что ж, — сказал повеселевший герцог, — желаю успехов в работе, господа.

И он резвым галопом поскакал в направлении кладбища. Там он спешился и бросил Сфеновы поводья Пешедралю, который еле успел их подхватить.

— Эй ты, макака! — сказал герцог, — кто тебе позволил кричать «да здравствует король»?

— Я как все! — прохныкал Пешедраль.

— Так вот, запомни… но сперва сойди с коня.

Когда паж спешился, герцог схватил его за ухо и, довольно сильно выкручивая это последнее, повел свою речь в таких словах:

— Запомни же, дорогой мой пажёнок, макака, попугай несчастный, что ты должен поступать не как все, а как твой господин, уразумел? — как твой господин. Ясно?

— Нет. Ничего не ясно.

Герцог взялся за другое ухо пажа и, накручивая его, продолжал в таких словах:

— Вот я — что я сделал? Кричал ли я «да здравствует король!»? Нет, не кричал, Понял теперь?

— Да, конечно… но разве нам не велено во всех случаях кричать «да здравствует король»?

— Может быть, — ответил герцог, выпустив пажеское ухо, ставшее пунцовым, и впадая во внезапную задумчивость. — Может быть, — повторил он спустя несколько минут.

И направился к кладбищу.

Когда Пешедраль счел, что герцог отошел достаточно далеко, он принялся растирать себе уши, ворча:

— Ух, горилла, как больно дерется! И за что! За здравицу королю! Как будто в тысяча семьсот восемьдесят девятом году нашей христианской эры запрещено кричать «да здравствует король».

Ну так вот, я буду, буду кричать «да здравствует король», буду и все тут!

Что он тотчас же и сделал, но только шепотом.

— Вам, юноша, этого не понять, — сказал Сфен. — Просто наш герцог не занимается политикой.

— Господи Иисусе! — завизжал паж. — Конь заговорил!

— Да, лучше уж сразу ввести вас в курс дела, это значительно облегчит наши отношения. Впрочем, я не один такой: Стеф тоже говорит. Правда, Стеф?

— Да, — лаконично молвил Стеф.

— Ну-ну, не дрожите же так, — сказал Сфен Пешедралю, — чего вы испугались? Накануне революции бояться не велено.

— Революции? — воскликнул Пешедраль, стуча зубами от ужаса, — ка-ка-какой ре-ре-во-во-люции?

— Той, что грядет, — ответил Сфен.

— Господи, он еще и пророчествует, — вскричал Пешедраль голосом сколь придушенным, столь же и душераздирающим. — Пророчествует, что твоя Валаамова ослица.

— Нет, это не конюший, это семинарист какой-то, — презрительно изрек Сфен, — подумать

только, он меня сравнивает с ослицей! Да ты глянь мне под брюхо!

Шутка эта так развеселила Сфена, что сам он, а за ним и Стеф засмеялись, а потом прямо заржали от восторга, и хохот их окончательно деморализовал несчастного Пешедраля, который рухнул наземь, горько плача. Выплакав добрую пинту слезной жидкости и слегка успокоившись, паж встал, по-прежнему дрожа, и увидал, что Сфен и Стеф мирно и молча выискивают самые лакомые травки среди луговой флоры. Это их занятие, вполне, однако, орфогэппическое[58], доконало Пешедраля: в целях безопасности он счел самым разумным искать спасения под крылышком у своего господина. Вот почему он также вошел на кладбище и в конце аллеи увидел герцога, в глубокой задумчивости стоящего перед могилой, из которой двое могильщиков выгребали чьи-то кости; они складывали их в две кучки перед герцогом. Зрелище это вселило в пажа такой ужас, что он со всех ног кинулся прочь и вскоре очутился на террасе замка, где несколько особ, беседуя о том о сем, попивали кофе и ликеры, в частности, укропную настойку.

---

[58] Примечания: 58

Гибрид слов «орфоэлия» (совокупность произносительных норм языка) и «гипнология» (коневодство, наука о лошадях).

— Пешедраль! — воскликнул его брат, — что с тобой стряслось? Отчего ты покинул высокородного и могущественного сеньора Жоакена, герцога д'Ож?

Все засмеялись — все, но не Пешедраль, который плаксиво высказал самое свое заветное желание:

— Я хочу домой, к маме!

— Ну-ну, Пешедраль, — сказал его брат, — неужто высокородный и могущественный сеньор посягнул на твою честь?

Все засмеялись — все, но не Пешедраль, который продолжал причитать:

— Это не герцог! Это не герцог! Это лошади!

— Не болтай ерунды, Пешедраль, никогда я не поверю, что наши славные коняги питают слабость к маленьким мальчикам.

Все засмеялись — все, но не Пешедраль, который, дрожа, объявляет:

— Они говорят! Они говорят!

— До чего же он глуп! — восклицает герцогиня, любуясь пажом.

— Болван! — кричит ему разгневанный брат, — неужто ты веришь в эти затхлые средневековые сказки?!

— Я читал о таком в рыцарских романах, —

говорит с усмешкой монсеньор Биротон, — во времена последнего или предпоследнего крестового похода, кажется…

— Седьмого, — уточняет аббат Рифент.

— Ах, какая эрудиция! — восклицает герцогиня, поигрывая веером.

— Итак, во времена седьмого крестового похода, — продолжает Онезифор все тем же ироническим тоном, — конь герцога д'Ож повергал в ужас сарацинов, осыпая их ругательствами.

— Какая нелепица! — фыркнул виконт де Прикармань, — виданное ли дело, говорящее четвероногое!

— Ну как же, — возразил аббат Рифент, — одно-то было. Валаамова ослица.

— Сфен пророчествует точь-в-точь, как она, — сказал робко Пешедраль.

— Ты не слишком-то силен в катехизисе, — строго заметил ему Рифент, — Валаамова ослица вовсе не пророчествовала, она открыла рот лишь затем, чтобы воспротестовать против побоев хозяина, ибо узрела ангела Господня. И это было чудо.

— В общем, — заключил Пешедраль, — я хочу домой, к маме.

— Ты останешься здесь, — ответил ему брат. —

Это приказ.

— Если бы мама знала, что здешние лошади говорят, она бы велела мне ехать домой сию же минуту.

— Но ведь тебе уже сказали, что говорящих лошадей не бывает, — втолковывал ему аббат Рифент. — Разве что это чудо.

— А чудеса в наши дни стали редки, — вздохнул монсеньор Биротон.

— Это что ж такое, Пешедраль? — сказал незаметно вошедший герцог. — Так-то ты сторожишь лошадей? Можешь возвращаться домой к матери!

Даже не поблагодарив, Пешедраль тут же исчез.

— Твой братец болван, — сказал герцог виконту де Прикарманъ, наливая себе укропной настойки.

Несколько мгновений он молча разглядывал напиток, потом добавил:

— Рецепт Тимолео Тимолея. Увы, бедняга Тимолео! Я опять ходил скорбеть и размышлять на его могиле.

— Ах, да забудьте вы этого знахаря, этого шарлатана! — сказал Онезифор. — Кто в наши дни еще верит в эликсиры долголетия и в философ-

ские камни?!

— Зато вы верите в то, что мир был создан точно в четыре тысячи четвертом году до Рождества Христова.

— Господин герцог, — возразил аббат Рифент, — у нас есть веские основания верить в это.

— Какие же? — спросил герцог.

— Ах, как вы скучны, Жоакен! — сказала герцогиня. — Теперь вы заделались богословом.

— Да уж не прогневайтесь, милочка, — ответил герцог, вновь наполняя опустевший стакан. — Итак, аббат, ваши основания?

— Святое Писание, господин герцог, — сказал аббат Рифент.

— Хорошо сказано, Рифент, — заметил монсеньор Биротон.

— Оно противоречиво, ваше Святое Писание, — отрезал герцог, — стоит только сунуть туда нос, как это сразу бросается в глаза. А вот что нам делать — тем, кто логически мыслит? К четыре тысячи четвертому году до Рождества Христова мир просуществовал уже тысячи и тысячи лет.

— Абсурд! — вскричал Онезифор.

— Ах, Жоакен никогда не был силен в астроломии, — вздохнула герцогиня, — то есть в астроногии, хотела я сказать.

— В хронологии, — уточнил аббат Рифент. — Ну а люди, — спросил он иронически у герцога, — люди, по-вашему, тоже существовали за тысячи и тысячи лет до сотворения Адама?

— Конечно.

— А какое доказательство можете вы сему представить, господин герцог?

— Ага! — возликовал монсеньор Биротон, — вот когда нашего преадамита приперли к стенке!

— Да, какое же доказательство, Жоакен? — спросила в свою очередь герцогиня.

— Вы ввели его в затруднение, — заметил виконт де Прикармань, который до сих пор не осмеливался вмешиваться в дискуссию.

— Да нисколько! — спокойно ответил герцог. — Доказательства непременно где-нибудь да существуют, остается лишь найти их.

— Прекрасный ответ, — усмехнулся аббат Рифент. — Господин герцог, надеюсь, не прогневается, если мы сочтем, что он уклонился от разъяснений.

— Рифент, — сказал монсеньор Биротон, — вы его посрамили.

— Жоакен, — сказала герцогиня, — ты напрасно уперся: где уж тебе вести богословский диспут с аббатом! У тебя кишка тонка.

— Да, я бы, например, не рискнул, — подтвердил виконт тоном заправского остроумца.

— Черт подери! — вскричал герцог, энергичным пинком подкинув в воздух стол, — да вы меня за придурка, что ли, держите?

От китайского кофейного сервиза эпохи Минг осталась лишь фарфоровая пыль, а от бутылок и стаканов — стеклянная. Герцог стоя оглядел сверху вниз присутствующих особ и враждебно вопросил их:

— Вы, сволочи, уж не биржуа ли какие-нибудь, что так измываетесь надо мной? Я гляжу, эти чертовы кюре вообразили, будто им все дозволено. Не знаю, что меня удерживает от того, чтобы задать трепку этим долгополым.

— Жоакен! — вскричала герцогиня, — ты просто темный феодал!

— А ты, милочка, заслуживаешь хорошей порки!

И герцог хватает герцогиню за руку. Руссула сопротивляется. Герцог хватает ее за другую. Руссула вырывается. Герцог тащит ее к чулану, где хранятся плетки. Лакей собирает осколки фарфора и стекла. Монсеньор Биротон и аббат Рифент удаляются с оскорбленным видом. Герцог все так же упорно тащит свою супругу, которая все так

же энергично тормозит; ее каблуки высекают искры из булыжников.

Виконт де Прикарманъ решает вмешаться.

— Господин герцог, — говорит он голосом таким же упавшим, как китайский фарфор, — при всем моем почтении к вам…

— Как ты смеешь лезть в мои дела, олух? — в ярости кричит герцог.

Выпустив герцогиню, которая шлепнулась задом оземь, он влепил виконту такую пощечину, что тот пошатнулся. Виконт, скорее инстинктивно, нежели от храбрости, выхватил шпагу. Герцог обнажил свою, и вот уже Прикарманъ распростерт на земле, продырявленный насквозь и совершенно мертвый. Герцогиня с горестными воплями бросается на его труп. Герцог вытирает шпагу о юбку Руссулы и вкладывает сие смертоносное оружие в ножны. Затем он изучает сложившуюся ситуацию.

А вот и еще кто-то робко приближается к нему, чтобы изучить ту же ситуацию.

— Вы убили его, — шепчет Пешедраль.

В руке у него узелок с пожитками, он уже собрался домой, к маме.

— Он и вправду умер? — спрашивает Пешедраль.

— Если до сих пор не умер, то теперь-то уж точно помрет, — отвечает герцог, — эта дама его наверняка задушит.

Герцогиня по-прежнему вопит во все горло. Наконец она возглашает:

— Он умер! Он умер!

— Ну вот, — говорит герцог Пешедралю, — теперь ты проинформирован.

— Значит, я стал виконтом де Прикарманъ? — спрашивает Пешедраль.

— А ведь верно! — восхищенно говорит герцог.

— Вот здорово!

На вопли герцогини сбежались кюре и прислуга.

— Господи! — воскликнул монсеньор Биротон. — Ну, с вами не соскучишься!

— Насколько я понимаю, имела место дуэль, — сказал аббат Рифент.

— Вне всякого сомнения, — подтвердил Онезифор. — Взгляните, Прикарманъ еще сжимает шпагу в руке.

— Убить человека на дуэли — немалый грех, — сказал аббат Рифент, — но все же куда меньший, нежели неверие в христианский календарь.

— Господин герцог, — заявил епископ in partibus Сарселлополисейский, — вы должны покаяться в

содеянном и пожертвовать церкви значительную сумму денег за ваши преадамитские убеждения.

— Как видите, — сказал аббат Рифент, — суд Божий куда более суров, нежели суд людской, который простит вам сей грех.

— Сомневаюсь, — ответил герцог д'Ож, — и, по здравом размышлении, предпочитаю убраться подальше, может быть, даже и за границу. Я не желаю сидеть тут и дожидаться сержантов короля и милости помянутого короля. Закатали же моего превосходнейшего друга Донасьена[59] в Бастилию за какие-то пустяковые проделки. Мой бедный Донасьен среди бастильских стен! Каково я срифмовал, а?

— Посредственно, — отозвался аббат Рифент.

Герцог тут же выхватил шпагу с твердым намерением пришить аббата не сходя с места; тот благоразумно описал сложную траекторию, дабы укрыться за спиной Онезифора, однако герцог сдержался и вложил шпагу в ножны.

— Утешьте Руссулу, — велел он обоим священникам. — Я, так и быть, не стану ее пороть, хотя рука у меня так и чешется наподдать ей как сле-

---

[59] Примечания: 59

Донасьен Альфонс Франсуа, маркиз де Сад (1740–1814) — французский писатель, был заключен в Бастилию за «развратные и жестокие нравы», описанные им в своих произведениях.

дует. Итак, прощайте, господа.

— А Генеральные Штаты? — спросил монсеньор Биротон. — Разве вы не собираетесь присутствовать на их заседаниях?

— Вздор! Сейчас меня больше интересует моя свобода.

И он обратился к Пешедралю:

— Иди седлай Сфена и Стефа, виконт, я беру тебя с собой. Вот тебе случай повидать дальние края.

— Тысячу раз благодарю вас, господин герцог, но эти говорящие лошади…

— Надеюсь, ты не собираешься затыкать рот Демосфену?

— Я не уверен…

Герцог повернул Пешедраля спиной к себе и метким пинком послал его прямо в цель.

Описав грациознейшую параболу, но так и не выпустив узелка из рук, Пешедраль приземлился у ворот конюшни.

Когда герцог несколько минут спустя вернулся с вещами, все было готово. Они тотчас отбыли.

Терраса опустела. Герцогиня исчезла, исчез и усопший Пострадаль. У подножия лестницы монсеньор Биротон и аббат Рифент ожидали сеньора замка. Они весьма почтительно поклонились ему.

— Вы хорошенько все обдумали, мессир? — спросил монсеньор Биротон. — Не слишком ли опрометчиво вы поступаете?

— И потом, вы не сможете присутствовать на заседаниях Генеральных Штатов, — добавил аббат Рифент.

— Друзья мои, — сказал им герцог с видом крайнего удовлетворения, — вы так и не поняли, почему я уезжаю.

— Почему? — хором вопросили оба священника.

— Я еду за доказательствами.

— За какими доказательствами?

— За доказательствами вашего невежества. И да здравствуют преадамиты!

— Да здравствуют преадамиты! — хором подхватили оба коня, к которым осторожный Пешедраль присоединился с некоторым опозданием.

И все четверо галопом вылетели из замка.

В тот день они одолели длиннейший перегон и, совершенно разбитые, добрались наконец до таверны «Первобытный человек» в Сен-Жену-Турну — довольно большом городе, расположенном в округе Везина-о-Бум близ Ша-мпурд-ля-Рож.

— Черт подери! — сказал герцог, садясь за

стол, — мы заслужили добрую трапезу. Эй, подать сюда вина и свиных колбас!

— Эге, малютка! — добавил он, обращаясь к служанке и похлопывая ее по спине, — у меня руки так и чешутся наподдать тебе по заду как следует.

— Благодарю покорно! Вот уж это совсем лишнее!

— Но как же! От руки герцога…

— От руки грязной свиньи, — ответила та, увернувшись.

— Вот видишь, — весело сказал герцог Пешедралю, — тут уже республиканским духом пахнет. Ладно, мы еще поглядим, чья возьмет.

И он жадно накинулся на свиную колбасу.

— А что ты теперь скажешь о Сфене? — спросил он с набитым ртом. — Разве он не веселый попутчик?

— Еще бы! — ответил Пешедраль, — не пойму, как я мог испугаться его болтовни в первый раз. Теперь я нахожу ее вполне естественной.

— Ну, естественно! Нет ничего более естественного, чем естественное. Таков девиз моего превосходнейшего друга Донасьена.

— Скажите, господин герцог, а кто такие преадамиты?

— А, это просто дразнилка для нашего славного Онезифора. Они не существуют. А вот коли бы существовали, наш славный Онезифор сел бы в лужу.

— Но кто же они?

— Это люди, жившие до Адама.

— Фу, какой вздор!

— Ты изъясняешься точно как аббат Рифент. Не заставляй меня жалеть, что я взял тебя с собой.

— С вами трудно беседовать, господин герцог: вы утверждаете, что они не существуют, и в то же время гневаетесь, когда я называю это вздором.

— Несуществующая вещь вовсе не обязательно есть вздор. Ах, ах, капуста с салом, как я люблю жирненькое!

— Прочь лапы, старая свинья! — сказала служанка герцогу, который на минутку спутал гастрономию с анатомией. — В следующий раз я вам блюдо на голову надену. А в нем будет горячее рагу.

— Не слишком-то она сговорчива!

— Как это вы дозволяете столь грубо обращаться с собою, господин герцог?

— Не забудь: я путешествую инкогнито, и давай-ка уберем эту капусту с салом!

Они молча убирали капусту, как вдруг по-

явился форейтор, одетый форейтором и открыто выказывающий все признаки самого низменного страха. Он вопил:

— Невероятно, но факт! В конюшне… конь… и он говорит!

Все расхохотались от чистого сердца, герцог — первый; один лишь Пешедраль, весьма обеспокоенный, сохранял серьезность.

— Опять нализался, — сказал хозяин. — И не стыдно тебе спьяну скандалить?

— Оставьте, оставьте его, — вмешался какой-то проезжий. И обратился к форейтору:

— Так что же сказал этот конь?

— Увидев, что я вхожу в конюшню, он крикнул: «Да здравствуют преадамиты!»

— Вот чокнутый! — бросил кто-то.

И все расхохотались от чистого сердца, герцог — первый; один лишь Пешедраль, еще более обеспокоенный, сохранял серьезность.

XIV

В третий раз все расхохотались от чистого сердца, когда форейтор кончил изливать свои чувства в таких словах:

— И конь добавил: «Ты, верно, ушам своим не веришь, а?»

Один лишь Пешедраль, крайне обеспокоенный, сохранял серьезность.

— Что верно, то верно, — продолжал форейтор, — я и впрямь своим ушам не поверил, вот почему я сбежал оттуда, и вот я здесь и, хоть убейте, не собираюсь возвращаться в эту чертову конюшню. Эй, трактирщик, подай-ка мне кувшин кларета, чтоб мозги на место встали!

— И не подумаю, — сказал трактирщик, — ты и так уже нализался.

— Черт подери, да я трезв как стеклышко. Сходи в конюшню, глянь сам!

— Боже меня упаси! Да чей же это конь-то?

— Мой, — заявил герцог.

Все повернулись к нему.

— И он действительно говорит. А кроме того, умеет читать. В настоящее время, например,

он читает «Путешествие юного Анахарсиса по Греции», и оно ему очень нравится. Трактирщик, подай же кувшин кларета господину форейтору, — он и в самом деле не пьян.

Эта короткая речь была встречена одобрительным шепотом; люди говорили друг другу: какой остроумный человек!

— А ты зря перепугался, — сказал герцог Пешедралю. — Гляди, как мало им нужно, чтобы развеселиться. Знаешь, в один прекрасный день кто-то наконец скажет: во Франции смех убивает. Вот форейтор — он уже почти убит. Но, надо сказать, Сфен ведет себя весьма неосторожно, он не умеет держать язык за зубами.

— А что, если полицейские ищейки начнут расследовать это дело?

— Пф! В лучшем случае это будет местный кюре, не больше.

Тем временем служанка принесла пулярку, с которой оба путешественника расправились без всякого труда, так же как с последующими блюдами полегче, с сырами и сладостями на десерт. А еще они осушили несколько кувшинов кларета, после чего отправились на боковую и тотчас заснули, сморенные усталостью и сытной трапезой.

Лали и Сидролен замигали, когда зажегся свет, и вышли из кинотеатра слегка ошарашенные.

— Выпьем по стаканчику, а потом домой, — предложил Сидролен.

Лали согласилась.

— Люблю фильмы плаща и шпаги, — сказал Сидролен.

— Вы думаете? — спросила Лали.

— Я не думаю, я уверен.

— Нет, я хотела сказать: вы думаете, это был фильм плаща и шпаги?

— Конечно. Если мне это не приснилось.

— Мне-то кажется, что это был вестерн. Но у меня тоже такое впечатление, будто я спала.

— А, может, стоит вернуться и проверить, что там показывали?

И они вернулись к кинотеатру. Афиши и фотографии повествовали о борьбе Спартака и Франкенштейна против Геракла и Дракулы.

— Наверное, это программа на будущую неделю, — предположила Лали.

— А бог его знает, — ответил Сидролен. — Во всяком случае, вы как будто рассказали мне сон. Хотя вы и против их пересказа.

— Жаль, если так.

— Ладно, пошли выпьем.

Бистро на углу уже опустело, официанты сдвигали столики. Посетителям осталась лишь стойка, у которой они стойко выпили стоя настойки.

— Нет, мне здесь не нравится, — сказал Сидролен. — Пошли-ка на «Ковчег».

— А почему вы назвала баржу «Ковчегом»? — спросила Лали.

— Да именно потому, что на ней нет ни одного животного, — ответил Сидролен.

— Не поняла.

— Н-да, эта шутка действительно не сразу доходит. Ну, скажем так: когда я ее купил, она уже так называлась.

— Дорого купили?

— Да не так чтобы очень.

— А знаете, она мне нравится, ваша посудина. Признаться, я очень довольна, что сменяла мюзик-холл на место домотравительницы. Спасибо мсье Альберу за добрый совет.

— Как же он вас уговорил?

— Хорошим пинком. Вот уж, можно сказать, он вам преданный друг.

— Надеюсь, он не слишком поусердствовал?

— Ну… нельзя сказать, чтобы он поленился… впрочем, я оказалась понятливой.

— Значит, не жалеете о своем мюзик-холле?

— Я же вам сказала: мне нравится ваша посудина.

— А что ж вы в мюзик-холле-то собирались делать?

— Хотела стать стрип-герл. Я ведь неплохо танцую, ну и фигурка у меня ничего себе, а еще я хотела петь, но мсье Альбер посчитал, что все это без толку.

— И что же, у вас намечались ангажементы?

— Да, но я никак не могла выбрать между этой… как её… Занзеби и республикой Козерога, — сами понимаете, такие дальние страны! Нет, мне больше нравится жить на сорок девятой широте. Северной, конечно.

— Я гляжу, вы и в географии поднаторели.

— А как же: я ведь готовилась к этим дальним путешествиям. Жалко, что ваша баржа не на ходу.

— Да, ее с места не сдвинешь. Разве что на буксире.

— Ну что ж, маленький буксирчик, — это ведь, наверно, не так уж дорого?

— И все-таки мне не по карману.

— Ладно, будем считать, что я ничего не говорила.

Некоторое время они шагали молча, потом их

обогнала группа великовозрастных бойскаутов. Один из них остановился и спросил:

— Кэмпинг?

Сидролен жестом показал, что нужно идти прямо, никуда не сворачивая.

Тот жестом показал, что благодарит за указание.

Великовозрастные бойскауты продолжили свой путь в ускоренном темпе.

— Их еще полно здесь, — сказал Сидролен, — а ведь уже осень. Вот ведь настырные! — скоро даже зимой будут сюда наезжать, собьются в кучу и станут спать прямо под снегом.

— А что вы делаете, когда баржу заносит снегом?

— Да просто сгребаю его и — плюх в воду! Иногда и летом вода покрывается чем-то белым вроде снега, но это не снег, а какой-то налет, он похож на мыльную пену или мокрую вату; эту дрянь приносит сверху, там уаттомобильный завод. Я так думаю, они там моют свои колымаги перед тем, как спихнуть их клиентам. Вот мы и пришли.

Сидролен вытащил из почтового ящика фонарик и обследовал загородку.

— Ничего не написано, — сказала Лали, — вы

ведь небось надписи ищете?

— Да.

— Значит, это не в первый раз?

— Нет. Чуть ли не каждый день.

— Кто ж это хулиганит?

— Не знаю. Осторожно, не расквасьте физиономию, тут скользко.

— Вы должны как-нибудь ночью спрятаться, подстеречь этого типа и, когда он появится, задать ему хорошую взбучку; кстати, узнаете, кто он такой.

— Осторожно, не сверзитесь в воду. Ну вот мы и дома.

— А куда это вы намылились?

— Пойду возьму укропную настойку, минералку и пару стаканов.

— А я на что? Это уж мое дело, а вы садитесь.

— Ладно, — сказал Сидролен. — Выключатель справа.

— Знаю.

Сидролен уселся. На палубе вспыхнули лампочки.

— Свежо становится, — сказал он Лали, когда та вернулась с укропной настойкой, минералкой и стаканами. — Я надеюсь, вы не собираетесь торчать на палубе всю ночь?

— Наденьте каскетку. И еще один пуловер.

— А вы что же не пьете?

— Терпеть не могу укропную настойку.

— Конечно, это старомодно, я признаю. Ну, выпейте чего-нибудь другого.

— Нет, спасибо. Мне и так хорошо.

Лали поглядела, как Сидролен наливает себе, и вернулась к прежней теме.

— Значит, вы боитесь провести ночь на улице, чтобы подстеречь этого гада?

— Да нет, не боюсь, просто предпочитаю спать.

— И видеть сны.

— Вот-вот, и видеть сны.

— Ну раз так, ладно! — я сама его подстерегу.

— И сами вправите ему мозги? А вдруг он не один, а с дружками?

— У вас нет револьвера? или карабина?

— Нет-нет, никакого оружия на борту не держу.

И Сидролен так взволновался, что снова налил себе укропной настойки.

— Вы слишком много пьете, — заметила Лали.

— Все мне это говорят.

Лали опять вернулась к прежней теме:

— Я спрячусь, и когда этот тип — или эти типы — начнут малевать свои гадости, я завою страш-

ным голосом, чтобы нагнать на них страху. Я даже могу простыню на голову накинуть. После такого «они» уже больше не вернутся. Или «он» не вернется. Мое такое мнение, что это один человек. Интересно, с чего это он так взъелся на вас?

— Не знаю, — ответил Сидролен бесстрастно, — понятия не имею.

— Но ведь должна же быть какая-то причина! — не унималась Лали.

— Надеюсь, вы не верите тому, что там написано? Я не убийца. И не ублюдок. Ничего похожего. Ничем не провинился. И все же мне пришлось два года отсидеть в КПЗ. А потом они признали, что я невиновен. Я думал, на том дело и кончится. Но не тут-то было, теперь вот появился этот тип со своей мазней, как я выражаюсь, или со своими гадостями, как вы выражаетесь… Надо сказать, мне нравится малярничать, а поскольку дел у меня немного, я этим и занимаюсь помаленьку. Зато моя загородка всегда выкрашена лучше всех на этой пристани. Я вам все рассказываю, хотя, в общем-то, мало об этом думаю. Меня это не трогает. Во всяком случае, не очень.

— И вам не интересно узнать, что он из себя представляет, этот тип?

— Ничуть.

— И все-таки вы должны были бы поинтересоваться.

Сидролен делает вид, будто глубоко размышляет, потом, выдержав долгую паузу, спрашивает:

— Значит, вам хочется, чтобы я провел ночь на улице?

— Похоже, что тот тип трахался на кушетке и каждый раз трахался башкой об спинку, — замечает Лали.

— В общем, идеи у вас неплохие.

Сидролен встал и пошел за одеялом. Он прихватил с собой также бутылку рома, электрический фонарик и палку от метлы — единственное оружие, которое имел в своем распоряжении, если не считать опасно заточенных кухонных ножей.

Снарядившись таким образом, он спрятался, следуя указаниям Лали.

И крикнул ей:

— Гасите свет на палубе!

Что она и сделала.

Сидролен знал один подходящий уголок для засады — там он и расположился, закутавшись в одеяло. Выпил глоток рома и не замедлил крепко уснуть.

Пешедраль подскочил от испуга, когда Сфен шепнул ему на ухо:

— Хозяин идет!

Новоиспеченный виконт де Прикарманъ дремал под сенью пышнолиственного древа, а рядом с ним оба коня выискивали лакомые травки и прекраснейшим образом стерегли самих себя. Герцог же несколько часов как растворился в природе; теперь он внезапно материализовался, держа в поводу одолженного у трактирщика мула, нагруженного тяжкой поклажей.

— Ну вот, дело сделано! — крикнул герцог еще издали.

— Вы закончили? — учтиво спросил Пешедраль, когда его господин подошел поближе.

— Все, дело в шляпе. Завтра отправляемся в Монтиньяк. Тут один малый порассказал мне много интересного об этом местечке. А пока вернемся в Плазак!

И он сел на Сфена, на Стефа же сел Пешедраль, ведя за собою в поводу одолженного у трактирщика мула, нагруженного тяжкой поклажей.

Караван двигался быстро, и Сфен не был расположен к беседе. Под конец герцог даже удивился его неразговорчивости.

— Отчего это, славный мой Демо, — спросил он, — мы сегодня так молчаливы?

— Признаться откровенно, мессир, — ответил

Сфен, — я немного скучаю по нашему замку и частенько думаю: когда ж завижу я родной конюшни стены, — мой отчий кров, любезный сердцу Сфена?!

— Увы! — отвечал герцог, — ничем не могу помочь твоей печали. У меня нет никакого желания отдать себя в руки королевской стражи, а кроме того, я еще не завершил свои работы в этом районе.

— Ну вот, так я и думал, — вздохнул Сфен, — что мы не скоро вернемся в родные пенаты.

— Ты явно страдаешь от ностальгии, — заметил Стеф, которого немногословие товарища подстегнуло к болтовне.

— Ностальгия? — удивился Сфен. — Это слово мне неизвестно.

— Оно появилось в обиходе сравнительно недавно, — сказал Стеф наставительно. — И происходит от греческих слов «ностос», что означает «тоска», и «альгос», что на том же языке значит «возвращение». Следовательно, термин этот вполне приложим к твоему случаю.

— А к твоему случаю приложим термин «логоррея», — парировал Сфен.

— Логоррея? — удивился Стеф. — Это слово мне неизвестно.

— Еще бы! — сказал Сфен. — Я его только что придумал. Оно происходит от греческих слов «реос», то есть бессвязная речь, и…

— Ясно, ясно! — прервал его Стеф. — Я тебя понял.

— А ты уверен, что понял правильно? — хихикнул Сфен.

Тут кони принялись препираться, и перебранка их длилась до самого Плазака. В таверне «Золотое солнце», где герцог остановился под именем господина Эго[60], сидел какой-то священник, осушая кружку за кружкой и беседуя с трактирщиком о политике. Оба целиком и полностью стояли за немедленные реформы, но обоих немного беспокоило превращение Генеральных Штатов в Учредительное Собрание и отставка Неккера.

— Трактирщик! — крикнул господин Эго, входя в залу, где находились оба вышеописанных гражданина, — ты бы лучше приготовил ужин, чем вести диспуты о современной истории. Месье, — добавил он, обращаясь к священнику, — я вас не знаю.

И добавил, обращаясь к трактирщику:

— Я умираю от жажды, подай-ка холодного

---

[60] Примечания: 60

Ego — я (лат.).

вина.

Как только хозяин нырнул в погреб, герцог воскликнул:

— Случайно ли вы здесь, аббат, или же шпионите за мной?

— Господин герцог…

— Месье Эго!

— Ах, вот как, вы желаете…

— Говорю вам, зовите меня месье Эго!

— Месье Эго, я привез вам хорошие новости.

— Сильно сомневаюсь, но это доказывает одно: ты обнаружил мое местонахождение. Какой дьявол тебе помог?

— О, я мог бы ответить вам, благочестиво солгав…

— Не трудись!

— …но я скажу вам правду: молодой Прикарманъ писал письма своей маме.

— Ах он бездельник! Ах он предатель! Да я ему уши с корнем выдерну!

— О, вы не имеете права наказывать его за сыновнюю любовь. Прошу вашего снисхождения и милости, как мы испросили у Его Величества снисхождения и милости для вас.

— Кто это «мы»?

— Монсеньор Биротон, который нынче заседает

в Учредительном Собрании…

— Это еще что за Учредительная чертовщина?

— Так переименовали себя Генеральные Штаты. И ваше присутствие безотлагательно требуется в Париже. В рядах знати очень не хватает делегата от округа д'Ож, а кроме того, Его Величество желает простить вас лично: в конце концов вы всего-навсего защищали свою честь. Но при одном условии…

— Ах, при условии!

— Оно не столь уж обременительно: при условии, что вы займете свое место в Учредительном Собрании.

— Ну, нет, на это не рассчитывайте. Сейчас у меня других дел хватает.

— Можно узнать, каких?

Тут появился трактирщик с несколькими кувшинами вина.

— Оставь нас, трактирщик! — приказал ему господин Это, — ты видишь, я исповедуюсь. Вернись к своим кастрюлям и приготовь нам шикарный ужин, сегодня я угощаю господина аббата.

Трактирщик исчез, но вместо него вошел Пешедраль. Он только что кончил заниматься лошадьми и прибирать тяжелую поклажу. Он воскликнул:

— Господин аббат!

От изумления он никак не мог прийти в себя.

— А ну-ка, поди сюда, бездельник! Предатель! — загремел господин Эго. — Так-то можно тебе доверять? Да я тебе сейчас такую порку задам!

И он поднялся, готовясь исполнить свою угрозу.

— А что я такого сделал? — завизжал Пешедраль, пятясь к двери.

— Ты мог с головой выдать меня королевской страже.

— Ничего не понимаю. Что я такого сделал?

— Ты писал графине де Прикарманъ!

— Ну и что из этого? Господин герцог, что плохого в том, что я писал своей мамочке?

— И вдобавок он зовет меня господином герцогом!

Герцогские руки уже потянулись к пешедралевым ушам, когда аббат Рифент вскричал:

— Пощадите его, месье Эго! Пощадите этого юного левита[61]! Поверьте, графиня строго блюла тайну!

— Чего не скажешь о ее сыночке!

— Не будем больше об этом!

---

[61] Примечания: 61

Левит — служитель храма, жрец в древнеиудейской религии.

— Нет, будем! — упрямился герцог.

— Нет, не будем! — властно перебил его аббат Рифент, — и давайте вернемся к нашим баранам, а вернее, к вашим планам.

— Ладно уж, — сказал господин Эго Пешедралю, — садись да промочи горло этим вот вином кларетом, но только запомни на будущее, что я ненавижу предателей.

— Ну, если писать маме письма — предательство, — вскричал Пешедраль в порыве раскаяния, — то я больше никогда не буду!

— Это мы еще поглядим, — сказал господин Эго и спросил аббата Рифента, — какие такие планы?

— Да ваши, ваши, месье Эго!

— Ага! Тут я вам приготовил хорошенький сюрприз! Но сперва расскажите-ка мне о моей супруге Руссуле.

Аббат Рифент выложил новости о герцогине, каковые новости оказались весьма скверными, ибо названная дама скончалась от полного упадка сил через месяц после гибели Прикарманя. Сообщив это грустное известие, аббат встал, дабы сотворить короткую молитву. Каковую молитву герцог и Пешедраль завершили словом «аминь».

Потом все трое обильно и роскошно поужи-

нали и, будучи сильно усталыми, бух в постель — и заснули.

XV

Сидролен открыл один глаз: утро еще не наступило. Он открыл оба глаза: была еще ночь. Он вздрогнул, что навело его на мысль глотнуть рома, потом взглянул на набережную: никого, если говорить о прохожих. Лишь изредка по шоссе быстро проезжал уаттомобиль. Спустя какое-то время Сидролен понял, что если даже по тротуару и шли прохожие, темнота все равно не позволяла разглядеть их. Он снова вздрогнул и выпил еще глоток рома.

Тихонько встав, он беззвучно подкрался к загородке, внезапно зажег электрический фонарь и описал им широкую траекторию. В поле видимости никого не оказалось. Он подошел еще ближе, пытаясь разглядеть, не намазюкал ли трусливый аноним свои оскорбительные надписи тайком: но нет, трусливый аноним не приходил этой ночью и, может быть, уже не придет.

— Жаль, — прошептал Сидролен, — мог бы выспаться по-человечески.

Он обернулся: ему почудилось, будто кто-то ходит по тротуару рядом с достроенным, но еще не

заселенным домом. Сидролен направил туда свой фонарь, но тот был слишком слаб, чтобы осветить предполагаемый силуэт. Фары проезжавшего мимо уаттомобиля оказались сильнее, и Сидролен смог убедиться, что силуэт не представляет для него никакого интереса.

Погасив фонарь, он сделал несколько шагов.

— Вот что, — сказал он вполголоса, — пойду-ка я погляжу на туристическую турбазу для туристов, — интересно, как она выглядит ночью, перед рассветом.

Он подождал еще немного, но ни один прохожий так и не появился. Обозрев горизонт, Сидролен действительно не увидел никаких прохожих. Тогда он продолжил свой маршрут и вскоре прибыл по назначению. Спокойный, примолкший, угомонившийся туристский народец мирно почивал — кто в автоприцепе, кто в палатке, а кто, наверное, и в спальном мешке, но не под открытым небом, так как небо было покрыто тучами, а под таким, какое Бог послал.

Однако вскоре Бог разверз это самое небо, и пошел дождь — осенний, холодный и частый.

— Вот дерьмо! — сказал Сидролен, — я же вымокну, как пес!

— Заходите погреться, месье.

Это благородное предложение исходило от сторожа туристической турбазы для туристов.

Сидролен подскочил от неожиданности. Сторож продолжал:

— Я, так же как и вы, решил совершить небольшую ночную прогулку, но теперь, раз уж пошел дождь, иду к себе. А вы только что бормотали, что боитесь промокнуть, как пес.

— Вы очень любезны, — сказал Сидролен и проследовал за сторожем в его будку.

Сторож зажег ночник и жестом пригласил Сидролена сесть. Он принялся набивать трубку, попутно рассеянно роняя изречения типа «вот и осень… народишко разбегается… скоро ни одной собаки не останется… одни автоманьяки да еще эти земноводные фанатики-юннатики»; потом, когда ему удалось наконец пережечь часть своего табака на золу, он внезапно сказал:

— А ведь я вас знаю, вот оно как! Каждую вторую неделю месяца я работаю днем и тогда вижу вас. Вы приходите поглазеть на наших клиентов, будто здесь зоопарк. Не пойму, что в них интересного. Уж поверьте мне, ровным счетом ничего. Вот я гляжу на вас и думаю (ибо я думаю, месье, да-да, я думаю!): ба! вот еще один, которому делать не хрена в этой жизни. Я часто гляжу, как

вы полеживаете да дремлете в шезлонге у себя на барже, и думаю (вы небось посчитаете, месье, будто я хочу изобразить дело так, что я непрерывно думаю, но это правда, я думаю куда больше, чем обычно в среднем думают люди, я все время думаю): ба! вот еще один, которому хрен есть чем заняться на этом свете. Или же к вас вижу за столиком на палубе, когда вы наливаетесь укропной настойкой, и тогда я думаю (вы сочтете, будто я преувеличиваю, но я должен все-таки вам признаться, хотя минуту назад поскромничал, что это чистейшая правда: я никогда не перестаю думать), так вот, я думаю: ба! еще один, который злоупотребляет.

— Меня частенько в этом упрекают, — сказал Сидролен.

— Ваша дочь, наверное. Та, что вышла замуж за гортранспортиста. Ну и как она, счастлива?

— Не знаю, я ее не видел с тех пор. Разве только издали.

— Вас не удивляет, что я так хорошо знаю ваше семейство?

— У меня еще две дочери.

— Не больно-то часто они навещают вас.

— Да так, время от времени.

Констатация этого факта как будто погрузила

сторожа в раздумье.

Сидролен продолжал:

— Ну а как вы нашли мою новую домотравительницу?

— Да я ее почти что и не видел. Разве только издали. И тогда я подумал…

Тут сторож запнулся.

Сидролен подбодрил его:

— Не бойтесь, говорите. Что же вы подумали?

Сторож с утомленным видом потряс головой.

— Я подумал…

— Ну-ну?

— Ах, месье, если бы вы знали, как это утомительно — думать! При вашем образе жизни вы — на мой взгляд — не должны слишком страдать от этой пытки, но я, месье, повторяю вам, я никогда не даю роздыха моему серому веществу, даже когда иду в санузел. Вы даже представить себе не можете… Какой вихрь мыслей!

— А сны вы видите? — спросил Сидролен.

— Никогда, месье. Этого я не могу себе позволить. Ведь нужно же мне когда-нибудь и отдыхать!

— А вот я вижу много снов, — сказал Сидролен. — Надо сказать, интересное это занятие — видеть сны.

— Не знаю. Ничего не могу сказать вам по этому поводу.

— Например, многосерийный сон. Встанешь утром, припомнишь его, а на следующую ночь он продолжается. Так что получается одна длинная сплошная история.

— Месье, я глух к вашим словам.

— И вот так я прожил во сне жизнь во времена Людовика Святого…

— Ах, этого… сына Бланки Кастильской…

— …Людовика XI…

— …с человеком в клетке…

— …Людовика XIII…

— …с тремя мушкетерами…

— …Людовика XVI…

— …на гильотину!..

— …нет-нет, пока я остановился лишь на первых заседаниях Учредительного Собрания. Если бы мне не вздумалось сегодня совершить эту ночную прогулку, я, быть может, доспался бы и до Четырнадцатого июля.

— Месье, во мне ваши речи ровно ничего не пробуждают.

— Хотите, я расскажу вам мой последний сон?

— Простите, если я извинюсь, но спрошу: не кажется ли вам неприличным рассказывать

свои сны?

— Вот так же думает и моя домотравительница. Она, знаете ли, тоже думает.

— О месье, я не мешаю думать другим, если они, конечно, на это способны.

— Ну так как же… насчет моей домотравительницы?

— Поскольку вы настаиваете, месье, то вот что я подумал, и подумал в вопросительной форме (я не знаю, в курсе ли вы, месье, но мысль может быть и вопросительной), — так вот, я подумал: где это он ее выкопал, эту особу?

— Да на тротуаре, который вел от Бретани к Занзибару, а то и в Республику Козерога.

— Весьма дальние края. Если я правильно понял…

— Вы правильно поняли.

— … то вы совершили доброе дело.

— И оно длится уже целые сутки.

— Поживем, увидим.

Сторож вытряхнул пепел из трубки на пол и добавил:

— Эту поговорку не я придумал, но она ясно выражает то, что хочет выразить.

Сидролен поглядел в окно.

— Дождь-то кончился, — сказал он. — Пойду к

себе. Спасибо за гостеприимство.

— Не за что, — ответил сторож, вновь набивая трубку. — Простите, если я извинюсь, но, может быть, вы позволите мне не провожать вас?

— Позволю, — сказал Сидролен, вставая.

Открыв дверь, он оглядел землю, превратившуюся в сплошную топь, и сказал сторожу:

— Ваши клиенты небось вымокли, как собаки.

— Им это нравится, — ответил сторож, запаляя табак, набитый в трубку, сделанную из вересового корня, добытого в Сен-Клод, расположенном в горном массиве Юра при слиянии Такона и Бьенны, впадающей в Эн.

— Вы думаете? — рассеянно спросил Сидролен.

— Я часто думал (надеюсь, месье, вы признаете, что я не употребляю глагол «думать» кстати и некстати), — так вот, я часто думал, говорю я, что если бы им не нравилась непогода в тех или иных ее проявлениях, будь то грозы или засуха, ливни или сирокко, мороз или жара, словом, если бы они, продолжаю я, не любили все это, то наверняка устраивали бы свои турбазы где-нибудь в пещерах, которые природа как будто специально создала для этих целей, поскольку они нашли бы там себе убежище, где поддерживается, что зимой, что летом, не говоря уж о промежуточных

периодах типа весны или осени, — итак, где поддерживается, заканчиваю я, в высшей степени ровная температура, чем мудро пользовались наши доисторические предки, которые, как это известно каждому и наверняка известно вам, месье, — итак, которые, добавлю я в качестве заключения, — которые, стало быть, сделали эти пещеры своим любимым местом жительства.

— В этом пункте не все сходятся, — миролюбиво заметил Сидролен. — Теперь специалисты считают, что доисторические люди не обязательно были троглодитами.

— Ишь, какой вы ученый!

— Да, я читал про это в газетах.

— Образование… ох, месье, вот видите, что значит образование! Выучишь что-нибудь в школе, выучишь с трудом, даже с большим трудом, а потом, двадцать лет спустя или даже раньше, куда что подевалось! — все изменилось, все наши знания развеялись в прах, так стоило ли стараться?! Вот почему я предпочитаю думать, нежели учиться.

— Ну, пожалуй, надо идти, — сказал Сидролен.

И, прикрывая за собой дверь, добавил:

— Еще раз спасибо!

Оказавшись на улице, он зевнул, и его пробра-

ла дрожь.

— По-моему, я схватил простуду, — сказал он вполголоса.

Дверь будки отворилась. Сторож крикнул:

— Что вы сказали?

— Пойду сварю себе грог, — крикнул в ответ Сидролен.

— Вы слишком много пьете! — крикнул сторож.

— Заткнитесь там! — крикнули на многих иностранных языках несостоявшиеся троглодиты — кто из автоприцепа, кто из палатки, а кто и из спального мешка, иначе говоря, из луж, где они мирно плавали в этих спальных мешках.

Сидролен с трудом перебрался через зловонную топь, отрезавшую будку сторожа от выхода с турбазы. Выйдя на тротуар, он зашагал быстрым шагом — но не настолько, однако, быстрым, чтобы не угодить под новый ливень. Подойдя к «Ковчегу», он забыл поглядеть, не испачкана ли перегородка свежими надписями. То и дело плюхаясь в зловонную грязь, он подобрал одеяло и бутылку рома, брошенные под кустом, за которым он нес ночную вахту, но оставил на месте палку от метлы.

Его трясло все сильнее и сильнее. Благополучно

одолев мостки, он проглотил множество порошков разного цвета, перемежая их глотками рома. Потом улегся в постель. На улице занимался весьма среднего качества рассвет.

Покончив со своей мессой и выйдя из церкви, аббат Рифент встретил поджидающего его герцога.

— Сейчас позавтракаем и тотчас же отправимся в путь, — сказал герцог тоном, не терпящим возражений.

Аббат взглянул на солнце — июльское солнце, уже довольно высоко поднявшееся над горизонтом.

— Вы боитесь жары? — спросил герцог. — Не беспокойтесь: там, куда я вас везу, будет прохладно. К столу!

— Какова сегодняшняя увеселительная программа? — спросил мимоходом Сфен у Пешедраля, который ретиво кинулся к столу.

— Будем прогуливать аббата, — ответил Пешедраль и нырнул в таверну.

— Надеюсь, не на моей спине, — вздохнул Стеф. — У меня нет никакого желания беседовать с аббатом: он такой отъявленный спорщик — спит и видит, как бы посадить вас в лужу.

— Ты всегда можешь сбросить его в эту самую

лужу, — посоветовал Сфен.

Стеф щелк-и-смолк. Сфен чих-и-стих.

Младший конюх из таверны, никчемный бездельник, подвел и привязал рядом с ними хозяйского мула; мул был уже взнуздан. Как только парень ушел, Сфен сказал Стефу:

— Вот видишь, нечего было расстраиваться заранее!

— Кто тебе сказал, что этот мул не предназначен Пешедралю? А мне достанется кюре.

— Слушай, ты мне действуешь на нервы! Принимай жизнь такой, какая она есть. А поскандалить всегда успеешь.

— Все равно меня тошнит при одной мысли о том, что на меня взгромоздится священник. Ох, вот уж не везет так не везет! Что ты хочешь, — не могу я смирить свой нрав, ты ведь меня знаешь.

Мул с восхищением внимал им, — сам он владел лишь несколькими словами на лимузенском диалекте и не хотел позориться перед столь блестящими знатоками классического лангдойля[62]. Обед, без сомнения, оказался чересчур обильным, ибо прошло не менее двух часов, прежде чем герцог, паж и аббат сели наконец в седло и

---

[62] Примечания: 62
Лангдойль — диалект северной части Франции.

— прощайте, милые друзья!

Проехав почти два лье, они спешились в чистом поле. Лошади и мул были поручены Пешедралю, который тут же развалился под деревом.

— Дальше мы пойдем пешком, — объявил герцог.

— А что это у вас в руках? — осведомился аббат.

— Фонарь.

— Фонарь — средь бела дня?

— Пока это мой маленький секрет.

Озадаченный аббат благоразумно воздержался от расспросов по поводу веревки, которую герцог также прихватил с собой.

Они шли через поля, через луга, через леса, через пустоши, через вересковые заросли. Аббат недовольно ворчал и, будучи мало расположен к созерцанию природы, на все корки бранил Жан-Жака Руссо, крапиву и чертополох, а попутно обдирал ноги о камни, число которых возрастало с каждым туазом. Потом пришлось одолевать довольно крутой склон, и наконец запыхавшийся аббат Рифент догнал герцога возле какой-то расщелины в скале.

— Ну а теперь, аббат, — сказал герцог, с трудом подавляя довольный смешок, — смотрите, что вы

сейчас увидите.

— Ох, господин герцог, — кисло-сладким тоном отозвался Рифент, — вот уж прогулка, которой я никак не одобряю.

— Войдем, — сказал герцог.

Аббат поглядел вокруг.

— Туда, — сказал герцог, указав на щель.

И он начал протискиваться в узкий лаз.

Аббат круто развернулся и поспешил назад, к своему мулу, а там и к таверне «Золотое солнце», что в Плазаке.

— Эй, вы! — заорал герцог, — а ну-ка вернитесь!

Аббат остановился. Он услышал громовой хохот герцога.

— Уж вы не боитесь ли? — крикнул ему герцог.

Обернувшись, аббат видит герцога, уже наполовину скрывшегося в щели. Аббат находит это зрелище скорее комичным, нежели пугающим. Он кричит в ответ:

— Господин герцог, вам надлежало бы занимать свое место на скамье Генеральных Штатов, а не валять дурака в Перигоре.

Герцог вновь хохочет. Аббат исправляет один пункт в своей речи:

— Я хотел сказать, на скамье Учредительного

Собрания.

И он опять поворачивает назад, по направлению к своему мулу, а там и к таверне «Золотое солнце», что в Плазаке; видя это, герцог выкарабкивается из щели, ставит наземь фонарь и бежит вслед за аббатом. Невзирая на тучность, он без труда нагоняет его, хватает за шиворот и за штаны и водворяет на прежнее место. И вот они опять стоят перед расщелиной в скале.

— Так бесцеремонно обращаться с духовной особой! — верещит запыхавшийся аббат. — Этого я вам никогда не прощу, господин герцог.

— А нас никто не видел, — спокойно парирует герцог, — и я никому не расскажу. Давайте лезьте!

— Вы намерены убить меня? — восклицает Рифент.

Герцог опять хохочет.

— Ах, как же я не подумал раньше! — лепечет аббат. — Именно так: он хочет меня убить! Он хочет меня убить!

Герцог добродушно спрашивает:

— Да за каким чертом ты мне сдался — кончать тебя?

— Наверное, чтобы я не выдал вашего убежища.

— Ну, хватит, Рифент, успокойтесь, не собираюсь я вас убивать. Забудем на минуту современные дрязги и обратимся к нашему прошлому, а может быть, даже и к богословию. Следуйте за мной!

И герцог снова принялся протискиваться в щель.

— Уж не адские ли это врата? — спросил, слегка успокоившись, аббат. — Однако же современное богословие помещает ад вне пределов земли, в противоположность верованиям наших предков. Ньютонова физика позволила нам отбросить их суеверия, близкие к материализму. Что, впрочем, отнюдь не доказывает, что ада нет. Хвала Господу!

— Кончайте свои проповеди, все равно вы попали пальцем в небо.

Теперь на поверхности торчала лишь герцогская рука; схватив Рифента, она повлекла его в глубь расщелины. Рифент исчез.

— Держитесь за эту веревку, — послышался голос герцога, — и смелей вперед!

Аббат хватается за веревку и следует за герцогом, держащим в руке фонарь. Они безмолвно продвигаются вперед.

В безмолвной тьме продвигаются они вперед.

В темном безмолвии продолжают они продвигаться вперед.

Без забот и без хлопот — тут веревка подмогнёт, там фонарь осветит ход — продвигаются вперед, как воды набравши в рот.

Правда, безмолвие не совсем полное, ибо раздается все же шум шагов. И тьма тоже не совсем кромешная, ибо в руке у провожатого хоть и слабо, но светит фонарь.

Итак, продвигаются вперед, как воды набравши в рот. И вдруг:

— Господин герцог…

— Не бойтесь ничего, аббат, вы же видите, я здесь, с вами.

— Господин герцог, вы не находите, что я неробкого десятка?

— Эй, Рифент, я вижу, недра земные пробудили в вас тщеславие?

— Вполне простительный грех, принимая во внимание настоящую ситуацию. Вы меня, возможно, ведете в ад или к смерти, а я иду, глазом не моргнув. Разве это не замечательно?

— Эй, Рифент, это уже даже и не тщеславие, а гордыня. Вспомните, гордыня — смертный грех и заводит, как вам известно, весьма далеко.

— Признай вы мои заслуги сразу, господин

герцог, мне не пришлось бы настаивать.

— Ладно, сейчас поглядим, — отозвался герцог.

Эта загадочная фраза на несколько секунд заткнула аббату рот. Герцог продвигается вперед, как воды набравши в рот, а за ним аббат идет, без забот и без хлопот, — где веревка подмогнёт, где фонарь осветит ход, и свет этого фонаря в конце концов привлекает внимание аббата, который возобновляет беседу в таких словах:

— Какой стойкий свет у вашего фонаря, господин герцог.

— Очень.

— Я бы назвал его холодным, неколебимым и неугасимым.

— Таков он и есть.

— Вы шутите, господин герцог.

— Никоим образом.

— Не хочу вас обидеть, но мне что-то не верится.

— Гляди!

Герцог остановился, повернулся и сунул фонарь под нос аббату, чье лицо стало теперь единственным светлым пятном в гротескном мраке. Фонарь озарил тонкие губы аббата Рифента, его огромный нос, пронзительные черные глазки, щетинистые брови и бычий лоб. Рифент внима-

тельно вгляделся, но ничего не понял. Поскольку он не любил выглядеть дураком, он рискнул высказать следующую гипотезу:

— Какое-нибудь современное изобретение?

— Не угадали.

— Изобретение господина Лавуазье? или господина Вольта? или господина аббата Нолле?

— Повторяю вам: не угадали.

Рифент, в ярости от бессилия разрешить загадку, уже начал жалеть, что затеял этот разговор. Состроив пренебрежительную гримасу, он бросил:

— Игрушка!

— Игрушка?! — загремел герцог д'Ож, — да это просто-напросто неугасимый философский свет — последняя тайна и щедрый дар Тимолео Тимолея.

— Ах, этого…

Аббат уклонился от света фонаря и, оказавшись в тени, услыхал смех герцога, который отвернулся от него и вновь зашагал вперед. Аббат решил, что без крайней надобности он больше рта не раскроет. Наконец смех затих, а ходьба во тьме все продолжалась.

Но даже ходьбе во тьме приходит конец. Герцог объявил:

— Мы пришли!

И остановился. Аббат Рифент последовал его примеру.

— Как вы полагаете, где мы находимся? — спросил герцог.

— Во мраке.

— А что мы сейчас увидим?

— Ничего особенного.

Аббат Рифент был в дурном расположении духа. Но герцог не обратил на это ни малейшего внимания. Он продолжал свою речь в таких торжественных словах, произнесенных торжественным тоном:

— В пещере этой некогда обитали преадамиты.

Аббат Рифент, преисполненный презрения, не отозвался на это ни звуком.

Герцог поднес фонарь к стене пещеры и сказал:

— Смотрите!

Аббат Рифент, преисполненный презрения, искоса глянул на стену.

— Видите? — спросил герцог.

— Д-да, — неохотно ответил аббат.

— И что же вы видите?

XVI

Окончательно преисполненный презрения, аббат Рифент ответил:

— Детскую мазню.

— Браво, аббат! Преадамиты отличались детской наивностью и потому, разумеется, рисовали, как дети. Я вас за язык не тянул, аббат, вы сами льете воду на мою мельницу. Люди, создавшие эти рисунки, нет, эту живопись, — обратите внимание, что изображение цветное, — или эти гравюры, — обратите внимание, что на скале сделаны насечки, — итак, люди эти жили еще до первородного греха и были, как дети, о которых Иисус толкует в Евангелии. Эти преадамиты и есть авторы данных рисунков — свидетельства их существования. Они, стало быть, жили в этих пещерах, где находили кров и убежище против катаклизмов, сотрясавших нашу землю, такую же молодую, как они сами.

Герцог поднес фонарь к лицу Рифента и спросил, что он обо всем этом думает.

— Господин герцог, — сказал иронически аббат, — я задам вам всего лишь один вопрос.

— Задавайте мне ваш всего один вопрос, аббат.

— Если преадамиты жили в этой пещере, каким же образом они освещали ее? Может, у них уже тогда был ваш «философский свет», или они видели в темноте?

— У них были кошачьи глаза, — ответил герцог. — Вы опять льете воду на мою мельницу. Поскольку у них не было философского света, они могли полагаться лишь на свое собственное кошачье зрение.

Аббат, уязвленный тем, что сам подсказал герцогу ответ на вопрос, который считал неразрешимым, решил, однако, так просто не сдаваться:

— А как же вы объясните тот факт, что никто никогда не упоминал о них, и в первую очередь Священное Писание?

— Прошу прощения, аббат, а те гиганты, о коих говорится в Книге Бытия, глава шестая, строфа четвертая? Ага! Нет, вам меня не сбить!

— Стало быть, по вашему мнению, многие тысячелетия назад гиганты с кошачьими глазами забавлялись тем, что малевали, как малые дети, картинки на стенах пещеры Перигора?

— Смейтесь, смейтесь, аббат, но я вас разбил по всем пунктам. Впрочем, почему одна пещера, — их ведь множество. Я вам все их покажу.

— Эти пещеры должны быть очень велики, чтобы вмещать ваших гигантов.

— Глядите же!

Герцог направил луч фонаря вверх, к сводам, и свет затерялся в вертикальном колодце, которому не было конца. Потом он повел фонарем во все стороны, и аббат Рифент смог убедиться, что они находятся в необъятном, поистине бескрайнем подземном зале.

Его охватил священный трепет.

— Ну что? — спросил герцог, — не правда ли, здесь так же красиво, как в Сен-Сюльпис[63]? Ну а рисунки эти… по-моему, вы слегка поторопились объявить их детскими. Взгляните-ка на этого мамонта… на этих туров… на эту лошадь… на этого оленя. Грёз — и тот не нарисовал бы лучше.

— Давайте договоримся, — возразил Рифент. — Только что вы настаивали на том, что ваши гиганты были чисты и невинны, теперь же изображаете их опытными живописцами — ну прямо тебе академики!

— Если дети больше не могут быть такими же опытными, как академики, — парировал герцог, — то это исключительно по вине Адама, его

---

[63] Примечания: 63

Церковь Сен-Сюльпис в Париже расписана Эженом Делакруа.

ребра, его яблока и его падения. А до того…

И он глубоким вздохом почтил прекрасный преадамитский союз чистоты и мастерства. Водя фонарем вдоль стены, герцог продолжал показ:

— Глядите… глядите… эти бегущие лошадки… эти пасущиеся олени… эти нападающие зубры… эти мамонты… прямо слышишь, как они трубят.

— Должен признать, что все это довольно любопытно.

— Ага! — довольно вскричал герцог, — вы, я вижу, человек прямодушный.

— В конце концов, почему бы им и не существовать — этим гигантам-художникам с кошачьими глазами, коль скоро вы оставляете мне Адама с его падением?!

— Ничего я вам не оставляю. Я употребил слово «прямодушный» в качестве стилистического оборота.

— Господин герцог, я начинаю сомневаться, можно ли назвать прямодушным вас.

— Но вы же признали факт существования моих преадамитов…

— Погодите, погодите, я ведь сказал: коль скоро вы мне оставляете…

— Да будет вам торговаться! Ничего я вам не оставляю, аббат, вы уже стали преадамитофилом.

Впрочем, сейчас я вам представлю другие доказательства в других пещерах. Пошли!

Они выбрались наверх; аббат протер глаза и, взглянув на окружающий пейзаж, сказал:

— Господин герцог, теперь, когда я вижу это небо, эти деревья, эту траву и камни, этих порхающих птичек, я спрашиваю себя, не фантасмагория, не сон ли все, что я увидел там, в пещере. И я сильно подозреваю, что ваш фонарь скорее магический, нежели философский. Вы позволите мне осмотреть его?

Герцог протянул фонарь аббату, и тот вынужден был признать, что не обнаружил в нем ровно ничего магического, а всего лишь кое-что философское.

— В путь! — скомандовал герцог, забирая фонарь у аббата.

Найдя Пешедраля, мула и лошадей, они отправились из Руфийяка в Тайяк, где и заночевали после осмотра новых пещер. На следующее утро они продолжили свой путь в Монтийяк, подле которого осмотрели то, что герцог величал Сикстинской капеллой преадамитов. Ужинать они вернулись в Плазак.

Сидя в таверне, они попивали молодое винцо — для затравки, в ожидании плотной заправки.

Аббат проявлял все признаки активного размышления, а герцог изо всех сил подавлял улыбку — отчего лицо у него сморщилось, как у обезьяны, — и заранее молча торжествовал победу. На третьем стакане кларета аббат взял слово и сказал так:

— Все это очень смутно.

— Погодите, настоящая смута еще и не начиналась, — возразил герцог д'Ож. — Вот когда я объявлю о моем открытии всему свету, Церковь зашатается на своих устоях, а Папа задрожит от ужаса. Когда же весь свет признает мое открытие, Церковь и вовсе рухнет, а Папа, чтобы заработать на хлеб, сам к себе пойдет первым хлебодаром.

— Господи боже мой! — прошептал аббат Рифент. — Куда мы идем?!

Только что герцог собрался ответить на этот вопрос, как в таверну ворвался Пешедраль, а следом за ним всадник — пеший, но в костюме всадника.

— Господин герцог! — вскричал Пешедраль, — господин гер…

— Кто тебе разрешил прерывать меня? Я, правда, и не говорил, но намеревался сказать фразу, представляющую огромный интерес для аббата Рифента в частности и для всего духовного мира

в целом.

— Новости из Парижа, господин герцог! — продолжал Пешедраль, даже и не подумав извиниться.

— Ну и что?! Подумаешь, какая важность — новости из Парижа! Самые интересные новости теперь здесь. И исходят они от меня.

— Это как посмотреть, — нагло заявил Пешедраль. — Они взяли Бастилию.

— Кто это «они»?

— Народ Парижа, — ответил всадник — пеший, но в костюме всадника. — Все узники освобождены, а король вновь призвал господина Неккера[64]. Отныне государственные цвета Франции — белый, красный, голубой.

— Опять фиаско! — шепчет герцог. — Кому теперь нужны мои преадамиты!

— Церковь спасена! — ликующе восклицает аббат, складывая ладони для благодарственной молитвы.

Все эти реплики сильно озадачили всадника — пешего, но в костюме всадника. Он сказал:

— Господа, хотя ваши речи мне и непонятны, я вижу, вы люди благородные. Позвольте предста-

---

[64] Примечания: 64
Неккер Жак (1732–1804) — государственный деятель, финансист.

виться: сир де Сри.

— Черт подери! — воскликнул герцог, — да это же мой зять! А я вас не признал. Мы так редко видимся. Да и брюхо вы нагуляли порядочное. Ну а как моя дочь Пигранелла, — часто ли она нагуливала себе брюхо?

— Она умерла бесплодной, — отвечал сир де Сри с легким отвращением.

— Бедняжка! — промолвил герцог и, повернувшись к аббату, добавил: — Ну, аббат, можете помолиться за нее, поскольку молитвы, по-видимому, еще некоторое время будут действительны.

Потом он вновь обратился к де Сри:

— А как же это вы очутились здесь? Меня разыскивали?

— Отнюдь. Я эмигрирую.

— Вы что — ласточка?

— Я сказал не «мигрирую», а «эмигрирую». Я кончил «тосковать по гаваням Европы»[65]... Мне очень не нравится то, что здесь творится, а народ Парижа, по-моему, готов перерезать всех аристократов; я уж не говорю о крестьянах, которые начали жечь наши замки. И вот я пробираюсь окольными путями в Байонну, а там отплыву в

---

[65] Примечания: 65

Намек на строку из стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль»: «Я начал тосковать по гаваням Европы».

Англию.

— Почему именно в Англию?

— А почему бы и нет?

Герцог призадумался, затем сказал:

— В общем-то, Сри, это не такая уж плохая мысль. Что до меня, то я отправлюсь в Испанию, где меня примет мой превосходнейший друг граф Альтавива-и-Альтамира.

— А я, — вмешался аббат, — вернусь в Париж, к моему доброму народу, который, сам того не зная, спас Церковь, что убедительно доказывает наличие некоего чуда.

— Ну а ты? — спросил герцог Пешедраля, — поедешь со мной?

— Я! Я лучше вернусь к маме. Я не хочу, чтобы у нее сожгли замок.

— Ну и дурак! — возгласил герцог. — Неужто у тебя нет желания повидать дальние страны?

— Есть, господин герцог.

— Вот видишь! Сри, мы поедем на рассвете все втроем, а аббата оставим его погромщикам. Кстати, не слыхали ли вы чего нового о моем превосходнейшем друге Донасьене? Его-то хоть освободили?

Тут принесли заправку. За беседою, в которой одни беседовали с другими, они плотно поужи-

нали и, поскольку все эти треволнения весьма их утомили, то они тут же — бух в постель и задали храпака.

Рано поутру Сидролен, питавший крайнее отвращение к этой мерзкой процедуре, все же засунул себе в задний проход термометр. Некоторое время спустя он бережно извлек его оттуда и убедился, что температура у него подскочила выше некуда; впрочем, ему даже не требовалось справляться с градусником, чтобы констатировать болезнь, ибо чувствовал он себя препаршиво, но поскольку ему все равно предстояло обратиться к помощи человека искусства, он боялся, как бы тот не разбранил его за то, что он, Сидролен, не может проинформировать его с точностью до одной десятой градуса о своей термической неуравновешенности. Потом Сидролен подождал. Спустя довольно долгий период времени, который вылился примерно в час, у него явилось желание опорожнить мочевой пузырь. Кашляя, дрожа и хрипя, он встал; пошатываясь, качаясь и вихляясь, он вышел из каюты. Лали заметила, что он направился в туалет.

— Надо же! — весело крикнула она ему, — как вы сегодня раненько! Кофе уже готов!

Сидролен не ответил.

По возвращении, когда она вторично пригласила его отдать должное завтраку, он опять не ответил. Вернулся к себе в каюту. Примерно еще через час в дверь к нему постучали.

Он приказал войти, и Лали исполнила приказ.

— Что-нибудь не ладится? — спросила она.

— Да, не слишком.

— Это я виновата, из-за меня вы простудились этой ночью.

— Вот-вот.

— Наверное, даже дождь шел.

— Проливной.

— Надо было уйти домой.

— Я и пошел.

— Но слишком поздно.

— И я так никого и не увидел.

— Надо было мне помолчать.

— Не переживайте.

— Вы на меня сердитесь?

— Ничуть.

— Значит, и правда неважно ваше дело.

— Неважно.

— Я сбегаю за врачом.

— Да хватит с меня и порошков. Сходите в аптеку, там вам что-нибудь дельное присоветуют.

Лали потрогала у Сидролена лоб.

— Ого, да вы горите, как в огне.

— Да, я уж тут намерил тридцать девять и девять.

— Сбегаю-ка я за врачом.

И она тут же скрылась.

Сидролен вздрогнул и задремал.

Вскоре Лали появляется вновь. Врач спрашивает, какая у больного температура. Сидролен отвечает, что у него где-то в районе примерно тридцати девяти и девяти десятых. Врач пишет что-то на листке бумаги и исчезает. Лали появляется.

Сидролен глотает кучу лекарств.

Он закрывает глаза, но снов не видит.

Он пьет какие-то горячие штуки.

Сквозь густой пар от горячих штук до него доносится голос Лали:

— Вы не говорили месье Альберу, что вам нужна сиделка.

Она смеется. Сидролен изображает бледную улыбку и закрывает глаза.

Герцог д'Ож, сир де Сри и виконт де Прикарманъ, в просторечье именуемый Пешедралем, подъезжают к Байонне.

Время от времени Сидролен открывает глаза.

Он глотает лекарства время от времени.

Он чувствует себя каким-то размякшим и размокшим.

Кстати, именно поэтому самое тяжкое для него — ходить в туалет. Он чуть ли не на карачках ползет туда. Лали хочет поддержать его. Он отказывается. Она говорит:

— О, я-то знаю, что это такое.

Сперва Сидролену стыдно, потом, опростав-шись, он об этом забывает.

В общем-то жизнь у него не такая уж плохая.

Он спрашивает себя, как там Лали выходит из положения, ведь она — новичок на барже. Но, судя по всему, она из положения выходит, так что Сидролен успокаивается и закрывает глаза.

Ему случается и засыпать.

В Байонне трое спутников расстаются. Герцог д'Ож и виконт де Прикарманъ, в просторечии именуемый Пешедралем, продолжают свой путь в Испанию. Контрабандисты наверняка помогут им перейти границу.

Сидролен чувствует себя получше. В иллюминатор заглядывает солнечный лучик. Приятно сознавать, что на свете есть хорошие медики и хорошие медикаменты. Лали приносит ему очередную горячую штуку для питья и порошки, — это не последние, но, вполне возможно,

предпоследние.

Лали говорит:

— Вам как будто начинает легчать.

— Вроде бы.

Сидролен пока осторожничает в своих прогнозах.

Октябрь месяц близится к концу. Все и вся провозглашают:

— Необыкновенная осень!

Термометр, погруженный в атмосферную тень, показывает почти летнюю температуру.

Сидролен выбирается на палубу — полежать в шезлонге и погреться на солнышке.

И тут они наконец являются узнать, как его дела. Теперь-то, конечно, дела идут как нельзя лучше. Они — то есть дочери — с любопытством разглядывают Лали. Они не третируют ее, нет. Но на своего отца они тоже смотрят с любопытством.

— А на вашей загородке опять надписи, — сообщает Люсет.

— Зачем тебе понадобилось огорчать его?! — говорит Сигизмунда.

— Хотите, я их замажу? — предлагает Йолант.

— Ты испачкаешь свой совсем новый костюм, — говорит Бертранда.

— Спасибо, — говорит Сидролен, — сам справлюсь.

Лали пошла принести чего-нибудь — промочить горло дамам и господам.

Бертранда говорит Сидролену:

— Ты должен купить ей телевизор. Ей же скучно будет сидеть тут с тобой. Особенно по вечерам.

— Откуда ты знаешь? — говорит Люсет Бертранде.

— Не дури! — говорит Сигизмунда Люсету.

— Он не так уж не прав, — говорит Йолант Сигизмунде.

— Оставьте вы папу в покое, — говорит Бертранда всем троим, а потом обращается к Сидролену: «Послушай меня, купи ей телевизор!»

Лали возвращается с напитками, потом тактично исчезает.

Бертранда одобрительно замечает:

— А она ничего, эта малышка.

— В ней есть класс, — говорит Люсет.

— Вот балда, — говорит Йолант, — можно подумать, ты в этом что-нибудь смыслишь.

— Подфартило тебе! — говорит Сигизмунда Сидролену.

— Ну, теперь, когда мы убедились, что все в порядке, — говорит Бертранда, — можно и домой.

Они сидят еще немножко, допивая напитки. Потом возвращаются к разговору о телевизоре. Бертранда настаивает:

— Купи ей телик. Заодно и сам развлечешься.

— Да и просвещает, — говорит Йолант.

Они так увлеклись разговором о телевидении, что уходят не очень скоро.

На следующий день объявляется Ламелия.

— Бертранда сказала мне, что ты болел. Но я гляжу, ты уже пошел на поправку. Кто ж за тобой ухаживал?

Легким кивком Сидролен указывает на Лали, которая драит палубу.

— А она ничего, эта малышка. Тебе подфартило.

Сидролен изображает на лице нечто вроде: да, мол, похоже на то.

Затем он произносит два слова, в вопросительной форме:

— А ты?

— Ты хочешь знать, как мои дела — с замужеством и прочее?

— Да.

— С Бубу?

— С кем?

— С моим мужем. Ему дали отпуск на неделю.

Мы съездили в свадебное путешествие.

— Куда?

— В Перигор. Не из-за трюфелей, а по более глубоким причинам: чтобы повидать всякие доисторические дыры. Мы их все осмотрели: Ласко, Руфиньяк, Эйзи, Фон-де-Гом и другие. Здорово они все-таки рисовали — эти палеолитики. Их лошади, их мамонты, ну, в общем… ясно, да? (жест).

— Фальшивые.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Все фальшивые.

— Ну, если бы они были настоящие фальшивые, это бы стало известно.

— Мне известно.

— Откуда ты это знаешь?

— Знаю.

— Во сне, что ли, видел?

— Все это намалевал один тип в восемнадцатом веке.

— С чего вдруг он стал бы все это малевать?

— Чтобы утереть нос кюре.

— Ты шутишь, папа. Или грезишь. Лучше купил бы себе телевизор, это очень просвещает.

— Знаю.

— Ну, теперь, когда я убедилась, что все в порядке, можно и домой.

Поднявшись на набережную, Ламелия подает Сидролену знаки — не для того чтобы попрощаться, а потому что на загородке появились новые граффити. Ламелия увидела это; бросив швабру, она достает кисть и банку с краской.

Сидролен ложится в свой шезлонг. Он глядит на Лали, взбирающуюся на откос.

Он закрывает глаза.

И вот он скачет на коне бок о бок со своим превосходнейшим другом графом Альтавива-и-Альтамира. За ними следует Прикарманье. Алчные роялисты-контрабандисты за бешеные деньги перевели их через границу.

— Вы правильно поступили, приняв решение эмигрировать, Жоакен, — говорит граф на том изысканном французском, на котором всякий интеллигентный европеец изъяснялся в те времена. — Вспомните только ночь на четвертое августа, когда французские аристократы наделали, осмелюсь сказать, таких кромешных глупостей.

— Не стану с вами спорить, — отвечает герцог.

— Ну, а как вы собираетесь проводить время в Испании, Жоакен, пока не окончатся все эти беспорядки? В нашей стране нравы суровые, и кроме коррид вам тут вряд ли сыщется какое-нибудь

развлечение, Жоакен.

— Займусь живописью.

— О, это и в самом деле приятная забава. Мне никогда не приходило в голову заняться живописью. А как пришла эта мысль к вам?

— Во сне.

— Я не ослышался: во сне?

— Да, вы не ослышались: во сне. И в этом сне Фелица, младшая из моих дочерей — та, слабоумная, — как будто вернулась из Рима и рассказала мне, что видела там Сикстинскую капеллу; и тогда я сказал себе: да ведь я тоже художник!

— Что же вы пишете, Жоакен? Натюрморты? Цветы? Баталии?

— Пещеры.

— То есть искушение Святого Антония?

— Нет! Я пишу на стенах пещер.

— Но, Жоакен, кто же тогда увидит ваши труды?

— Преисторики.

— Это французское слово мне незнакомо. Что оно означает?

— Я объясню вам позже. Скажите, нет ли у вас подходящего местечка в том же роде, где я мог бы поупражняться в живописи?

— Именно что есть — и как раз в моих владени-

ях, — ответил граф Альтавива-и-Альтамира.

XVII

Выздоровев, Сидролен вновь занялся окрасочными работами.

Положив последний мазок, он отступил на пару шагов для лучшего обзора результатов своего труда. От этого обзора он получил некоторое удовлетворение; вот тут-то он и услыхал, как его окликают. Он обернулся. У тротуара стоял уаттомобиль с прицепом, чуть позади и сбоку виднелся другой уаттомобиль, буксирующий за собой закрытый фургон. Судя по номерным знакам, весь караван явился из провинции. Водитель первого уаттомобиля высунулся из него с вопросом:

— Извините, где тут туристическая турбаза для туристов?

— Это очень просто. Все прямо и прямо, примерно в пятистах метрах отсюда.

И Сидролен добавил:

— Знаете, в это время года она, наверное, уже закрыта.

— Поеду все же взгляну. Спасибо.

И водитель, втянув голову под свой панцирь, включил зажигание.

Но перед тем как отъехать, он крикнул Сидролену:

— А ведь я тоже художник!

Сидролен поглядел вслед машине с фургоном. Он подождал с четверть часика, а потом и двадцать минут, чтобы посмотреть, не вернется ли случайно этот караван, найдя туристическую турбазу для туристов закрытой. Прождав час и так никого и не увидев, Сидролен спустился по склону и пошел прибрать банку с краской и кисть. Лали чистила картошку. Сидролен спросил:

— Будете жарить?

— Нет, запеку картофель с сыром.

— Я предпочитаю жареный.

— А сегодня будет запеченный картофель с сыром.

— Ладно, — сказал Сидролен. И добавил:

— Пойду прогуляюсь. В сторону туристической турбазы для туристов. Туда еще народ едет.

— Интересно поглядеть.

— Так что, никак нельзя жареный?

— Ух, вот тиран! Ладно, будет вам жареный.

— Так, чтобы одни ломтики были мягонькие, а другие твердые, как древесная кора.

— А для меня, — сказала Лали, — среднее между тем и этим.

— А может, половину картошки запечь с сыром, а другую половину пожарить — одну так, другую эдак, а третью часть — среднее между тем и этим?

Лали не ответила.

— Ладно, — сказал Сидролен, — пойду погляжу, что там делается.

Туристическая турбаза для туристов почти опустела, но все же пока функционирует, хотя и довольно вяло. Сидролен не находит там того, что искал, — обнаруживает он это в ста метрах дальше. Обе машины с прицепом стоят вдоль тротуара; рядом, на тротуаре, толкуют о чем-то двое мужчин и две женщины. Сидролен подходит, потом минует эту маленькую группку; водитель головной машины не узнает его. Сидролен удаляется метров на пятьдесят, потом возвращается назад. Поравнявшись с той же группой, он обращается к человеку, что расспрашивал его о базе:

— Знаете, это вон там (жест). Она как будто еще открыта.

— Месье, — говорит тот, — я, по-моему, вашего мнения не спрашивал.

— Однако только что спрашивали, — парирует Сидролен, — и я еще не кончил вам его высказывать.

С этими словами Сидролен продолжает свой путь.

— Месье! — кричат сзади.

Он останавливается. Водитель догоняет его. Он говорит:

— Эти олухи… они не принимают нас из-за лошадей. Почему, скажите на милость, мои лошади не могут заниматься туризмом?

Сидролен не отвечает.

Тот переспрашивает:

— Вы согласны?

Сидролен отвечает:

— Мы с вами друг другу не представлены.

— Это верно.

Караванщик протягивает руку и представляется:

— Ож.

— Сидролен, — представляется Сидролен. Они пожимают друг другу руки. Ож добавляет:

— Как видите, я попросту. Если вы маляр, то я герцог.

— Я не маляр, — говорит Сидролен, — я арматор. Владею баржой и лодкой.

— Я вовсе не хотел вас обидеть, — говорит герцог. — Всякий труд почетен. Как я вас недавно информировал, я также в свое время имел дело

с красками, что, в общем-то, неординарное занятие для герцога — герцога, участвовавшего в крестовых походах. Я даже специализировался по стенным росписям. Это занятие в вашем духе, если угодно.

— Угодно, — отзывается Сидролен.

— Пойдемте, я представлю вас своей дочери. Фелица, познакомься, это господин Сидролен.

— Бе-е-е! — отвечает Фелица.

— А это мой тренер и друг Прикармань. Виконт де Прикармань.

— Сидролен, — представляется Сидролен.

— И его мама.

— Привет! — говорит графиня де Прикармань.

— Лошадям я вас представлю как-нибудь в другой раз, — говорит герцог. — Ну ладно, теперь, когда лед тронулся и мы познакомились, — не близко, но вполне достаточно для того, чтобы наладить контакты в социальном плане, — контакты явно поверхностные, но, кто знает! — многообещающие и плодотворные как для одной стороны, так и для другой, сам пока не знаю, в какой области, — впрочем, вполне возможно, что вот в какой: месье Сидролен, не могли бы вы, являясь местным жителем, указать нам такую обитель, не слишком удаленную от центра горо-

да, где мои лошади, моя дочь, Прикарманье, его мамаша и я могли бы сочетать туристические радости со столичными утехами?

Тут герцог повелительным жестом воспретил Сидролену отвечать незамедлительно.

— Откровенно говоря, — продолжил он, — я хоть и принадлежу к знатному роду, тем не менее являюсь провинциалом, как это явствует из моих номерных знаков. Я сельский помещик, дворянин во крестьянстве, так сказать, и потому предпочитаю свежий воздух всяким там ванным и туалетам городских отелей.

— Ваше право, — ответил Сидролен. — Что же до пожеланий, которые имели быть высказаны вами не далее как несколько секунд назад, я, признаться, не вижу, чем вам можно помочь. Здесь, в округе, есть конюшни, вы могли бы на время сдать туда ваших лошадей.

— Никогда! — отрезал герцог.

— Как же вы поступали раньше?

— Да не было никакого «раньше»! Это мой дебют в туризме.

— Не сказать, чтобы он был удачен.

— Месье Сидролен, которого я пока так мало знаю, — надеюсь, вы не хотели меня обескуражить, вернее, обезгаражить?

— Сами видите: ваш кураж не помог найти гараж.

— Месье Сидролен, которого я пока так мало знаю, — по-моему, вы резонируете совсем как аббат Рифент.

— Аббат Рифент… — промолвил, нахмурясь, Сидролен, — аббат Рифент… это имя мне что-то напоминает.

— Это имя прославили газеты, — сказал герцог. — Он полжизни провел под землей.

— Ах, да! — воскликнул Сидролен. — Это тот самый знаменитый преисторик.

— Мой бывший капеллан, — уточнил герцог.

— Ишь ты, черт возьми! — удивился Сидролен. — У вас есть средства содержать личного капеллана?

— Разумеется, — ответил герцог. — Но я его уволил — по причине атеизма. Моего личного атеизма, хочу я сказать. Хотя и сам он… ну, в общем… а, впрочем, займемся лучше нынешней ситуацией. Итак, месье Сидролен, где я мог бы расположиться — на природе, но поблизости от центра города?

— Трудно сказать, — сказал Сидролен. — Скверы у нас для туристов закрыты.

— О Боже! — вздохнул герцог. — Где то золотое

времечко, когда при каждой таверне имелась своя конюшня! В современных гостиницах даже гаражей нет.

— Ну почему же, бывают и огараженные отели, — ответил Сидролен.

— Вот видите, я был прав! — сказал герцог. — Вы резонируете совсем как аббат Рифент.

Сидролен пропустил мимо ушей это обидное сравнение и спросил, извинившись за нескромный вопрос, почему герцог обременяет себя этими двумя лошадьми. Разве не лучше им было бы пастись на каком-нибудь нормандском или беррийском пастбище?

— Им нравится город, — пояснил герцог. — И время от времени у них возникает потребность приобщиться к городской жизни. Они так давно не видели столичного города!.. и теперь им интересно побывать в новых кварталах и полюбоваться достопримечательностями — по крайней мере теми, что достойны их внимания.

— Странно как-то мне вас слушать, — сказал Сидролен.

— Я устраню эту странность, — ответил герцог. — Поскольку вы, месье Сидролен, явно бессильны, невзирая на ваше искреннее стремление, помочь мне, указав туристическую турбазу

для туристов-лошадей, мы продолжим свой путь и расположимся где-нибудь на опушке того леска, что виднеется там, на горизонте.

— Это сад для публичного гулянья, — возразил Сидролен, — берегитесь, там штрафанут!

— Наплевать мне на этого штрафанута! — отрезал герцог. — Прощайте, месье. Эй вы, в путь!

И герцог садится за руль головной машины, рядом с ним Прикарманъ. Графиня ведет вторую машину, рядом с ней Фелица. Все отъезжают. Сидролен замечает в окошке фургона головы лошадей. Они вполне похожи на лошадиные головы.

Он неторопливо возвращается домой. Дойдя до загородки, он рассеянно вглядывается в достраиваемое здание напротив, — там еще ведутся работы в подвале и на крыше. Кто-то машет Сидролену с той стороны шоссе; Сидролен ловко переходит последнее, не дав ни одному уаттомобилю сбить или хотя бы зацепить себя.

— Вот вы-то, наверное, и можете дать мне справку, — говорит Сидролен.

— Я думаю! — отвечает сторож, — но вы, наверное, удивлены, видя меня здесь. Мне предложили место консьержа в этом доме. Я зашел поглядеть, подходит ли оно мне.

— Ну и как, подходит?

— Я думаю! Значит, теперь я ваш сосед.

— Так вот какую справку я хотел у вас получить…

— Слушаю вас, — говорит сторож.

— Тут одних людей выставили с вашей турбазы.

— Да она через пару дней закроется.

— Нет, не в том дело. Их выставили, потому что с ними две лошади.

— Цыгане, что ли?

— Вовсе нет. Герцог, графиня, виконт и слабоумная девица.

— И две лошади?

— И две лошади. В фургоне. Вы случайно не знаете, где они могли бы приткнуться? Не слишком далеко от центра, потому что их лошади очень давно не видали столичного города и теперь им интересно побывать в новых кварталах и полюбоваться достопримечательностями — по крайней мере теми, что достойны их внимания.

— Это что — сон? — спрашивает сторож.

— Вы думаете? — спрашивает Сидролен.

— Ах, я вижу, вы запомнили этот мой грешок! — сказал сторож с довольной улыбкой. — Ну да, я думаю. Как только встаю, так сразу начинаю ду-

мать. Как только ложусь, так тоже сразу начинаю думать. И в промежутке все думаю, думаю. Значит, подумайте… вот видите, я уже навязываю свою маленькую манию другим… итак, подумайте, нуждаюсь ли я в отдыхе после целого дня усиленной работы моего головного мозга. И я даю ему покой, я засыпаю и сплю без снов. Что касается ваших лошадей в фургоне, которые желают посетить столицу, то я склонен думать — поскольку вы спрашиваете моего мнения, — итак, я склонен думать, что вы увидели их во сне.

— Значит, вы не знаете такой турбазы, где бы их приютили?

— Вы увидели это во сне!

— Недалеко от центра.

— Вы видели это во сне!

— Для всех них: герцога, машин и прочего.

— Вы видите это во сне!

— А вот и они, — сказал Сидролен.

Герцог затормозил. Сторож побледнел, попятился и исчез.

— Он не ценит экспериментальный метод, — вполголоса констатировал Сидролен.

— Что вы сказали? — переспросил прохожий.

— Вы были правы! — крикнул герцог.

— В другой раз, — сказал Сидролен прохожему,

который немедленно испарился.

Сидролен подошел к машине.

— Там действительно полно фараонов, в этом леске, — сказал герцог, — прямо с души воротит.

Он высунулся из машины и взглянул на дом.

— Вы живете здесь? — спросил он.

— Нет, напротив, на барже. Не хотите ли выпить со мной?

— Я, ей-богу…

— Вон там есть место для стоянки, пользуйтесь случаем. И приходите, попробуете мою укропную настойку.

— Ладно, не откажусь.

Караван покатил к стоянке, расположенной чуть поодаль. Сидролен осторожно и ловко перешел шоссе и встал у загородки, дожидаясь своих гостей.

Они спустились по склону, — Сидролен во главе шествия, непрестанно повторяя:

— Осторожно, не расквасьте себе физиономии. Когда они проходили по мосткам над зловонной тиной, он сменил пластинку:

— Осторожно, не сверзитесь в воду.

Графиня заметила:

— Издали-то оно довольно миленько, а вблизи — кошмар!

— Да, вода на вид грязновата, — ответил Сидролен, — но она не застойная. Так что грязь то и дело меняется. Иногда я ее разгоняю палкой, и она уплывает вниз по течению. Но с той стороны, и верно, сильно пованивает.

— Что пованивает? — спросил герцог.

— Отбросы, — пояснил Сидролен.

И добавил:

— Не стукнитесь головой. Вот здесь у меня кубрик, или, по-вашему, салон.

— Ничего, вполне! — оценила графиня.

Сидролен позвал:

— Лали!

На зов явился некто — не то персона, не то персонаж, — скорее женского пола, но облаченный в штаны, закатанные до колен, бело-голубую тельняшку и каскетку с названием судна; в руке этот некто сжимал швабру.

— Привет! — сказала графиня.

Остальные промолчали. Сидролен попросил как можно быстрее принести стаканы, минералку и бутылку укропной настойки.

— А какая у вас марка? — спросил герцог.

— «Белая лошадь», — ответил Сидролен.

Когда Лали скрылась, герцог прокомментировал эту проблему в таких словах:

— Конечно, я предпочел бы ту, что гоню из укропа, взращенного на моих землях по рецепту Тимолео Тимолея…

— Это имя мне что-то напоминает, — пробормотал Сидролен.

— Знаменитейший алхимик. Знаменитейший по крайней мере для тех, кто его знал. В словарях он не упоминается.

— И вы его знали?

— Ну еще бы! Я работал под его руководством. Был у него лаборантом, — не смотри что герцог! Видите ли, когда дело доходит до дела, я не строю из себя невесть кого.

— Ну и как, открыли вы философский камень или эликсир долголетия?

— Хотите откровенно? — спросил герцог.

— Хочу, — ответил Сидролен.

— Ни черта мы не открыли, — признался герцог.

— Одну только укропную настойку? — спросил Сидролен.

— Ну, ее-то хоть пить можно, — сказала графиня.

— Бе-е-е! — отозвалась Фелица.

Лали проворно внесла большой, заставленный посудой поднос.

Налив всем присутствующим, она уселась со стаканом в руке. Сидролен сказал гостям:

— Позвольте представить вам мою невесту. Потом обратился к Лали:

— Герцог д'Ож… виконт де Прикарманъ… мадам… э-э-э…

— Графиня де Прикарманъ, — сказала графиня де Прикарманъ.

— И мадемуазель… э-э-э…

— Мадам, — поправил герцог, — мадам де Плакси.

— Привет, — говорит Лали.

— Бе-е-е! — отзывается Фелица.

— А знаете, — говорит герцог, — она совсем недурна — ваша укропная настойка.

— Вполне достойна одобрения, — говорит Прикарманъ.

— Не слабо! — говорит его мамаша.

Одна лишь Фелица не выражает удовольствия, поскольку пьет не настойку, а минералку.

— Надо бы напоить лошадей, — говорит герцог.

— Я схожу, — вызывается Прикарманъ.

— Ведро найдете на корме, — говорит Лали.

— Сфен и Стеф, верно, совсем потерялись в догадках, куда это мы делись, — говорит герцог.

— А вы всегда держите их в курсе своих дел? — спрашивает Сидролен.

— Так им больше нравится, — отвечает герцог.

— Это что — циркачи? — спрашивает Лали у Сидролена.

— Не знаю, — отвечает Сидролен Лали. — Во всяком случае, они туристы. Их не пустили на турбазу из-за лошадей.

— Из принципа не пустили? — спрашивает Лали, — или потому что это старые клячи?

— Это прекрасные кони! — возражает герцог.

— Ну, выпить мы выпили, — говорит графиня, — что дальше будем делать? Эмигрировать?

Герцог не ответил, он рассеянно поглядел вокруг, потом негромко сказал:

— На этой барже должно быть довольно много места.

XVIII

Жоакен д'Ож проснулся в превосходном настроении: он спал всю ночь крепким сном без снов. Приведя себя в презентабельный вид, он поднялся на палубу; никто из пассажиров на барже еще не вставал. Герцог помочился в реку, от души наслаждаясь веселым журчанием струи, разбивавшейся о гладь вод. На другом берегу уже рассаживались рыбаки. Ранние пташки — гребцы — стрелой пролетели мимо баржи. Герцог оглянулся: Сфен и Стеф выщипывали лакомые травки из чахлой растительности, покрывающей косогор. По набережной с монотонным жужжанием вихрем проносились уаттомобили.

Герцог ступил на твердую землю и подошел к лошадям.

— Ну что, мой славный Сфен, как вы себя здесь чувствуете?

— Для полного счастья нам следовало бы превратиться в горных козлов.

— Ничего, привыкнете. Зато какая тренировка!

— А мы еще долго тут пробудем?

— Не знаю, — ответил герцог. — Возможно, что мы уже прибыли к месту назначения.

— Мы со Стефом предпочли бы, чтобы это место было более плоским.

— Какой-нибудь ровный лужок, — добавил Стеф.

— И потом, — продолжал Сфен, — тут и закусить-то как следует нечем.

— Скоро Пешедраль принесет вам сена.

— Когда это еще будет! Лодырь он, ваш Пешедраль. Не мешало бы вам задать ему хорошую трепку.

— Терпение, терпение, мой славный Сфен! Дадим невинным душам покой и сон.

— Ладно, дадим, — согласился Сфен. — Ну а вы как себя чувствуете на борту этого недвижного судна?

— Всю жизнь спал и видел поселиться на барже, — ответил герцог. — И теперь я доволен сверх меры.

— Рад за вас, — сказал Сфен. — Вот нам бы побольше сена да овса…

— Терпение, терпение, мой славный Сфен!

На палубе появилась Лали.

— Кофе? Чай? Шоколад? Бульон? — крикнула она герцогу.

Герцог радостно вскинулся.

— Очень крепкий черный кофе, — ответил он, — тосты с очень толстым слоем масла, очень густой английский джем, очень хорошо зажаренную яичницу и очень острые свиные сосиски.

Черт возьми, жизнь на воде возбуждает аппетит!

Лали исчезла, никак не прокомментировав заказ.

На палубе появляется Пешедраль.

— Лошади заждались! — тотчас кричит ему герцог. — Надеюсь, в фургоне еще остались овес и сено?

— Если и нет, — отвечает Пешедраль, протирая глаза, — я схожу за ними на рынок. Хорошо ли спалось господину герцогу?

— Превосходно. Признаюсь, наш десант прошел весьма удачно.

— А мой завтрак? Где и когда я могу позавтракать?

— Сперва накорми Сфена и Стефа. Там, наверное, еще осталось, чем заморить червячка.

Пешедраль исчезает в направлении фургона.

На палубе появляется графиня де Прикарманъ.

— Хорошо ли вам спалось, сестрица? — спрашивает герцог.

— Привет! — отвечает ему графиня.

Появляется Фелица. Она целует своего папу.

— Бе-е-е! — говорит она.

Лали кричит:

— Подано!

Все собираются в кубрике и весело рассаживаются. Вскоре к их команде присоединяется и Пешедраль. На столе аппетитно дымится горячий-прегорячий кофе. Тут же, рядом, тосты толсты и нетолсты, джемы и масленки с маслом.

— А яичницы нет! — замечает герцог.

— А яичницы нет, — подтверждает Лали.

— И сосисок нет! — замечает герцог.

— И сосисок нет, — подтверждает Лали.

— Ну и ладно! — беззаботно говорит герцог.

Он уже заглотнул семь тостов вместе с жировыми и фруктово-ягодными субстанциями, намазанными на них сверху.

— А месье Сидролен еще не встал? — спрашивает он.

— Вот он я, — отвечает Сидролен, садясь за стол.

— Я прекрасно выспался, — сообщает ему герцог. — И я весьма благодарен вам за гостеприимство, хотя оно и не сопровождалось сосисками.

— Мы примем к сведению, — отвечает Сидро-

лен. — Правда, Лали?

— Не сопровождалось сосисками, — подтверждает Лали, — и яичницей тоже.

— А как поживают лошади? — спрашивает Сидролен.

— Они находят ваш косогор слишком крутым, — отвечает герцог. — И не очень расположены карабкаться по нему, точно горные козлы.

Тут Пешедраль, хотя ему никто не предлагал говорить, вмешивается с такими словами:

— А вот по поводу…

— По какому поводу? — осведомляется герцог.

— По поводу лошадей. Когда я нес им сено из фургона, я заметил, что на дверце у месье Сидролена кто-то написал ругательства.

— В мой адрес? — спрашивает герцог, грозно хмуря брови.

— Нет-нет, успокойтесь, — говорит Сидролен. — В мой.

— Кто-то имеет на вас зуб? — спрашивает герцог.

— Вполне возможно. С тех пор как я здесь поселился, кто-то упражняется в остроумии на моей загородке и дверце. Я замазываю краской. А он пишет поверх.

— И вы не знаете, кто это?

— Никакого представления не имею.

— А вам никогда не приходило в голову подстеречь его?

— Однажды ночью я сел в засаду. И подхватил жуткий вирусный бронхит, вот и весь результат.

— Пешедраль! — торжественно возгласил герцог. — Вот подходящий подвиг для нас, рыцарей, — мы избавим господина Сидролена, нашего хозяина, от его писуна.

— Ох, ну зачем же! — сказал Сидролен. — Вы слишком любезны.

— Мы его схватим на месте преступления, — продолжал герцог, — и повесим на первом же дереве этого бульвара.

— Вы знаете, — прервал его Сидролен, — вы знаете… тогда у нас будут неприятности.

— Это еще почему?

— Неприятности с полицией.

— Как! — вскричал герцог. — Да неужто вы не в своем феодальном праве вершить правосудие, казнить и миловать?! Не вы ли, после Господа Бога, властелин и хозяин на своей барже?!

— Да, но деревья на бульваре не имеют отношения к моей барже.

— Тогда мы бросим этого паршивца в воду. Крепко связанного, конечно.

— Боюсь, что это тоже…

— Ну ладно, тогда просто отрежем ему уши.

— Нет… не стоит…

— Ну хотя бы несколько пинков в задницу?..

— Это можно… при необходимости…

— Но тогда, месье Сидролен, на меня не рассчитывайте. Пинки в задницу какого-то писуна! Да никогда в жизни я не унижусь до того, чтобы пачкать об него подошвы моих сапог. Опуститься до такого!..

— Господин герцог, господин Прикармань, я, право, очень тронут вашим предложением, но, в конце концов, до сих пор я как-то выходил из положения, пусть же оно так дальше и идет. Это ведь самая мелкая статья моего бюджета: одна банка краски в месяц, ну и конечно, одна кисть в год. И потом, опять же, для меня развлечение, а иначе что бы я малевал?!

— Вообще-то я знаю еще несколько пещер… — мечтательно промолвил герцог. — Но оставим это.

Внезапно он треснул кулаком по столу и заорал:

— Ну так что, Пешедраль, неужто мы проявим слабодушие?! Нет, тысяча чертей, нет! Пусть месье Сидролен болтает что угодно, а мы изло-

вим этого писуна, — потом поглядим, как с ним поступить.

— Слово Прикарманя! Изловим!

— Изловите! — крикнула графиня де Прикарманъ.

— Бе-е-е! — отозвалась Фелица.

Словом, шуму получилось предостаточно.

— Ну а пока, — сказал Сидролен, — пойду-ка поработаю кистью.

И он вышел в сопровождении Лали. Лали спросила:

— Скоро они уедут?

— Не знаю, об этом разговора не было.

— Так что же, подавать им завтра утром яичницу и сосиски?

Сидролен достал банку с краской и кисть.

— Если это не слишком сложно, — ответил он. — Покажем себя щедрыми вельможами.

И Сидролен ступил на мостки.

— Раз мы жених и невеста, — сказала Лали, — может, стоило бы перейти на «ты»?

— У вельмож принято обращаться на «вы».

Лали возвращается к своим обязанностям. Сидролен проходит мимо Сфена и Стефа. Он смотрит им в глаза.

— До чего ж у них умный вид! — замечает он

вполголоса, — только что не говорят.

— Это почему же мы не говорим? — обижается Сфен. — Ах, черт! — добавляет он, топнув оземь правым передним копытом, — ведь Жоакен советовал мне не открывать рта.

Сидролен опомнился лишь на тротуаре. По дороге он пролил немного краски из банки.

— Странно, — говорит он вполголоса, — действительно странно.

— Что вы сказали?

Этот вопрос исходит от остановившегося прохожего.

— Так что же «действительно странно»?

Сидролен принимается замазывать краской дверцу.

— Да так, — отвечает он.

— Месье! — восклицает разъяренно прохожий, — вы непозволительно оскорбляете любопытство людей: интригуете их, а потом молчите. Нет, месье, так, знаете ли, не поступают!

И он удаляется, сердито размахивая руками.

Сидролен никак не комментирует этот инцидент.

Потом он слышит, что его окликают. Это консьерж из дома напротив — не совсем законченного, но и не совсем незаконченного. Консьерж

стоит перед своей дверью, на противоположном тротуаре. Сидролен отвечает на приветствие и продолжает работать.

Немного погодя появляются его гости. Они обсуждают план действий. Пешедраль должен закупить сено и овес на рынке Инно[66], герцог посетит дворец Алхимии, дамы отправятся к портным. Это все в первой половине дня. Пообедают они в городе, в каком-нибудь из ресторанов-люкс. Вторая половина дня будет посвящена осмотру различных достопримечательностей, планируется также посещение кинотеатра. Затем ужин — опять в ресторане-люкс, но уже в другом. Вернутся они не слишком поздно и займутся поимкой писуна.

— А лошади? — спрашивает Сидролен. — Они разве не собираются гулять по городу?

— Завтра, — отвечает герцог. — Когда мы изловим вашего типа.

— Не вижу связи, — замечает Сидролен.

— А ее и нет, — отвечает герцог.

И тут лицо его омрачается.

— А ведь верно, — шепчет он. — Бедняга Сфен, бедняга Стеф! Они так мечтали полюбоваться

---

[66] Примечания: 66

Имеется в виду давно не существующий рынок «Чрево Парижа» в квартале дез Инносан (ныне Ле-Алль).

красотами столичного города Парижа! Неужто я стал эгоистом? Месье Сидролен, я краснею от стыда! У вас доброе сердце, месье Сидролен. Вы абсолютно правы, я не должен обрекать своих друзей на скуку заточения, пока сам развлекаюсь. Пешедраль, мы отправимся в Инно верхом, а дамы пускай возьмут машину. Пешедраль, иди за Сфеном и Стефом.

Лошади приведены, они дуются.

— Мой славный Демо! — говорит герцог.

Сфен по-прежнему дуется.

— Ну-ну, славный мой Демо! — повторяет герцог. — Я ни на минуту не забывал о тебе. Мне просто нужно было побеседовать с месье Сидроленом. Я и не думал оставлять вас здесь и лишать удовольствия любоваться вместе с нами красотами столичного города. Не правда ли, месье Сидролен?

Внимательно вглядевшись в лицо Сидролена, легко понять, в какую корнелевскую[67] ситуацию он угодил: соврать ли коню, как сивому мерину? уличить ли во вранье гостя?

Сидролен находит весьма элегантный выход из

[67] Примечания: 67

Герои пьес П. Корнеля часто стоят перед необходимостью выбора между благородным, но гибельным поступком и спасительным предательством.

положения. Он говорит герцогу:

— Вы обращаетесь к нему так, словно он понимает человеческий язык. Но разве бывают говорящие лошади? Наверное, только во сне. Или в сказках.

Герцог же не находит элегантного выхода из положения. И говорит:

— Какого черта вас волнует мое обращение с конем? Я от вас жду только одного — правды. То есть подтверждения, что я ни на минуту не забывал о тебе, славный мой Демо.

— Господин д'Ож, — сказал Сидролен, — выслушайте эту антимему, чтобы не сказать силлогизм: если этот конь разумеет человеческую речь, значит, он очень умен. А если он очень умен, то он уже раскусил, в чем тут загвоздка. С другой стороны, если он умен, значит, он добр, а если он добр, значит, он найдет в себе силы простить обыкновенную рассеянность хозяина, и этот пустяк не омрачит вашей дружбы.

И, повернувшись к Сфену, Сидролен спросил:

— Не правда ли, Сфен?

Сфен улыбнулся — чуточку грустно — и пукнул.

— Милый мой Демо! — сказал герцог.

И он сел в седло. Пешедраль последовал его

примеру, и они ускакали; за ними отправились дамы на машине, предварительно отцепив от нее фургон; отцепиться помогала Фелица. Сидролен продолжал красить загородку. Консьерж исчез.

Потом показалась Лали, она собралась на рынок.

— Ну так что — решено? Покупать сосиски?

— Будем щедры, как истинные вельможи, — ответил Сидролен.

Итак, Лали уходит на рынок. Сидролен докрашивает загородку. Затем, положив на место банку и кисть, он отправляется в кубрик — прилечь до обеда. На обед подаются свиные сосиски. Ровно в пятнадцать часов тридцать две минуты Сидролен сообщает Лали:

— Я спал почти без снов. Всего лишь один и увидел: коротенький и малоинтересный. Рассказать?

— Нет, — отвечает Лали.

— Да он совсем коротенький.

— Тем более. И потом, мне пора в парикмахерскую.

Возвращается она лишь к ужину. Сидролен тем временем наведался на туристическую турбазу для туристов и констатировал, что на сей раз она закрыта окончательно и бесповоротно. Он вер-

нулся домой. В сумерках он взял шест и отогнал к центральному течению реки вонючие отбросы, скопившиеся между баржой и берегом. Потом стал ждать ужина.

На ужин подаются свиные сосиски.

Затем Лали закуривает сигарету и достает колоду карт, завернутую в зеленую скатерку, явно спертую в каком-нибудь бистро. Она раскладывает пасьянс, сощурив правый глаз из-за дыма бычка, который зажала в зубах. Потом она гасит бычок. В первый сеанс не вышел пасьянс. Лали закуривает вторую сигарету и начинает вторично раскладывать пасьянс. Сидролен молча глядит, как она с ним управляется. Во второй сеанс вновь не вышел пасьянс. Лали начинает опять, и так повторяется много раз. Перед ней вырастает груда окурков. Скоро уже будет двадцать три часа семь минут. В двадцать три часа семь минут возвращаются гости; они рассаживаются в кубрике. Лали заканчивает свой пасьянс и только после этого приносит укропную настойку.

— Надо поднабраться сил для поимки вашего писуна, — весело говорит герцог.

— Вы уверены, что вправду должны… — начинает Сидролен.

— Ну-ну-ну! Что за церемонии! Сейчас малость

отдохнем — и в засаду.

— Я пойду с вами.

— Ах, оставьте! Мы с Пешедралем прекрасно справимся сами.

— Привет! — говорит графиня.

Этим она желает сказать, что ей пора ложиться спать.

— Бе-е-е! — говорит Фелица.

Этим она желает сказать, что ей тоже пора ложиться спать.

И обе они действительно идут ложиться спать.

— Все прошло благополучно? — спрашивает Сидролен у герцога, который, судя по его виду, не слишком расположен отправляться в засаду.

— Что именно?

— Ваше турне по столице.

— Сфен и Стеф в полном восторге.

— А вы сами? А месье Прикарманъ?

— Ну… порой нам приходилось тяжко — столица очень изменилась.

— А вы давно здесь не бывали?

— Да уж больше века, — спокойно ответил герцог.

Пешедраль кашлянул.

— Я хочу сказать: сто лет здесь не был, — поправился герцог. — Вот, к примеру, уличное

движение: у нас получились неприятности с этим уличным движением. Сфен и Стеф не привыкли к таким скоростям. А городские сержанты вручили нам целую кучу каких-то бумажонок, с которыми я не знаю, что и делать.

И, вынув бумажки из кармана, герцог разорвал их на мелкие клочки.

— Но самая большая кутерьма случилась при осмотре этой вашей железной башни, — продолжал герцог. — Сфен непременно пожелал взойти на четвертый этаж, но ему удалось добраться лишь до второго. К счастью, там оказались какие-то люди с киноаппаратом, и благодаря им все уладилось. Стоит появиться киношникам, как и невозможное возможно, и дорога дальняя легка, но тем не менее Сфену не удалось подняться выше второго этажа.

— А другой? — спросил Сидролен.

— Что «другой»?

— Другой конь?

— Стеф? Он вообще не захотел подниматься. У него голова кружится на высоте.

— По-моему, вам уже пора в засаду, — сказала Лали.

— Еще глоточек укропной настойки, и мы бежим, — ответил сговорчиво герцог.

— Ну а ресторан? — спросил Сидролен.

— Да так себе, — ответил герцог. — Порции мизерные — больной птичке разок клюнуть! — а в меню ни одного из тех блюд, что я так любил «встарь и до нынешних времен»: соловьиный паштет с шафраном, торт из каштанов на мышином сале, заливной кабан с подсолнуховыми семечками, и ко всему этому — жбан доброго вина.

И герцог допил свой стакан, сопроводив это следующим замечанием:

— Что мне нравится в укропной настойке, так это то, что она ни с чем не рифмуется. Я имею в виду слово «укропная».

— Разве только взять ассонанс[68], — заметила Лали.

— Это недопустимо! — отрезал герцог.

— А вы еще и поэт? — спросил Сидролен.

— Гм… гм… — замялся герцог, — ну, мне случается иногда сляпать шансонетку…

— Вот это для меня новость! — воскликнул Пешедраль. Нарушив таким образом свое почтительное молчание, он тут же отлетел по параболе в другой конец кубрика, сшибая по пути стаканы.

---

[68] Примечания: 68

Ассонанс — созвучие гласных звуков (как правило, ударных) в неточных рифмах типа «грусть — озарюсь».

Пока он поднимался, охая и потирая ту часть тела, что расположена между ухом и затылком, герцог как ни в чем не бывало заканчивал фразу, обращенную к Сидролену: —…но, главное, я живописец. Как вы.

Потом он воскликнул:

— Послушайте, что мне пришло в голову: если мы так или иначе помешаем вашему писуну писать, то что же вы будете тогда замазывать? Ведь без такого дела вы почувствуете себя совсем неприкаянным.

— Я учту, — говорит Сидролен. — Я это учту.

— Ну ладно, жребий брошен, *andiamo*[69]! — как говорил Тимолео Тимолей. Пешедраль, ты осмелился перебить меня, но я тебя прощаю. Следуй за мной, и давай покажем месье Сидролену, на что мы способны. Чао! — как говорил все тот же Тимолео Тимолей.

И они выходят.

— Собираетесь их дожидаться? — спрашивает Лали.

— Так будет приличнее, — отвечает Сидролен.

Лали гасит сигарету, собирает карты в футляр и заворачивает его в зеленую скатерку. Потом

---

[69] Примечания: 69
Пошли! *(ит.).*

встает и говорит:

— Что это за люди, хотела бы я знать.

Сидролен пожимает плечами. Потом отвечает:

— Это нас не касается.

Лали возражает:

— Ну, это не ответ. И потом, наоборот, это вас касается.

Сидролен говорит:

— Мне иногда чудится, будто я видел их во сне.

— Это ничего не проясняет.

— О, просто у меня такое ощущение.

— Вам лучше знать. Я — и сны… ничего общего!

На пороге Лали еще раз спрашивает:

— Значит, будете их ждать?

— Да, придется, — говорит Сидролен.

Лали выходит.

Сидролен разворачивает зеленую скатерку и достает карты. Он принимается раскладывать пасьянс.

Вновь появляется Лали.

— Ну а лошади? — спрашивает она.

— Что «лошади»?

— Странные истории творятся с этими лошадьми.

— Еще более странные, чем вы думаете, Лали.

Одна из этих лошадей — говорящая. Я сам слышал, как она говорит.

— И что же она рассказывает?

— Она было выругалась, но я не стал задерживаться и дослушивать ее.

— А вы не во сне ли это увидели?

— О, в моих снах лошади говорят очень часто, и ничего странного в этом нет.

Лали опять садится. И говорит:

— Подожду-ка я вместе с вами.

Она берет карты и спрашивает:

— Сыграем?

— Неплохая мысль, — спокойно говорит Сидролен.

И они проиграли до самой зари.

XIX

На рассвете там, снаружи, поднялся гвалт.

— Застукали голубчика! — сказала Лали.

Сидролен ничего не ответил.

Гвалт усилился, к нему присоединились всевозможные ругательства, оскорблятельства и проклятельства.

— Большой шухер в лавочке! — констатировала Лали.

Гвалт приближался; наконец дверь распахнулась, какой-то человек влетел в нее и рухнул прямо на стол, очистив его от карт, скатерти, стаканов, бутылки и пепельницы. Зашвырнув свою жертву внутрь, герцог и Пешедраль заботливо и крепко заперли за собою дверь. Человек восстановил было вертикальное положение, но тут же должен был сесть, силою принужденный к тому обоими своими противниками.

— Вот так! — сказал довольный герцог. — Неплохая работенка?

— Я протестую! — завопил пойманный. — Это похищение! Это консьержнаппинг! Нет, консьержехищение! На помощь! На выручку! Это

ошибка, ужасная ошибка! Я хотел застукать тех, кто пачкает вашу загородку, а эти типы навалились на меня! Может, они-то на ней и пишут!

— Ах ты, гнусный клеветник! — вскричал герцог и, размахнувшись, отвесил крикуну оплеуху.

— Караул! Позор! Рецидив! Оскорбление личности! Послушайте, месье, вы-то меня знаете!

Сидролен говорит герцогу и его конюшему приспешнику-виконту:

— Сядьте, пожалуйста, давайте послушаем объяснения этого господина, я его и в самом деле знаю.

Затем он обращается к консьержу, он же бывший сторож туристической турбазы для туристов:

— Месье, я и правда знаю вас в лицо, но мне неизвестно ваше имя.

— Луи-Антуан-Бенуа-Альбер-Леопольд-Антуан-Нестор-Шарль-Эмиль Ла-Баланс.

— Длинновато, — замечает Сидролен.

— А почему у вас там два Антуана? — спрашивает герцог.

— Один раз в честь отца, второй — в честь деда. Что касается длины, то обычно всё это сокращается до Ла-Баланс-бис.

— А еще покороче нельзя? — спрашивает Сид-

ролен.

— Вообще-то меня зовут Лабаль.

— Так вот, месье Лабаль… — начинает Сидролен.

— Оставьте Лабаля в покое, так будет совсем коротко.

— Ну так вот, месье…

— А по какому праву вы меня допрашиваете, месье Сидролен?

— Дайте ему в ухо, — вполголоса советует герцог.

— Нет у меня никаких прав, — говорит Сидролен, — а вы имеете полное право не отвечать мне.

— И он им воспользуется, — вставляет герцог.

— Ладно, — говорит Лабаль, — при таких условиях я согласен рассказать вам свою историю.

— Ах ты, Боже мой, историю! — говорит герцог в сторону.

— Это краткая, но потрясающая история.

Лабаль перевел дух, собрался с духом и повел свою речь в таких словах:

— Имя, которое я ношу, господа, обрекло меня на необыкновенную судьбу. Баланс, как вам известно, свойствен весам, иначе говоря, символу правосудия, и всю свою жизнь я стремился

способствовать его торжеству на земле, — разумеется, в меру своих слабых сил. И если общество наделило меня столь знаменательным именем, то природа, со своей стороны, одарила меня серым веществом головного мозга необычайной активности, и я уже с младых ногтей отчетливо понял, что официальное правосудие — это не что иное, как звук пустой, и дал себе клятву компенсировать своими личными усилиями упадок и ничтожество государственных судебных органов. Таким образом, я сам, лично, укокошил от трехсот до четырехсот человек, приговоренных, по моему мнению, к чересчур мягкому наказанию; если эта цифра удивляет вас, то я вам признаюсь, что меня интересуют лишь самые тяжкие преступления, и единственной контрмерой против судебных ошибок я считаю смертную казнь. Не беспокойтесь, — я действую лишь после того, как долго обдумываю интересующий меня случай. Вот это, господа, как раз и отличает меня от обыкновенных судей: я думаю. А мысль — это тяжкое бремя, господа, тяжкое бремя, всю тяжесть которого вам невозможно даже оценить, но на эту тему я не собираюсь сейчас распространяться, поскольку однажды вечером уже обсудил ее с месье Сидроленом. Как бы то ни было, я нанялся

— по причинам, которые вас не касаются и которые долго объяснять, — я нанялся, повторяю, ночным сторожем на туристическую турбазу для туристов и, возвращаясь домой на рассвете, часто замечал оскорбительные надписи на загородке отрезка набережной перед баржой, на борту коей вы нынче находитесь, да и я сам также нахожусь, правда, против воли. Упорство, с которым возобновлялись эти надписи, навело меня на мысль — а вы, верно, уже убедились, что, когда я говорю «мысль», я не употребляю это слово всуе — итак, оно навело меня, повторяю, на мысль, что их автор, быть может, такой же борец за правосудие, как и я сам, то есть в некотором роде мой конкурент. И это мне не понравилось. Если все пожелают вершить правосудие на свой лад, начнется такая нераздериха, что только держись; я считаю себя единственным квалифицированным специалистом в этой области. Итак, я провел небольшое расследование и узнал о ваших прошлых неприятностях, месье Сидролен, и о тяжкой несправедливости, жертвою коей вы стали. Невинный человек два года проводит в КПЗ! Тем более гнусным показалось мне преследование, которому вы подвергаетесь ныне. Желая разоблачить негодяя, что донимает вас

своей неоправданно-жестокой местью, я нанялся консьержем в дом, строящийся по ту сторону шоссе. И каждую ночь я подстерегал его, но так никого и не обнаружил. Как вдруг сегодня я увидел две подозрительные тени. Их было двое, я — один. И все же я отважно приблизился к месту их действий — без сомнения, преступных. Это был первый срыв в моей карьере, ибо в результате я сам угодил к вам в руки. Ну а касательно моей невиновности в вопросе о надписях, она, как мне кажется, вполне подтверждается тем фактом, что при мне не обнаружено никаких приспособлений для живописных, письменных, а равно и гравировальных работ.

Он смолк, и тут все услышали ровное похрапывание герцога д'Ож, который мирно заснул в самом начале повествования.

Сидролен почесал затылок. Он увидел, что Пешедраль не спит, а всего лишь дремлет, и спросил его, правда ли, будто у их пленника не оказалось при себе никаких приспособлений для живописных, письменных, а равно и гравировальных работ.

Пешедраль, с трудом продрав глаза, ответил:

— Этот человек сказал правду.

— Стало быть, обвиняемый невиновен, — за-

ключил Сидролен.

— Ну это еще как посмотреть!

— Мадемуазель не согласна? — вызывающе спросил Лабаль.

— Нет, — ответила Лали. — Все, что вы здесь наплели, доказывает, как дважды два, что вы заступник хреновый, правосудец фиговый, Монте-Кристо ерундовый, Зорро дерьмовый, Робин Гуд трухлявый, завистник гунявый, пачкун слюнявый, маньяк мозглявый, — одним словом, патентованный экзальтированный антисидроленист!

— Мадемуазель, — спокойно возразил Лабаль, — позвольте мне сообщить вам, что вы рассуждаете, как полная бестолочь, не видите дальше собственного носа и совершенно не умеете пользоваться своим серым веществом. Пораскиньте мозгами хоть на минутку, — я намеренно не говорю «подумайте», это слово вас скорее всего напугает, — я прошу всего лишь пораскинуть мозгами. Я даже не требую, чтобы вы раскинули карты, что для вас куда привычнее, — ведь мне известно, что юные девицы чаще увлекаются…

— И ты его спокойно слушаешь! — говорит Лали Сидролену. — На твоем месте я бы ему морду в

кровь разбила. Если бы герцог не спал, он бы уж давно заткнул пасть этому гаду.

— Но он спит! — заявил Лабаль. — А я продолжаю: пораскиньте мозгами, мадемуазель! Ну, стал бы я рассказывать вам всю свою жизнь — достойную, впрочем, лишь восхищения! — будь я виновником этого маниакального преследования? Ведь это же абсурд! Поверьте, мадемуазель, я — стопроцентный сидроленист.

Лали не отвечает.

— Месье Лабаль, — говорит Сидролен, — прошу вас извинить моих гостей, они были движимы самыми благородными побуждениями.

— Я буду великолепен и великодушен, как Эрнани! — заявляет Лабаль. — Я стану выше этого.

— Интересно будет поглядеть, — говорит Лали.

— Привет! — восклицает графиня, входя в кубрик.

— Бе-е-е! — вторит ей Фелица.

— Вы позволите мне удалиться? — спрашивает Лабаль.

И он исчезает.

— А завтрак еще не готов? — осведомляется пешедралева мамаша.

Вопрос, однако, задан столь любезным тоном, что Лали даже не на что обидеться. Графиня

продолжает:

— Кто был этот господин? Тот, кого хотели поймать?

— Вышла ошибка, — говорит Сидролен.

Графиня воздерживается от комментариев, чтобы не смущать сон своего сына, в свою очередь заснувшего; впрочем, учуяв запах жареных свиных сосисок, все быстренько открыли глаза.

— Ах, какое приятное пробуждение! — возгласил герцог. — Какое аппетитное явление! Поистине, щедрая награда для таких рыцарей, как мы! А куда же подевался наш мошенник? Я так понимаю, месье Сидролен, что вы, невзирая на свои мирные помыслы, все же швырнули его в реку, предварительно утяжелив несколькими слитками свинца?

— Нет, — отвечает Сидролен. — Я его отпустил.

— Ну, будет мне наука, как совершать благородные поступки! — вскричал возмущенный герцог.

— Поступок оказался скверным, — спокойно ответил Сидролен. — Этот человек не имел никакого отношения к ругательным надписям.

— Провели Сидролена, как последнего простофилю, — заметила Лали.

— Нисколько не сомневаюсь, — подтвердил герцог, — впрочем, теперь наплевать. Предостав-

ляю вам малярничать, сколько влезет, месье! Предоставляю вам малярничать, сколько влезет!

Тем не менее за весь день Сидролену так и не представился случай помалярничать; к тому же, как и накануне, он весь день не видел своих гостей. Вернулись они лишь после ужина. Сидролен играл в карты с Лали. Лали, играя в карты, курила.

Герцог и Пешедраль сели рядом и налили себе укропной настойки. Графиня и Фелица прямиком отправились по каютам.

— Все в порядке? — вежливо спросил Сидролен.

— А у вас? — оживленно спросил герцог. — Как там наша мазня?

— Сегодня чисто.

— Понятно. Ну а мы нынче ударились в архитектуру: решили доставить удовольствие его *(жест)* маме и прошвырнулись по всем что ни на есть церквухам подряд; сдохнуть можно, сколько их понастроили здесь, в столице!

— А вы случайно не антиклерикал, господин герцог? — спросил Сидролен.

— Архиантиклерикал! Только, ради Бога, не величайте меня господином герцогом! Теперь, когда мы познакомились покороче, можете звать

меня запросто: Жоакен.

— А с какой стати мне звать вас Жоакеном?

— Да потому что это мое имя.

— И мое тоже, — ответил Сидролен. — Не представляю, как это я буду звать сам себя, обращаясь к чужому человеку.

— Чужой да княжой! — беззлобно отпарировал герцог. — Ладно, раз уж мы оба Жоакены, зови меня Олендом, — это мое второе имя.

— И мое тоже.

— Ну, ничего, у меня в запасе еще пять: Анастаз Кре…

— …пиньен Еме…

— …рик Нор…

— …бер.

— В таком случае, — вскричал герцог, совсем развеселившись, — вернемся к отправной точке: зовите меня д'Ож… или нет, лучше Джо, а я вас буду звать Сид.

— Мне больше нравится Сидролен, — сказал Сидролен.

— Ладно, пусть будет Сидролен, коль Сидроленом быть желаешь, но тогда я стану обращаться к тебе на «ты».

— Я не против.

— И ты тоже обращайся ко мне на «ты», —

добавил герцог, щедро плеснув себе укропной настойки.

— Хорошо, буду обращаться к вам на «ты».

— Так вот, Сидролен, — продолжал герцог весьма повышенным тоном, — т-т-ты меня не уважаешь! Я п-п-понял это нынче утром, когда румяная заря осветила б-б-бегство нашего пленника. Стоило трудиться, сказал я себе, и всю ночь студить себе задницу, стараясь угодить нашему хозяину, чтобы потом названный хозяин повел себя, как глупая стыдливая недотрога; однако Сфен разъяснил мне, что ты, в конце концов, лучше меня разбираешься в этих делах и, возможно, имел веские причины отпустить этого типа, чью физиономию я, хоть убей, никак не могу припомнить. Будь я на твоем месте, мне бы не понравилось его соседство. А засим — доброй ночи!

Вслед за этим внезапным заявлением он встал, что незамедлительно проделал и Пешедраль, но тут вмешалась Лали:

— А кто этот месье Сфен, что отпускает вам замечания по его *(жест)* адресу?

— Это не месье, это конь, — ответил герцог.

— Ваш конь делает замечания?

— По этому поводу, — продолжил Жоакен, оставив без внимания последний вопрос, — у

меня тоже есть одно замечание. Я обнаружил, что французы с их ска#чками тоже стали алхимиками.

Ни Лали, ни Сидролен даже глазом не моргнули, и еще менее того — Пешедраль.

— Да-да, — подтвердил герцог, — они все надеются извлечь золото из лошадей. Ну-с, теперь и вправду доброй ночи!

И он исчез, хотя тут же появился снова.

— Мое замечание наверняка показалось вам странным. Я признаю, что оно и в самом деле оригинально: не все то золото, что из коня.

И он вновь исчез; его удалявшийся хохот наконец затих вдали.

— Посидите с нами еще, — сказала Лали Пешедралю, который не успел исчезнуть вместе с герцогом.

— Не могу. Я должен помочь герцогу стащить сапоги.

— Да на нем нет сапог!

— О нет, есть — виртуальные.

— А ваши лошади тоже носят сапоги?

— Виртуальные? Конечно!

Вдали послышался продолжительный рев.

— Вот, слышите? — воскликнул Пешедраль. — Герцог гневается.

И он поспешно исчез.

— Ладно, — сказала Лали, — пойду-ка и я снимать свои виртуальные сапоги.

— А я еще посижу, — сказал Сидролен.

Оставшись один, он разложил пасьянс. Затем потушил свет.

Текут минуты, в тишине только и слышно, как по бульвару шныряют лунатики-уаттомобили.

Потом вдруг раздается дикий шум, крики и даже, кажется, ругательства. Дверь кубрика распахивается, вспыхивает свет, и Лабаль зашвыривает внутрь человека, которого он застиг за писанием оскорбительных надписей на загородке. Человек садится, переводит дух и наливает себе укропной настойки. Прибегает вскочившая с постели Лали в поспешно накинутом халате. Все прочие обитатели баржи спят глубоким сном. Они теперь всегда спят глубоким сном — с тех самых пор, как перестали или почти перестали видеть сны.

Прибежавшая Лали видит Сидролена, который наливает себе укропной настойки. Лабаль уселся и молчит, вид у него озадаченный до крайности.

Лали в замешательстве, она не знает, что спросить.

Сидролен пьет свою укропную настойку, потом

обращается к консьержу:

— Надеюсь, вы не простудились, поджидая меня. Вы заслужили стаканчик укропной настойки.

И с бледной улыбкой говорит Лали:

— Месье — опытный сыщик.

Лали садится.

— Хотелось бы мне знать, — говорит Лабаль, — что вы теперь будете делать. Я, конечно, понимаю: меня это не касается, но поскольку, ввиду недавних событий, ответственность моя неизмеримо возросла, вы должны признать, что я имею право задать подобный вопрос себе, а также и вам.

Сидролен не отвечает, и Лабаль добавляет:

— В общем-то, вы можете продолжать в том же духе.

И добавляет еще:

— Теперь-то уж я следить за вами не стану. Миссия моя выполнена, и я могу подать в отставку с должности консьержа и покинуть ваш квартал в поисках новых приключений.

Он поворачивается к Лали и заканчивает:

— Я не желаю месье Сидролену никакого зла, но после того небольшого инцидента мне, естественно, хотелось доказать свою полную и непреложную невиновность. Месье Сидролен может

считать, что ему еще очень и очень повезло, что я не укокошил его за подобное издевательство над людьми и надо мной… Нет, мерси за любезность, я никогда не пью укропную настойку. А теперь позвольте мне удалиться.

— Сделайте милость, и побыстрей, — отвечает Лали.

Лабаль выходит, аккуратно прикрыв за собою двери кубрика.

— Пойду спать, — говорит Лали.

— Да-да, — откликается Сидролен, — доброй ночи.

Лали выходит, аккуратно прикрыв за собою двери кубрика. Когда на рассвете герцог заглядывает в кубрик, чтобы поглядеть, не готов ли завтрак, он обнаруживает там Сидролена, подремывающего над своим стаканом.

— Ку-ку! — кричит герцог. — Уже встал или еще не ложился? А невеста небось почивает? Интересно, остались ли сосиски в холодильнике? Что-то погоду на дождь тянет.

Появляется Пешедраль.

— Готовь завтрак, — приказывает ему герцог. — Я голоден, как волк.

— А лошади, господин герцог?

— Да, верно.

Пешедраль идет обихаживать лошадей. Герцог садится против Сидролена.

— Придется ждать пробуждения невесты. Что бы мне пока на зуб положить? Нет, только не укропную настойку, слишком рано. Тем более что твоя настойка — не первый сорт, хоть и зовется «Белой лошадью». Она и в подметки не годится той, что я гоню по рецепту моего алхимика Тимолео Тимолея. Вот, кстати, еще одна связь между алхимией и лошадью. Лошалхимия. Ничего себе словцо, а? Хотя нет, не фонтан. Когда-то у меня бывали и удачнее… раньше… в старину…

И герцог зевнул во весь рот.

— Черт возьми, Сид, что-то ты нынче неразговорчив!

— Хочу сообщить вам новость.

— Мы, что ж, больше не на «ты»?

— …тебе сообщить.

— Слушаю.

— Консьерж из дома напротив изловил типа, который малевал на загородке.

— Настоящего?

— Настоящего.

Герцог оглушительно расхохотался и вымолвил лишь несколько минут спустя:

— Значит, застукал он тебя?

— Ну да.

— Подумаешь, какая важность!

— Да нет, кажется, это важно.

— Не может же он помешать тебе малевать и замалевывать надписи, коли тебе это по душе.

— Меня не он волнует.

— Что-то она долго не встает нынче утром, — заметил герцог.

— Не знаю, — сказал Сидролен.

— Ну раз так, — заявил герцог, — пойду-ка прогуляю лошадей; мы позавтракаем в городе. Например, в «Кривобокой сирене». Передай нашим дамам, чтобы шли туда.

— Непременно передам, — сказал Сидролен.

И герцог вышел, громко хлопнув по рассеянности дверью кубрика.

XX

Сидролен слегка прибрал в кубрике. Потом он вышел на палубу. Графиня и Фелица потребовали на завтрак сосисок; но в соответствии с инструкциями герцога, дамы получили указание отправляться в «Кривобокую сирену» и послушно удалились. Ровно через шестнадцать минут после их ухода на палубе появилась Лали. Она несла чемодан.

— Прощайте, — сказала Лали.

И, поставив свою ношу наземь, протянула Сидролену руку.

Из чего Сидролен вынужден был заключить, что Лали покидает его; желая облечь свое открытие в слова, он спросил:

— Вы уезжаете?

— Как видите.

— У вас есть серьезные причины для отъезда?

— Я не люблю психов.

— Кого вы имеете в виду?

— Я к вам так привязалась! Думала, вас и вправду преследуют.

И она расплакалась.

— Ну-ну, не надо, — сказал Сидролен. — Вы на меня очень сердитесь?

— Ага, — всхлипнула Лали. — Вы насмеялись надо мной.

— Да ни над кем я не насмеялся. Просто придумал себе такое занятие. Все-таки какое-то развлечение в жизни, — развлечение, и ничего больше.

— Свихнуться надо, чтобы делать такие вещи.

— Но все же это лучше, чем просиживать штаны в бистро.

— И, кстати, вы слишком много пьете.

— Да разве я когда-нибудь бываю пьян?

— Чтобы малевать такие гадости, надо набраться укропной настойки по самое горлышко. Оскорблять самого себя! Почему бы уж вам заодно не расхаживать с голым задом, людям на смех?!

— Это не мой жанр, — ответил Сидролен. — И потом, вы, я думаю, путаете разные вещи.

— Какие еще вещи?! Опять вы собираетесь спорить по пустякам.

И она заплакала еще горше.

— Ну-ну, не надо, — сказал Сидролен. — Никогда себе не прощу, что так огорчил вас.

— Нашли время любезничать!

Лали осушила платочком влажные щеки и

энергично высморкалась.

— Я ухожу, — добавила она, поднимая чемодан.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил Сидролен. — Опять пойдете к месье Альберу? Станете искать работу? Или вернетесь домой?

— Вам-то какое дело, раз я исчезаю из вашей жизни?!

Эти слова вызвали у самой же Лали новый приступ рыданий — таких бурных, что ей пришлось опять поставить наземь чемодан.

— Ну, раз это вас так расстраивает, не исчезайте из нее! — сказал Сидролен.

— Если это все, что вы можете мне сказать…

Она опять утерла слезы, подхватила чемодан, повторила свое «прощайте» и удалилась твердым шагом. Сидролен смотрел, как она взбирается по косогору, распахивает дверцу загородки и уходит.

Лали зашла выпить кофе в бистро на углу. Парочки на террасе целовались взасос и энергично обжимались, перед тем как отправиться на работу. Это зрелище подвигло Лали на пролитие новых слез, которые она украдкой подбирала платком. Внутри, в бистро, алхимики, вооруженные пинцетами и карандашами, колдовали над

программой скачек. Среди них толокся и давешний борец за справедливость. Лали поспешила выпить кофе и удалиться.

На вокзале, где Лали некогда повстречала мсье Альбера, она сдала чемодан в камеру хранения и пошла выпить вторую чашку кофе, дабы за это время прояснить для себя, хоть самую малость, сложившуюся ситуацию. Она села на террасе пивной — просторной террасе с кучей посетителей, кучей официантов и кучей метрдотелей. По тротуару сновали кучи прохожих, по шоссе катили кучи уаттомобилей. Мимо террасы бегал орущий продавец с кучей газет, какая-то дама-алхимичка звонила в колокольчик, пытаясь сбыть кучу лотерейных билетов.

Лали — подавленная, растерянная — сидит там добрый час, а еще точнее, час четыре минуты; потом вдруг вскакивает на ноги, поспешно расплачивается, бежит к автобусу и доезжает до «Хмель-бара», по-прежнему старающегося выглядеть так же, как все соседние бары. Она входит и садится. Зал пуст: ни клиентов, ни хозяина. Открытый люк свидетельствует о том, что этот последний, верно, занят в погребе, но чем именно? Пользуясь одиночеством, Лали тихонько плачет.

Внезапно на уровне пола появляется полувысокая, полусплющенная каскетка из потертого сукна в черно-белую клеточку. Лали утирает гляделки и то, что под ними, платком, который уже хоть выжимай, а из подземелья тем временем медленно поднимается кратковышеописанный головной убор. За ним возникает и голова, а следом все остальное, от плеч до подошв шлепанцев, полудлинных-полукоротких шлепанцев из потертого сукна в черно-белую клеточку. Когда все это убирает трап, оно поворачивается на тридцать семь градусов, в результате какового маневра замечает юное создание, безрадостно созерцающее в зеркале отражение репродукции «Умирающего Геракла» кисти Сэмюэла-Финли-Бриза Морзе.

— Чего надо? — осведомляется хозяин. — Здесь одиноких дамочек не обслуживают. Вы что это себе воображаете?

— Я жду мсье Альбера, — говорит заискивающе Лали.

— Альбера… какого еще мсье Альбера? Вы думаете, я знаю по имени всех своих клиентов?

И он обводит зал взглядом, свидетельствующим о размахе своего заведения — размахе, о коем красноречиво свидетельствует царящее в

данный момент безлюдье. Лали настаивает:

— Ну, как же, вы должны знать! Мсье Альбер… вспомните, — мсье Альбер! Я к нему не с претензиями, мне просто нужно с ним поговорить. Я хочу его дождаться.

Онезифор приподнимает каскетку и скребет темя с такой энергией, что челюсти у него периодически размыкаются и смыкаются, пропуская — в первом случае — следующие слова:

— Ах, да… мсье Альбер… если это тот… кого вы ищете… так он в тюряге.

— Не может быть!

— Похож я на вруна?

И он угрожающе надвигает каскетку на лоб.

— Вот уж не везет, так не везет, — шепчет Лали.

— Да таких Альберов, всех цветов и размеров, на каждом углу навалом, коли тебе надо устроить свои дела.

— Нет, ему я доверяла.

И Лали опять заливается слезами. Онезифор старается утешить ее.

— Перекрой фонтан, хватит воду лить, — говорит он. — Теперь ты своего мсье Альбера долгонько не увидишь. Очень даже долгонько. Так что кончай сырость разводить… утрись…

Лали с трагическим видом встает и выходит, тщательно прикрыв за собой дверь, в то время как хозяин ударяется в слезы у себя за стойкой.

И вот бредет Лали своей дорогой, которую и дорогой-то не назовешь, поскольку она никуда не ведет, хотя кругом не лес дремучий, — бредет наугад, хорошо еще что не унесенная ветром, ибо дует ветер, стоит ноябрь месяц и даже идет дождь, а Лали все бредет и бредет под этим дождем, в конце концов вымокнув до нитки, так что ей приходится зайти в подворотню, и по лицу ее стекают капли — не то дождя, не то слез.

— Ого! — восклицает графиня, — здорово же вас намочило!

— Бе-е-е! — вторит ей Фелица.

Лали изумленно таращится на них.

— Что-нибудь не ладится? — спрашивает графиня. — Вы на нас вылупились так, будто мы с того света явились. Эй, да вы нас узнаете ли?

— Здравствуйте, мадам, — говорит Лали не слишком компрометирующим тоном.

— Привет! — отвечает графиня.

— Бе-е-е! — вторит ей Фелица.

— А мы прячемся от дождя, — объясняет графиня. — Как только хоть немного развиднеется, рванем к нашей тачке, она там *(жест),* на углу.

Поехали вместе с нами! Мы уговорились обедать вместе с Жожо и Пепе. Составьте нам компанию. Мы тут наладились в ресторан-люкс, — он трехзвездный, но заслуживает целого созвездия. Так что уж поверьте, мы там за столом не соскучимся, правда, Фелица?

— Бе-е-е! — отвечает Фелица, и по подбородку у нее текут слюнки.

— Ну вот, дождь как будто стихает. Пошли?

— Нет, спасибо, мадам, — шепчет Лали.

— Ну-ну, пошли, не упрямьтесь!

И она тащит Лали за руку. Фелица семенит сзади.

— Но если вы обедаете с нами, кто же ему-то приготовит жратву? — спрашивает герцог, когда они встречаются в сверхзвездном супер-люксе.

— Я ему больше готовить не собираюсь, — говорит Лали. — Только не я. Больше никогда. Я уезжаю. Между нами все кончено.

И она начинает рыдать самым жалостным образом.

— Ну нет, только не это! — вскричал герцог, — не вздумайте портить нам обед!

— Расскажите, что с вами случилось, — отважно попросил шепотом Пешедраль.

— Не люблю психов, — проговорила Лали

сквозь слезы.

— Кого это вы имеете в виду? — спрашивает герцог.

— Сидролена, — отвечает, сморкаясь, Лали, — знаете, ведь это он сам…

— Знаю, знаю, — говорит раздраженно герцог. — Ну и что с того?!

— Это ненормально! — заявляет Лали.

Ответ вызывает у герцога улыбку, и он продолжает диалог в таких словах:

— Вы питаете к нему слабость?

— Питала.

— Да вы же его просто-напросто любите.

— Ага, любила.

— А разве это было нормально?

Лали удивленно молчит. Герцог продолжает:

— И, пари держу, вы его любите до сих пор.

Лали не отвечает.

— Что, разве не правда?

— Правда.

— А разве это нормально?

Лали не находится с ответом.

— Вот видите, — заключает герцог. — На свете нет ничего вполне нормального.

И он добавляет:

— Так что после обеда возвращайтесь-ка домой

и помиритесь с Сидроленом. Обещаете?

— Ага, — шепчет Лали.

И герцог повернулся к графине со словами:

— Вот видите, не так уж это трудно.

Затем он хлопнул в ладоши и возгласил:

— Метрдотель! Мы откроем обед свиными колбасами, затем, метрдотель, мы продолжим обед свиными колбасками, а завершим мы обед, метрдотель, сладостями — не свиными, но иными, — с винными и не винными напитками. Вот что я называю хорошо составленным меню. И плевать мне на икру и прочие москверности! Эй, подать сюда шампанского!

Итак, они вдоволь полакомились свиными колбасами, свиными колбасками и иными, не свиными, яствами, орошая их винными и не винными напитками. Однако Лали не терпелось вернуться на баржу. После кофе, пока герцог приступал к девятой бутылке шампанского, она незаметно улизнула.

Обе лошади были привязаны на улице, прямо под табличкой с запрещением парковаться. Увидев их, прохожие на несколько мгновений превращались в зевак, а потом вновь обретали свою обычную пешеходную природу. Группка полицейских вяло обсуждала проблему. Всего

этого было явно недостаточно, чтобы образовать толпу. Лали не стала задерживаться, — она была едва знакома со Сфеном и Стефом. Позволив себе роскошь взять такси, она остановила его перед бистро на углу, чтобы купить сигарет. Несколько парочек все так же прилежно совершенствовали технику засоса, а алхимики терпеливо дожидались того мига, когда маленький черный аппаратик одобрит технику их дистилляций.

Лали вышла из бистро; проходя по бульвару на набережной, она еще издали завидела толпу, а, подойдя ближе, разглядела полицейские фургоны и пожарные машины.

— Мать твою!.. — сказала она вполголоса. — Что еще там стряслось?

— Строящийся дом рухнул, — сообщил прохожий, шедший ей навстречу. — Он, конечно, был не заселен именно потому, что строился. Там находился один только консьерж. Его как раз сейчас выкапывают из-под обломков. Вас заинтересовало мое разъяснение?

— Слабо, — ответила Лали.

— Ну, на вас не угодишь! — бросил прохожий и с оскорбленным видом удалился.

Бульвар был перегорожен.

— Я там живу, — сказала Лали. — Вон на той

барже.

Ее пропустили.

Лали ищет Сидролена. Но Сидролена на барже нет. Лали садится в кубрике, закуривает сигарету, стелет на стол зеленую скатерку и принимается раскладывать пасьянс. А Сидролен тем временем торчит на набережной в толпе зевак. Возле дома кипит работа: расчищают шоссе, пытаются извлечь из-под развалин консьержа, снимают для кино- и фотохроники. Поскольку начинает темнеть, военные подвозят прожекторы. Это весьма великодушно с их стороны, но прожекторы уже не нужны. Наконец из-под обломков извлекают нечто — это труп Ла-Баланса в весьма плачевном состоянии. Его увозят — так же скрытно, как и быстро. Шоссе расчищено, движение восстановлено, зеваки рассасываются в поисках других зрелищ, вновь проходят прохожие — по-прежнему редкие, но теперь еще и ночные. Полицейские, пожарные и военные тоже уходят в ночь.

Стоя у дверцы своей загородки, Сидролен наблюдает, как мало-помалу затихает вся эта хроникально-документальная кутерьма. Повернувшись, он видит свет на борту баржи.

— Гляди-ка! — говорит он вполголоса, — гости мои, что ли, вернулись?

Ни один прохожий ему на это не ответил.

Сидролен спустился по косогору, перебрался по мосткам на баржу и вошел в кубрик. Лали загасила окурок в переполненной пепельнице и улыбнулась.

— Ну как пасьянс — вышел? — спросил Сидролен, садясь напротив.

Лали не ответила, она перевернула новую карту, потом следующую и вдруг, хлопнув себя по лбу, воскликнула:

— А мой чемоданишко! Я же забыла его в камере!

— Могу съездить за ним. На каком вокзале?

— Не берите в голову. Я завтра съезжу сама.

— Как желаете.

После короткого молчания Лали проговорила:

— За мое отсутствие здесь много чего случилось.

— Да ничего особенного. Дом напротив упал на голову консьержу.

— И что же стало с нашим правдоискателем?

— Погиб.

— А вы? Как ваши малярные работы?

— Я безработный.

— Значит, за мое отсутствие все-таки много чего произошло.

После короткого молчания Сидролен проронил:

— Бедняга.

— Кто бедняга?

— Консьерж.

— Почему же это он бедняга? Он зануда и убийца.

— Но ведь он погиб.

— Конечно, смеяться здесь не над чем, но мы прекрасно без него обойдемся. Мы-то ни при чем.

Лали закурила новую сигарету. И добавила:

— Вряд ли этот дом так уж плохо строили. Не мог он рухнуть вот так вот, сам по себе. Разве нет?

После короткого молчания Сидролен ответил:

— Я не архитектор, я маляр.

Он печально улыбнулся и заключил:

— Но что правда, то правда, мы тут ни при чем.

Лали погасила в пепельнице едва начатую сигарету и сказала:

— Пойду приготовлю ужин.

— В холодильнике еще остались сосиски, — ответил Сидролен, — но у меня не хватило духу идти за хлебом. Если хотите, я схожу.

— Не надо, обойдемся и так.

Лали встает, складывает карты и скатерку; когда она уже переступает порог, Сидролен предлагает:

— А не сходить ли нам после ужина в кино?

Вернувшись, они обнаружили на палубе баржи лошадей, а в кубрике гостей. Сидролен идет узнать, как у них дела.

— Ну и влипли же мы! — бодро закричал при виде его герцог. — Наш фургон раздавило в лепешку: на него рухнула бетонная плита. Вы не могли бы пока приютить Сфена и Стефа в трюме?

— Можно попробовать, — сказал Сидролен.

— И это еще не все, — продолжал герцог так же бодро. — Несколько обломков повредили мой уаттомобиль: теперь он целиком и полностью немобилен. А поскольку колымага пешедралевой мамы сегодня днем сломалась сама по себе, я просто не знаю, на чем нам ехать домой.

— А вы собрались домой? — спросил Сидролен.

— Этим же двоим, — добавил герцог, игнорируя последний вопрос, — покорежило их велосипедишко.

— Вернее, тандем с мотором, — поправил аббат Рифент.

Посчитав внимательно, Сидролен констатировал, что число гостей возросло с четырех до шести.

— Прекрасная была машина, — вздохнул монсеньор Биротон.

— Лучше не бывает, — отозвался аббат Рифент.

— Итальянской марки, — сказал монсеньор Биротон.

— Мы купили ее в Тренто, — добавил аббат Рифент.

— Да-да, — подтвердил герцог. — Они там заседали на Соборе.

— И защитили несколько тезисов о монотеизме[70] доисторических народов... — сообщил монсеньор Биротон.

— ...о коем неопровержимо свидетельствует их настенная живопись, — закончил аббат Рифент.

— А как ваша невеста? — спросил герцог у Сидролена, позабыв об обоих церковниках. — Разве ее нет здесь?

— Да-да, она здесь, — сказал Сидролен. — Но она пошла спать. Устала.

— Ну еще бы, я понимаю, — вздохнул герцог. — Столько переживаний!..

---

[70] Примечания: 70

Монотеизм — религиозные верования, основанные на представлении о едином Боге.

— Именно, — ответил Сидролен и поторопился добавить: — Сейчас займусь вашими животинами.

И он вышел.

Перед тем как открыть трюм, он принимает позу мыслителя, но не сидячего, а стоячего, и выдерживает ее столь долго, что, наконец, слышит чей-то голос:

— Вам нужно просто положить доску пошире, а мы по ней съедем вниз.

Сидролен повернулся: на него глядели две лошади, а больше никто.

— А как вы подниметесь обратно наверх? — спрашивает он.

— О, вот для этого понадобятся тали и подпруги, — отвечал Сфен. — И некое количество силы, единица которой отныне будет носить мое имя, в тысячу раз более популярное, нежели имя Ньютона.

— Смотрите, спуститесь вниз, да так там и застрянете.

— Ничего, вы что-нибудь придумаете. А пока что у нас нет ни малейшего желания ночевать под открытым небом, тем более вон уже дождь накрапывает. Ты согласен, Стеф?

Поскольку Сидролен все еще не двигался с ме-

ста, Сфен продолжил в таких словах:

— Время уже позднее. Поищите-ка хорошенько, я уверен, вы найдете достаточно широкую доску. Например, ту, что служит вам мостками.

Сидролен сделал так, как сказал ему Сфен. Пристроив лошадей в трюме, он пошел спать.

XXI

Когда на следующее утро Сидролен вышел на палубу, он увидал следующую картину: герцог кухонным ножом рубил швартовы, а Пешедраль и оба священника, кряхтя, отталкивали баржу от берега шестами.

— Можно узнать, чем это вы занимаетесь? — вежливо спросил Сидролен.

— Я возвращаюсь домой, — сообщил герцог.

Сидролен вознамерился задать несколько дополнительных вопросов, но герцог властно оборвал его:

— Позже поговорим!

Почесав в затылке, Сидролен отправился на камбуз, где застал Лали за поджариванием свиных сосисок.

— Ну что? — спросила она. — Мы, кажется, отправляемся в путешествие?

— Похоже на то.

Больше они не обменялись ни словом. Сидролен пошел в кубрик. Там он обнаружил множество не то дам, не то девиц, которые молча дожидались завтрака. Вернувшись на палубу, он заметил, что

гостей сильно прибыло. Герцог отдавал приказы, окликая вновь явившихся. Последний канат был уже перерезан, и баржа отваливала от берега. Сидролен развернулся и снова направился на камбуз. Окружающие не обращали на него ни малейшего внимания. Он схватил Лали за руку и потащил на палубу.

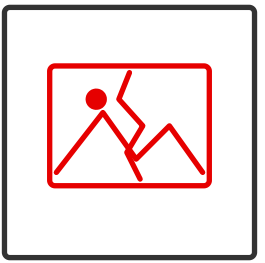
Баржа тихонько плыла по течению. Герцог встал к штурвалу: казалось, занятие это доставляет ему огромное удовольствие. Он заметил Сидролена и Лали, которые, сев в лодку, отвязывали ее от баржи; вскоре они достигли берега и исчезли.

И тогда пошел дождь. Он шел день за днем, день за днем. Стоял такой густой туман, что невозможно было понять, движется баржа вперед, назад или стоит на месте. Наконец она причалила к верхушке д'ожнона. Пассажиры вышли на площадку, Сфен и Стеф тоже, — впрочем, не без труда: эти бедняги совсем отощали и выбились из сил. Вода отступила и вернулась в обычное русло; назавтра, когда герцог проснулся, солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Герцог подошел к зубчатому парапету д'ожнона, дабы прояснить для себя, хоть самую малость, историческую обстановку. Земля была еще покрыта

толстым слоем ила, но из-под него то там, то сям уже пробивались и расцветали прелестные голубые цветочки.

Переводчик посвящает это издание светлой памяти Андрея Дмитриевича Михайлова (1930–2009), человека необъятной эрудиции, литературоведа высочайшего уровня, глубокого знатока французской литературы от Средневековья до наших дней.

Кено Раймон



Голубые цветочки

Кено предлагает читателю прежде всего глобальную пародию, игру, в которой имена и цитаты из самых разных источников значат едва ли не больше, чем само повествование.

Эхо Москвы

Кено — даже в самых абсурдных своих текстах — высокоумный мальчик в очках, знаток словарей, античности, Библии, французской поэзии… Философ, концептуалист, продолжатель энциклопедической традиции, он создает текст — научный опыт, лабораторию языковых новаций… Моделирование Кено начинается в тот момент, когда он помещает психологически достоверных людей в нереальные или абстрактные миры,

где они быстренько теряют свою достоверность. (…) Но в исполнении великого комбинатора литература не становится комбинаторикой. Даже с насмешкой над пафосом науки она остается трагикомедией.

Книжная витрина

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.